

Александр Раков

*Монашеское
царство*

письма-откровения

Жене Валерии посвящаю

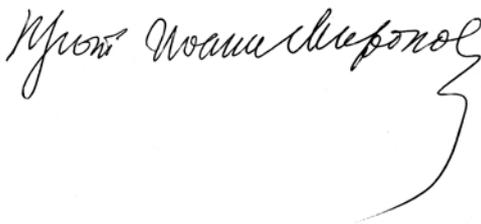
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

Имя автора в особой рекомендации не нуждается. Александр Раков – профессиональный журналист и писатель, многолетний редактор всероссийской газеты «Православный Санкт-Петербург» и четырёх дочерних изданий. Является открывателем нового литературного жанра миниатюры – «былинки».

Теперь Александр Григорьевич решился на создание книги в погибающем эпистолярном жанре – переписке с талантливой поэтессой из Пюхтицкого женского Успенского монастыря. Она пролежала в архиве много лет, ожидая своего часа, но своей актуальности не потеряла. Имя своё монахиня открывать не благословила. С Богом!

*По благословению духовника
митрофорного протоиерея Иоанна Миронова*

A handwritten signature in black ink, reading "Иоанн Иоанн Миронов". The signature is written in a cursive style with a large, decorative flourish at the end.

Лауреат Международной премии имени М.А.Шолохова
в области литературы и искусства

ISBN 978-5-4380-0127-0

© Сокурова О.Б. Врачевание любовью

© Раков А.Г., текст, стихотворения

Содержание

Врачевание любовью.....	4
В Пюхтице.....	16
Начало знакомства.....	19
Петербург.....	20
Начало разговора.....	22
Письма.....	23
Достойная.....	213
«...Когда монах плачет».....	224
Не расплескать тишины.....	238
Благодарность паломника.....	250
Письмо от своей сестры через много лет.....	251

Врачевание любовью

Иногда, оглядываясь назад, на прежние времена, приходится с грустью отмечать, сколь многое, как видно, безвозвратно ушло из современного человеческого мира. Одна из самых значительных и невосполнимых потерь – способность писать друг другу

письма. Конечно, имеются в виду письма настоящие, личные, а не набранные наспех, деловым телеграфным стилем, содержащие лишь поверхностную информацию: мол, был там-то, делал и видел то-то, фото (сэлфи) прилагаю...

Раньше существеннейшей частью нашей жизни была совсем иная переписка, идущая изнутри, из сердечных недр. Устная неспешная беседа «по душам», разумеется, тоже важна, но даже для нее нам часто не хватает времени. Однако сказанное в разговоре, как правило, легко испаряется из памяти, и в нем, помимо важного, бывает что-нибудь случайное, поверхностное, необязательное. В письменном самовыражении человек гораздо более сосредоточен, он лучше обду-

мывает и формулирует свои мысли, старается передать какие-то дорогие чувства. В письмах всегда присутствуют и автор, и адресат; здесь лучше, чем где бы то ни было, выражены неповторимые человеческие отношения. Письма – безценные хранители памяти, исторической и биографической. В них содержится воздух, аромат эпохи и свидетельство о том, какими мы были в ту или иную пору жизни. Письма, как многие из нас знают по опыту, очень интересно и полезно перечитывать.

И вот этот важнейший – эпистолярный – пласт человеческой культуры, в котором сфокусирован, запечатлён драгоценный и необходимый труд души и духа, ныне почти исчез, и неизвестно, будет ли когда-либо восстановлен. Поэтому книга, которую вы открыли, дорогой читатель, может быть названа, в известном смысле, раритетной. Не так уж часто, согласитесь, приходится знакомиться с затеянной уже в XXI веке перепиской двух наших с вами соотечественников и современников. К тому же место, откуда писались и куда приходили публикуемые письма, тоже редкое, а точнее, уникальное: Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь.

Да, это так: Пюхтица – совершенно особое и драгоценное место на земле. В далёком шестнадцатом

столетии здесь, в северном прибалтийском крае, на поросшей лесом Журавлиной горе (Куремяги), местные жители-эсты в течение нескольких дней наблюдали явление Божией Матери. Потом в расщелине дуба, рядом с которым произошло чудесное явление, они нашли икону Успения и передали её в одну из соседних деревень православному русскому приходу. Гору с той поры прозвали Пюхтицкой (т.е. Святой). У её подножия до сего дня бьёт цельбоносный источник. С течением времени на месте чудесного явления Царицы Небесной была построена деревянная часовня, затем создана приходская церковь. Наконец, по ходатайству генерал-губернатора Эстляндии князя С. В. Шаховского и его супруги Елизаветы Дмитриевны, а также по горячему прошению местных жителей, Высочайшим повелением Государя Александра Третьего Пюхтицкая Богородицкая гора была передана в собственность православного духовного ведомства. Вслед за тем в том же 1891 г. на святом месте была основана Успенская женская обитель. В ее создании и устройении самое деятельное участие принял великий светильник Земли Русской, святой праведный Иоанн Кронштадский, предсказавший, что Пюхтицкий монастырь сохранится до конца времен.

С тех пор Пюхтица стала дивным островком, средоточием Святой Руси в окружении западного инославного мира, который, однако, не только не отторг её, но и преклонился перед нею, перед кроткой красотой и благоуханной тишиной её духа. Да, «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», и ощущается этот дух гораздо сильнее и чище, чем на иных пространствах самой России. Владычица Небесная незримо присутствует здесь, и с безграничной Материнской любовью, тёплой лаской принимает каждого, врачует душевные раны, правит жизненные пути, вскрывает тайники совести и одаривает несказанной, ни с чем не сравнимой радостью. Отблеск этой радости виден на оживлённых милых лицах сестер, проявляется в их простом, бодром и приветливом обхождении. А вокруг, куда ни глянь, такая красота!..

«Летом Пюхтицкий монастырь похож на рай – от обилия ухоженной зелени и благоухающих цветов. Но и зимой монастырь прекрасен; белое покрывало сделало его чуть строже, да знаменитые «стога» дров надели белые шапки. Но даже зима не в силах скрыть женскую природу Обители: так тщательно вычищать дорожки могут только монахини, и даже сугробы получают одинаковой высоты...»

«В окно моей кельи глядит нарядный Успенский собор из красно-жёлтого кирпича с зелёными луковками куполов. Если долго смотреть на него на фоне белого неба, то в снежной поземке вдруг видишь, как собор медленно отрывается от земли и устремляется ввысь. Долгие монастырские службы среди намоленных икон, неспешная исповедь, пока не договоришься до доньшка, пламенная молитва отца Димитрия на литургии, заботливые матушки, усаживающие отдохнуть в нужных местах, бой настенных часов – и тихое облако покоя и умиротворения окутывает душу».

«Не родился еще писатель, способный описать тишину Пюхтицы. Такая она густая, наполненная хвоей и молитвой, и работой женской, посильной только для Богом призванных. Она так нужна людям, эта тишина целительная, лежащая на Обители. Ты ещё только первый шаг в монастырь – а уже иной мир, и Матерь Божия с любовью принимает тебя, и душа устраивается поудобнее – наконец-то в родное место привели. Тихо становится внутри, а неугомонная совесть, наоборот, слышна всё громче... А когда выскребешь грязь до последнего скребочка, когда вместо слов – только слёзы чистые, раскаянные, а если сподобит Господь принять Страшное Таинство Тела и Крови, – как раз тут она и наступает – та тишина долгожданная, ко-

торую ты на время заслужил. Но не родился ещё тот писатель, способный описать благорастворенность в тебе тишины Пюхтицы...»

Знаете, кому принадлежат эти проникновенные строки, полные высокой поэзии? Строгому, часто намуренному, нетерпимому и непримиримому, преобладающему в постоянной борьбе с внешними враждебными силами и с самим собой, всем известному редактору замечательной газеты «Православный Санкт-Петербург» Александру Григорьевичу Ракову. Но хорошо известное всем лежит на поверхности. Между тем, как можно догадаться по приведённым цитатам, существует невидимый для поверхностного взгляда глубинный пласт души сурового редактора – очень чуткий, благодарно отзывчивый к иномирной тишине монастырского мира, его добру и духовной красоте. Не случайно один из двух составленных недавно А. Г. Раковым огромных томов поэтической антологии имеет название «Поэзию любят красивые люди».

Вот этот заповедный – и красивый пласт души человеческой сумела разглядеть насельница Пюхтицкой обители монахиня Н. (так прикровенно обозначено её имя в представленной вашему вниманию книге). Почему сумела? Во-первых, потому, что она несёт в себе

общий дух Пюхтицы, «обители любви», как назвал её однажды Раков. Во-вторых, потому, что она тоже поэт, и поэт настоящий. В конце книги помещены её стихи, посвящённые Пюхтице. Приведём их финальные строки, созвучные поэтической прозе Ракова:

*Царицы Небесной избранный удел,
Преддверье небесного рая,
И счастлив, кто здесь помолиться умел,
К иконе святой припадая.*

В далеком уже 2002 году сюда, в «избранный удел», на святую Журавлиную гору и обратно, полетели письма: между редактором «Православного Санкт-Петербурга» и монахиней Н. завязался оживлённый обмен мыслями, духовными впечатлениями, жизненным опытом. В известном смысле, это была «переписка из двух углов» – и углов едва ли не противоположных. Один из корреспондентов в силу своей профессии находился в эпицентре мирской суеты, круговороте событий, в постоянной нервозности, связанной с жизнью газеты. Тут и кадровая текучка, и постоянные переезды редакции с места на место, и гонения за какую-нибудь не понравившуюся кому-то статью... Другой участник (вернее, участница) переписки живёт в строгом и размеренном монастырском

ритме, в отсечении своей воли, в благоразумном уклонении от впечатлений внешней жизни и лишних контактов, постоянной внимательной самопроверке, покаянии, внутреннем делании.

Контрастными представляются не только условия жизни, но и характеры участников переписки. «Я человек стремительный», «я нетерпим и нетерпелив», «опять буду стены головой проламывать», – так с подкупающей откровенностью свидетельствует о себе сам А. Г. Раков. Монахиня Н., напротив, готова к бесконечному благодушному терпению и бережному вниманию.

Один рассказывает едва ли не в каждом письме о своих действительно серьезных болезнях и неурядицах, другая, если и упоминает о личных проблемах, то в основном о духовных, и всегда в покаянном ключе. Она сосредоточена не на себе, а на «бедном Ракушке», и готова страдать вместе с ним, подбадривать в трудную минуту, оказывать всяческую дружескую поддержку.

Один в своей горячности торопится предсказать, предугадать реакцию собеседника, что-то додумать за него. Другая не настаивает на своей проницательности, а смиренно признаёт: «Вообще мы всё поймём

только на том свете, а на этом – помоги нам всем, Господи!» При этом отмечает, что никогда и ни по какому поводу не обижалась на своего друга, «потому что (не сочтите за самоуверенность) мне кажется, что хоть в какой-то степени Вас понимаю».

На чем же основано это понимание, почему так подружились, так доверились друг другу эти столь разные люди, с контрастными характерами и противоположной жизненной обстановкой? Прежде всего, это два православных русских человека. Их объединяет настоящая, неподдельная любовь ко Христу и к родной стране. Кроме того, они сверстники, и у них за плечами непростой опыт поколения, которое каким-то чудом – через падения, страдания, осознание близкой гибели души, методом «проб и ошибок» – буквально продралось к вере и утвердилось в ней. Важно и то, что оба – люди творческие, ищущие, и оба прекрасно владеют словом, чувствуют его, знают в нем вкус и толк.

Наконец – и это характерная черта обоих – они оба предельно искренни и откровенны. Оба ничего из себя не строят, не воображают, не играют соответствующую социальную или духовную роль. И эта объединяющая

их черта поистине драгоценна. Она, по-видимому, и дала им силы и решимость вполне поверить друг другу, выйти из своих одиночеств, протянуть друг другу руку помощи.

Так, монахиня Н. пишет в Петербург своему адресату: «Вы очень устали. От борьбы. И, может быть, не всегда необходимой. Но это Ваш характер. Я ценю Вас за искренность. Чувствуется, что всё, что Вы пишете, это правда. Правда Ваша субъективна, как и все правды (объективна лишь Истина), правда, которую Вы не скрываете и не пытаетесь показаться чем-то или кем-то, как большинство. Вот это меня (и, возможно, многих других) и подкупает. Правда = смелости. Уметь открыть душу не каждому дано. Вы думаете людей просвещать, а на самом деле (в записках своих) открываете себя, а что может быть интереснее, важнее человека? <...> Ну, а буйность Ваша – обратная сторона правдивости. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся»... Надеюсь, что не обидела Вас. Я ведь тоже слишком откровенна, иногда и надо оставить при себе, да вот хочется поделиться».

Действительно, что может быть интереснее человека, и что может быть полезнее его выстраданного и правдиво переданного жизненного и духовного опыта?

Поэтому и предложенная вниманию читателя переписка представляет, на наш взгляд, несомненный интерес. Конечно, она была делом двоих и не предназначалась для посторонних глаз. Но один из её участников по прошествии многих лет и по соображениям общей пользы решился на её публикацию. И от нас, читателей, зависит, чтобы наши глаза не были «посторонними» и чтобы мы с братской и сестринской любовью, с готовностью к пониманию, бережно и благодарно восприняли эту добровольную жертву, этот доверенный нам дар. Смиренную матушку Н. хотелось бы успокоить и утешить тем, что не имя её важно в данном случае, а то, что её письма несут в себе дух Пюхтицы, который восходит к той любви во Христе, о каковой вдохновенно говорил Апостол Павел: *«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...»* (1 Кор. 13: 4 – 8).

Отсвет описанной Апостолом христианской Любви можно увидеть и на других упомянутых в этой книге людях. Так, матушка Н. в каждом из своих писем не-

изменно, с глубочайшим уважением, передает поклон супруге А. Г. Ракова Валерии Михайловне – умной, спокойной, терпеливой, незаменимой помощнице мужа, необходимой ему, как воздух. Со своей стороны, Александр Григорьевич с великим почтением и бережной заботливостью упоминает имена знакомых насельниц Пюхтицкой обители. А в конце книги, словно венчая её, он помещает интервью со старейшей монахиней Свято-Успенского монастыря матушкой Ионной, ныне почившей, и приснопамятной Игуменьей Варварой, которая, как пишет монахиня Н., являлась и, наверное, навсегда останется «Сердцем Обители». Хотелось бы отдать ей земной поклон и выразить удивительное впечатление о её личности: матушка Игуменья была всем доступной – и в то же время совершенно недостижимой, очень простой – и таинственно непостижимой. Каждого в отдельности и всех вместе она вместила в свое великое сердце. Она-то и завершает в своих мудрых ответах и словно доводит до вершины неспешный и нелегкий путь писем-откровений, пролегающий в заповедное Монашеское Царство.

Ольга Борисовна Сокурова,
кандидат искусствоведения,
доцент Института истории в СПб

В Люхтице

Долгоногий аист пристально всматривается в необъятную зелень травы. Да что он там может высмотреть? — удивляемся мы. Но вдруг — мгновенный кивок маленькой головки с длиннющим клювом — и молодой лягушонок уже никогда не станет взрослым. Так и бродил бы убийца земноводных по безкрайнему монастырскому полю, но, заметив, что за ним наблюдают, играючи взял высоту, нехотя взмахивая огромными крыльями. Его гнездо неподалеку, на вершине телеграфного столба; и каким образом держится на ветрах это немалое сооружение, одному Богу известно.

Вершина лета, ароматы цветов смешиваются в неповторимый запах апофеоза жизни, но уже спадают первые желтые листики на вычищенные дорожки мо-

настырского кладбища, на любовно ухоженные одинаковые могилки почивших сестер, покрытых ковриками бархоток, мха и других растений, названия которых я не знаю, но высшим счастьем почел бы лечь где-нибудь в сторонке, но рядом. Вьется лесная тропинка дальше, к святому источнику Божией Матери, а места высокие, солнечные, одним словом, грибные места. По привычке выглядываю грибные шляпки. Да вот же они — большая семейка маслят нашла приют возле самой дорожки — от крохотных, с ножек, родившихся нынешней ночью, до крупных, с блестящей пленочкой-защитой от жаркого солнца. Идущие на источник паломники осторожно огибают семейство стороной.

А уже внизу, трижды обойдя с молитвой часовню Божией Матери, направляешься в купальню, дабы смыть с себя, по милости Богородицы, накопившиеся грехи. Несколько ступенек вглубь — и собравшись с духом, трижды окунаешься с головой в холодную воду. Выйдя из воды, с изумлением замечаешь, как пылает твое тело и как скоро вода высыхает на тебе. Омытая душа поет от радости, и так становится хорошо, что передать невозможно: надо самому испытать. Благодарю Тебя, Матерь Божия, что допустила окунуться в Своем Источнике.

Входишь в ворота Обители — и попадаешь в настоящий земной рай. Много труда положили насельницы, чтобы в каждом уголочке росли цветы, плодоносил монастырский сад, а трудолюбивые пчёлки без устали несли свой взятки в монастырские ульи. Мёд в Пюхтице необыкновенный не только по вкусу, но и по своим лечебным свойствам. И удивительная тишина вокруг, о которой я уже пытался написать.

Только портит настроение нескончаемый поток интуристов своим расхристаным видом: в шортах, руки в карманах, девицы... девиц описывать не буду — сами знаете. И ведь не просто гуляют, но походя заглядывают в храм, делают бесчисленные фотографии на фоне собора, громко глаголят о своём и, наконец, удаляются в свой комфортабельный автобус поглядеть на очередные достопримечательности Эстонии.

Наша маленькая группа подгадала как раз к началу субботней всенощной. Но что случилось со мной? Я так ждал этой поездки, рвался в Пюхтицу, но на службе заняла каждая клеточка тела, ноги не хотели держаться и подгибались, очень захотелось спать и вообще ожидаемого праздника в душе как ни бывало. Но все же я заставил себя исповедоваться и получил разрешение на завтрашнее Причастие.

После воскресной службы почувствовал себя лучше, но всё одно не так, как хотелось бы. Наверное, Господь

смирять мою непослушливую душу. Зато на третий день уже и служба закончилась, и уборка началась, а всё никак не вырваться было из облачившей тебя благодати. Спасибо, Игуменья Обители, Матерь Божия! Даст Бог, приеду ещё поклониться Твоим Пречистым ножкам.

В будний день сестер в монастыре мало — все на послушаниях, а летняя страда короткая. Пора и нам возвращаться домой, к своей повседневности, зная, что всегда найдём и покров, и утешение в Пюхтицкой Обители любви.

... Из окна автобуса было видно, как пара аистов высоко-высоко парила над монастырскими стенами...

Начало знакомства

Сначала пришли стихи — свежие, лежащиеся на сердце. Под ними стояла подпись из двух букв — м.Н, и стало ясно, что написаны они монахиней. Стихи были опубликованы, а вскоре в монастыре я познакомился и с самой поэтессой. Встречи получались короткими — из-за нехватки времени: я приезжал только молиться, а у насельниц послушаний хватает. Однако мы подружались, завязалась переписка; переписка оказалась для меня душевно полезной, поэтому часть писем с согласия матушки Н. я представляю на суд читателей. Некоторые из них были уже использованы автором в «записках

редактора» «Заветные узелки», «Время странствования», но последовательность событий и мыслей заставляют вставить их в переписку.

Поэтесса родилась 23 марта 1948 года в Ленинграде. Окончила среднюю школу и много лет работала машинисткой в различных организациях. Стихи начала писать рано, однако нигде не печаталась. В 1965 году отправила несколько стихотворений в журнал «Юность», но ответ разочаровал: «Ваши стихи редакцию не заинтересовали». Больше никуда не обращалась, так как тематика стихов не соответствовала духу советского времени.

С 1989 года — насельница монастыря, монахиня.

Петербург

Питер мой, Питер, мой Питер оставленный! Голову вниз опущу и безмолвствую. Мне бы келейницу, толстую-толстую В домике тяжком с зелёными ставнями — Пыль вытирать, мыть посуду нехитрую. Печь пироги непременно с капустою... Жизни остаток под новыми титрами Мне бы начать этой осенью грустною. Питер мой, Питер, мой Питер потерянный! Ниц упаду под дубами ветвистыми. Сколько пространства шагами измеряно Полночью белую, поступью быстрою! Через каналы — стремительной птицею. Над площа-

дями — паренъем восторженным. По-над Невой — с ясноглазыми принцами. Ну, а по Невскому — чинно, с вельможами! Питер мой, Питер мой холоднокаменный, Чопорный, строгий, прохожим не внемлющий, Ты безразличен к нам, жалким и маленьким, В гордом величии царственно дремлющий. Что тебе судьбы и жизни кипение! Промыслом Божьим иль волею случая. Вырос в тумане ты, словно видение. Небо раздвинув руками могучими. Питер мой, Питер, печалью отмеченным. Сколько потеряно, сколько растрачено, Сколько прекрасных надежд искалечено, Сколько серьёзных счетов не оплачено! Сколько нарушенных клятв над вокзалами! Сколько разбитых сердец под балконами! Ты провожал меня зорями алыми, Чтобы встречать погребальными звонами. Питер мой, Питер, мой Питер единственный. Не оглянусь ни за что в твою сторону, Питер обманчивый, Питер таинственный, Питер, деливший всю жизнь со мной поровну. Вспять уводящий глухими ступенями, Не признающий минутного, пошлого. Ты опьянил меня дивными тенями, Не выпускал ни на вечер из прошлого. Питер погибельный, в миг возвращения Не принесу я тебе целования, В сердце саднящая искорка тления Не превратится в пожар ликования. То на болотах лютую туманами, То в небеса устремляясь колоннами, Холодно метишь смертельными ранами Всех, пред тобою

стоящих склонёнными. Питер мой, Питер, мой Питер развенчанный! Ни передышки, ни слабого запаха, Ни поворота — дорогой намеченной Мчишься без устали в сторону Запада. Вновь уповая на ночь новогоднюю, Не обольщайся: все так же уверенно Метит копытами путь в преисподнюю Царь, оседлавший строптивного мерина... м. Н.

Начало разговора

Уважаемый Александр Григорьевич! В компьютере 256 цветов, ещё больше оттенков в человеческих отношениях, много подводных течений, незримых обстоятельств, и прочее, поэтому иные вещи невозможно понять, но всё равно — всё идёт (не хочу говорить — своим) путем, а точнее, Господь правит всем, а мы лишь орудия, исполнителя воли — или Божьей, или противоположной; третьего не дано. И даже будучи свободными, имея право выбора, мы всё равно являемся этими орудиями, я много думала над этим, не в том смысле, что действуем под диктовку высших (или низших) сил, а в том, что именно ВЫБИРАЕМ, а выбрав, опять-таки служим выбранному, т.е. или Богу, или... И снова повторяю очень отрезвляющие слова — третьего не дано. «Зрите, како опасно ходите»... Чело-

веческая же слабость велика, и нет в нас постоянства, но, ухватываясь за величину постоянную, — Господа — мы выплываем и снова тонем до следующего раза». м.Н.

Письмо от 30 августа

Уважаемый Александр Григорьевич!

Примите сердечное поздравление с праздником Успения Пресвятой Богородицы и молитвенные пожелания доброго здоровья, семейного благополучия, милости и помощи Божией в Ваших трудах и всего, всего доброго.

Чудный праздник Успения подходит к концу, сегодня гости Обители разъезжаются по домам, унося в сердце духовную радость от этих прекрасных дней. Было много паломников — и из России, и даже из зарубежья...

В самый день Успения после торжественной литургии, как обычно, состоялся Крестный ход на святой источник, где был отслужен водосвятный молебен, а на обратном пути, на монастырском кладбище — заупокойная лития. По окончании богослужения гостям была предложена праздничная трапеза в Трапезном Храме, за которой было зачитано поздравление Его Святейшества с престольным праздником Обители. С приветственным

словом к гостям обратилась Матушка Игуменья. Сестры пели духовные псалмы. Среди дорогих гостей находилась Матушка Игуменья Георгия из Иерусалима, ежегодно приезжающая в Обитель на праздник Успения.

29 августа, при большом стечении паломников, состоялся чин погребения Пресвятой Богородицы, священнослужители съехались отовсюду, после Великого Славословия святая плащаница была изнесена из храма и при пении «Святой Боже» крестный ход с зажжёнными свечами проследовал вокруг собора под колокольный звон. Дорога была устлана цветами. Незабываемые минуты...

Дорогой Александр Григорьевич, я хочу поблагодарить Вас за публикацию моих стихов в Вашей газете, а также попросить Вас оформить подписку моим родным на Украину.

Ещё раз с праздником, сердечный поклон жене, храните Вас Господь. С уважением — м.Н.

Ответ от 1 сентября

Матушка Н! Я понимаю, молитвы — дело серьёзное, но ответить на вопрос мой, на какой срок подписка, всё же можно, наверное, найти время. Люди, не способные сделать пустяк, не способны и на что-то боль-

шее. Ходить, звонить и выпрашивать не собираюсь — пусть этим занимаются те, кто в этом более меня заинтересован. Убедительно прошу, если дело касается редакции или меня лично, иметь дело с редакцией или со мной лично. А.Р.

4 сентября

Дорогой Александр Григорьевич, ради Бога не сердитесь, смените гнев на милость!

Только сейчас собралась написать Вам — весь день был загружен работой, и вдруг — Ваше гневное письмо! Но все равно мне приятно, спасибо. Хочу поблагодарить Вас за газетку — сегодня пришла по почте. Отвечаю подробно.

Во-первых, Вы написали мне о деньгах — «передать с оказией». Другого варианта не было. Ну, а насчет подписки — наверное, лучше сразу, чего ждать? Поймите ещё один момент — я не могу с кем попало передавать, а также не хочу, чтоб об этом знал весь свет, у нас царство женское, все факты искажаются, поэтому стараешься избегать лишних искушений и выбирать менее тернистые пути. Так что не сердитесь на меня, на всё есть свои причины. А затеюшей неразбериху сейчас (хоть и поздно) позвоню и дам ей как следует. Когда

им что-то надо — стараешься всё сразу передать. Ещё и ещё раз простите меня, и пишите иногда — хотя бы ругательные письма, меня они всё равно радуют.

Всего Вам доброго, храни Господь.

Виноватая м.Н.

4 сентября

Всечестная матушка! Я человек стремительный, если Вы это заметили. Конечно, уходят на это нервы, здоровье, но иного способа не вижу. Про силу молитвы, пожалуйста, не пишите. Третий раз сообщаю по поводу подписки почтово-редакционной, надеюсь, что Вы вразумительно на этот раз ответите. Сейчас на дворе 2002 год, и мы по этой самой почтово-редакционной подписке в течение всего года отправляем людям в конвертах все 12 номеров газеты «Православный Санкт-Петербург» плюс дочерние издания (примерно 10 газет). Если Вы хотите, чтобы я выслал вышедшие газеты за 2002 год, плюс те, которые выйдут, так и напишите. Если подписка на 2003 год, которую мы объявили в газете, то высылать мы начнем после выхода первого номера 2003 года. А так не получится: вышли то, что выпустили в 2002 и продолжай высылать в 2003 году. Дело не в деньгах: мы просто запутаемся. Во всём должен быть порядок. Про-

стите за резкий тон: горбатого могила исправит. В конце октября ложусь в больницу лечить или прочищать сосуды головы; может, тогда и злость пройдет. Хотя вряд ли. Я уже не выдерживаю редакционного напряжения, к тому же сплю с помощью коктейля из сильных таблеток. И у кого бы я ни спрашивал, никто не может сказать мне причину бессонницы. Отчасти поэтому и злюсь. Господь через кошмары показывает, что нельзя принимать эти таблетки, но без них я не сплю, а значит день кувырком, да не только у меня. Так что желаю Вам крепкого сна — залога здоровья. Впрочем, не слышал, чтобы монашествующие жаловались на отсутствие оного — им лишь бы голову до подушки донести. За сим откланиваюсь, р.Б.Александр Раков.

6 сентября

Дорогой Александр Григорьевич, как я рада Вашему письму! Спасибо, что разъяснили по поводу подписки, я ведь этого тоже не понимала. Конечно, лучше тогда начать с этого года, а то им не осилить сразу такую грудку газет, пусть потихоньку привыкают. Ещё и ещё раз спасибо. Обезпокоена Вашим здоровьем, вернее — нездоровьем. Дай Бог, чтобы Вам лечение помогло. Все Ваши вспышки, кроме характера, ещё и от болезни, безусловно. Только жаль, что они Вас разрушают.

У Вас — бессонница, а у меня — сонница, и как же я обижаюсь, что всюду пишут рецепты от первого, и никогда — от второго. Хотя мне и твердят, что это — мое счастье, но сон меня убивает, сон должен быть «легОк» (ударение на последний слог), так говорится в молитве. Я же могу спать сутками, и чем больше — тем хуже делается. Я могу спать после кофе, после любого возбудителя — тут же, в то время как другие, выпив утром чашку чая, обречены на бессонницу. Так что у каждого своё. Сон отнимает у меня всю живость восприятия, обкрадывает меня. Конечно, спать много в монастыре никому не удаётся, но все мысли только об одном — скорее лечь... Возможно, Господу не угодна моя живость, и Он её «урезает». Вообще всё мы поймем только на том свете, а на этом помоги нам всем Господи!

Ещё и ещё раз благодарю Вас, никогда не обижаюсь, потому что (не считите за самоуверенность) мне кажется, что хоть в какой-то степени Вас понимаю... Так ведь бывает — кого-то не понимаешь совершенно, как нечто чуждое, а кто-то понятен и почему-то близок изначально, это всё тоже загадки Божии.

Вот и все, ещё раз подам за Вас на сорокоуст, молебны и попрошу молиться всех, кто Вас здесь знает.

Храни Вас Господь.

С уважением и любовью о Господе — мон.Н.

13 сентября

Всечестная м.Н! Тронут Вашим искренним вниманием к моей персоне. Я, действительно, захандрил, два дня не ходил на работу: утром не опомниться от таблеток, а потом не выдерживаю этого постоянного стресса с газетами. Заболела внезапно одна из двух корреспондентов, материалы не сдала, в портфеле ничего нет, о себе не общается, время выходит, я и так нервный, везде обман, всё вкривь и вкось; правда, как-то утром кто-то долго молился за меня (в среду), но не о.Иоанн, и я проспал целый день и очень хорошо себя чувствовал. Теперь опять сплин, не выдерживаю груза ответственности, каждая мелочь выводит из себя, церковь забросил, надоело исповедовать одно и то же, молодой батюшка всё молчит, а что это за исповедь без епитимьи и духовного совета? Утешает в сердце ожидание книжки, но знаю, что разочаруюсь, а писать именно в этом ключе хочется; только дело это медленное — иногда за неделю две строчки, и, бывает, повторяюсь. Не так много у человека мыслей, оказывается. Друзей нет по худости характера, с подругами страшно — слаб человек, — вот и варюсь в собственном соку. Главное, ни от чего нет радости, разве что на кладбище такой покой и тишина. И место своё рядом с мамой ни капли не пугает, даже наоборот,

поскорее бы... Не обращайтесь внимания, это пройдёт — я опять буду стены головой проламывать (или ветряные мельницы). Официальной Церкви ничего не надо, там одна показуха и лизоблюдство, да заигрывание с западом. По-настоящему горящих православных людей почти нет. Ходим, молимся, пишем что-то, а придёт антихристово время, много ли нас останется на Кресте?... Матушке И. с сожалением сообщите, что м.Евангелия (Лагопулу) (сейчас она в Афинах) её вспомнить не смогла. Пишите. Спасибо за сорокоуст, молебны, молитвы, память. С любовью о Господе, Александр Раков. Да шлю маленький эпизод из «записок»:

«Что бы ни сделал для мамы простенького, — батарею поменяешь, купишь бананов, фотографию внука принесёшь, — радовало маму так, словно я сотворил нечто выдающееся. Искренне радовалась мама, и только в последние годы дошло до меня, как много значат для стариков маленькие радости от детей. А она даже на «маршрутку» сэкономила положенные с трудом на ладонь ей копейки и ждала на ветру рейсового автобуса, и просила меня не провожать — «простудишься!». И стеснялась побезпокоить лишним звонком или просьбой... Негромко тикающие мамины часы с золотистым осенним пейзажем на циферблате я повесил на стене комнаты. Пусть тикают долго-долго...»

13 сентября

Замечательно! Доходит до сердца и трогает нежной печалью. И не ждите ничего — пишите, горите сами. Разве свеча, горящая в темноте, кричит — «почему я одна горю?..» Нет, просто горит и освещает то, что ей под силу. Так и Вы. Берегите себя. Вы очень устали. От борьбы. И может быть, не всегда необходимой. Но это Ваш характер. Извините, я так, экспромтом, сразу же, под впечатлением от прочитанных строк и без общепринятых приветствий. А в церковь ходить надо, и не ждите от батюшки епитимий, разве мало Вам всего, что посылает Господь?! Вот это всё и есть Ваша епитимия, а все мы тем и занимаемся, что, едва отойдя от исповеди, тут же возвращаемся на круги своя. Такова наша греховная сущность, мы все испорчены, насквозь, грехопадением, и даже от простейших прегрешений избавиться сами не можем, только если Господь захочет нас избавить. И ещё раз — берегите себя! Кто ещё побережёт? Мамы нет... Царствие ей Небесное.

Простите, храни Вас Господь.

И «после сего». Я ценю Вас за искренность. Чувствуется, что всё, что Вы пишете, это правда. Правда Ваша, субъективная, как и все правды (объективна лишь Истина), правда, которую Вы не скрываете,

и не пытаетесь казаться чем-то, или кем-то, как большинство. Вот это меня (и, возможно, многих других) и подкупает. Правда = смелости. Уметь открыть душу не каждому дано. Вы думаете людей просвещать, а на самом деле (в записках своих) открываете себя, а что может быть интереснее, важнее человека? Не знаю, действует ли это в плане просвещения или воспитания духовности, но именно это и ценно. И даже порой трогательно. Вы заявляете во всеуслышание, что не понимаете Авву Дорофея, и это честно, хотя невольно даёт понять Ваш духовный уровень на данном этапе, то есть Вы раскрываетесь, не заботясь о том, чтобы пустить пыль в глаза, в то время как другой бы наоборот показывал, как он всё понимает, какой он духовный, и рассуждал бы бесконечно, выпячивая себя. Говорю путано, но не судите строго. Меня почему-то особенно Авва Дорофей тронул в заметках Ваших (кстати, настольная книга христианина), и подумалось о Вас с теплотой... Ну, а буйность Ваша — оборотная сторона правдивости. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся...» Надеюсь, что не обидела Вас. Я ведь тоже слишком откровенна, иногда бы и надо оставить при себе, да вот хочется поделиться. Надеюсь, поймёте. Тем более, что от всей души и с полным со-(сочувствием, со-переживанием, со-страданием и

много других со-). Если будет минутка и желание – пишите, ругайтесь, lamentируйте («жалуйтесь» – лат), можно. Вам и легче будет, во мне всегда найдете «доброжелателя». Не того, конечно, кто анонимки пишет, а в прямом смысле.

С сестринской любовью о Господе — м.Н.

27 сентября

Дорогой Александр Григорьевич, с праздником Воздвижения!

Извините, что так долго не писала, а главное, что не ответила на такое Ваше душу разрывающее письмо. Я благодарна Вам за доверие, за то, что выплеснули боль свою, так что и мне больно стало.

Как Вы? Что со здоровьем? Читала новый Ваш номер, много интересного, как и всегда. Хорошая у вас газета, что бы кто ни говорил.

А у нас сегодня скончалась последняя наша схимница. Вчера утром не проснулась (инсульт), пролежала без сознания и сегодня в 16.30 скончалась накануне праздника. У нас многие умирают накануне или в день Ангела, а также накануне больших праздников. Чаще почему-то накануне. После службы её перенесли в храм и отслужили литию. Читают псалтирь. Через каждые два часа сестры (читающие у гроба) ме-

няются. Уходят, уходят все потихоньку, обнажаются ряды, не заметишь, как в первом ряду окажешься, у самого края...

Много вы о батюшке дорогом отце Николае написали, как хорошо. Царствие ему Небесное! Теперь ещё больше молитесь за нас всех. А мы все ещё томимся в земной юдоли, мучаемся, страдаем, пути не видим, а там всё так четко, после смерти-то, все на своих местах, всё понятно, да только часто уже поздно бывает. Вот это-то и страшно. Там — уже поздно каяться, поздно искупать. Для этого лишь земная жизнь предназначена, а проходит она почти впустую. Страшно.

Я желаю Вам всего, всего доброго, помню Вас, болею за Вас душой. Помогите Вам Господи!

м.Н.

28 октября

Матушка Н! Опять надоедаю своими просьбами. В Америке живет моя единственная одноклассница из Польши, а в Москве заболела её мама р.Б.Валентина. Смиренно прошу — помолитесь за нее, запишите на поминовение. Завтра я сам ложусь в больницу — по благословению и настоянию духовника о.Иоанна Миронова.

Поэтому, если соберётесь написать мне, письма пока направляйте на адрес редакции. Когда выйду,

я напишу Вам, что можно писать и на дом. Кстати, на недавно прошедшей выставке подошла женщина и просила передать Вам благодарность за Ваши стихи. Я обещал и, как видите, обещание выполнил. Знакомых матушек поминаю в домашней, хотя и короткой, молитве. Какой же я лентяй!

С любовью о Господе, Александр Раков.

28 октября

Дорогой Александр Григорьевич, молимся о здравии Вашем и р.Б. Валентины, храни Вас Господь. м.Н.

2 ноября

Всечестная матушка Н! Низко кланяюсь за Вашу отзывчивость и за Ваши с сестрами молитвы — я чувствую их силу и искренность. Благодарю сугубо за молитвы о здравии р.Б.Валентины, хотя тоже её не знаю. Немного о жизни. Сегодня седьмая годовщина со дня блаженной

кончины Владыки Иоанна; был на кладбище, народа много; встретил келейницу Анну Степановну Иванову, каждый год она приезжает из Самары. Владыку у нас почитают по-прежнему, на кладбище даже появилась табличка-указатель «К владыке Иоанну». Мои дела тако-вы: 20 ноября лягу, вероятно, в больницу — жду очереди. Правда, очень трудно оставлять редакцию на большой срок, но надо подлечиться, а то надолго не хватит. Потом собираюсь к вам в гости. Пишите, пишите для газеты. Обители от этого может быть польза. Супруга Валерия кланяется. С любовью о Господе. Александр Раков.

P.S. Переживаю за здоровье Святейшего.

2 ноября

Вот так нечаянная радость! Я воображаю, что Вы в больнице, а Вы на свободе. Очень рада письму Вашему, и сразу вопрос — почему до сих пор нет электронной версии Вашей газеты? — жду не дождусь... За Святейшего мы все молимся — каждая сестра читает определённый акафист — Матушка Игуменья Варвара благословила. Ему уже, слава Богу, лучше и мы надеемся на Его приезд к нам в декабре. Но как Бог даст.

Писать для газеты я рада, но только инкогнито, надеюсь, Вы это «глубоко понимаете» и возвращаться

к этому больше не буду. Описывая праздники, я на то и рассчитывала, т.е. надеялась, что материал Вам пригодится и что Вы имени не будете выставлять. Пишу Вам наскоро, искренне обрадовавшись весточке. Желаю всего, всего Вам доброго. Поклон супруге.

С любовью о Господе — м.Н..

8 января

Дорогая матушка! Все праздники провалялся: и холодно, и не было настроения. Я вообще большой лентяй. Уход сотрудницы, конечно, давит, думаю то так то эдак, впадаю в отчаяние, но ведь, действительно, сколько раз за 10 лет подобное повторялось! Конечно, корю свой несносный характер, но, поверьте, я всегда старался для своих сотрудников сделать что-нибудь хорошее, возмещая свои худые стороны. Сколько сил отдано газете! Я ведь и живу-то по-настоящему только эти годы. Одна сотрудница епархиальной комиссии по канонизации упрекнула меня, что я сделал из газеты кумира. На фотографии в книге М. стоит крайняя справа, характер непослушливый, упрямая, но настойчивая и не очень умная. Ругались, просил прощения, помогал как мог. Очень медлительная: в Ваш монастырь ездила в мае, а материалы добила еле-еле в ноябре. Но в редакции за

1916-2001

1914-1981

5 лет она, конечно, выросла профессионально, хотя и самовольничала. Ну, теперь последний штрих с уходом. Остаемся мы вдвоем с Ириной Рубцовой; с ней легче и пишет она быстрее и лучше ушедшей.

Матушке И. сочувствую всем сердцем; 24 января 2 года, как не стало мамы, а я всё не пришел в себя; я даже не представлял, что так сильно её люблю. На днях написал стихотворение:

*На Серафимовском
лежит тишина,
Разве что синички поют.
Мама, ты здесь не одна
Обрела свой последний
приют.*

*Верю — душа твоя в рай
Улетела небесным путем:
Тело и должно умирать -
В Боге мы вечно живем.
На Серафимовском*

лежит тишина,

*Охраняя твой последний приют.
За деревьями церковь видна,
Слышишь — Символ веры поют?..*

Жаль м.И., но тут уж остаётся просить у мамы прощения, пока жива, и скрасить её последние дни. О молитве монахиням не говорю. Только что позвонили из турфирмы, спрашивали, кто поедет от нас 24.01. в Пюхтицу. Собирался Илья, но он не хочет без жены; возможно, тогда я сам тряхну стариной. Если, конечно, в редакции более-менее утрясётся. Спаси Вас, Господи, матушка, Вы меня утешили. Сажусь читать корректуру. Храни Вас Господь. Да, напишите срочно поздравление Матушке Варваре — мы поставим. Только срочно, в течение 1-2 дней. Александр Раков.

9 января

Как прекрасно! Спасибо. У Вас такие хорошие стихи, почему Вы их не публикуете? Или просто я не в курсе... Очень бы хотелось почитать. Ответ мой тоже скорый, в церкви архиерейская служба, а я прибежала отвечать на письма, так как вчера не смогла ответить, сидела до 11 вечера, без видимой отдачи, и ушла домой. Что-то трудно стало работать, но это, верю, пройдёт. Так что сейчас буду срочно наверстывать, вот так

я и живу, почему мне и тяжело иногда перепиской заниматься, столь любимой мною в свое время. Я готова была писать письма днем и ночью, но не было адресата, способного отвечать. А теперь — вот и не пишу уже много лет никому. И вообще как-то погасла. Старость? Или период застоя? И стихи не пишу, и чувств не имею. Ваше стихотворение всколыхнуло, даже до слезы. Так искренне и хорошо. И именно выплеск чувства. А если чувств уже нет, то какие стихи... На счет поздравления Матушки Варвары — я не знаю, что писать. Поздравьте просто строчкой, как Вы и делали уже (с 50-летием, кажется).

А сердиться на Вас и тем более уходить из редакции может только тот, кто не понимает, что газета — Ваша жизнь. Кто понимает — всё Вам простит. Не переживайте, Господь Сам назначает и Сам освобождает. Не М. ушла, а Господь её от Вас убрал. Вот и всё. Так на это смотрите, философски и духовно. Работайте Господу, Он Вам поможет, если Ему угодно, чтобы дело продолжилось. И пошлёт другого человека. Ведь столько есть людей талантливых, просите Матерь Божию помочь и послать нужного человека. Ещё лучше будет, вот увидите. А корреспондентка просто по немощи ушла, не хватило характера, терпения и, конечно, смирения — того, чего и всем нам не хватает. Не

огорчайтесь, возложите всё на Господа: не Вы делаете, но Господь через Вас. С Богом, дорогой Александр Григорьевич, всего Вам доброго.

С искренней любовью о Господе — м.Н.

22 января

Возлюбленная о Христе м.Н! Я немного успокоился, хотя по городу ходят слухи, что «у Ракова всё разваливается». Душа спокойна, хотя жду посланницу с некоторым нетерпением. М. пока без работы, что тем более странно — уходить в никуда; собирается принести материал. Но назад её не возьму: предателей никто не любит. Матушка! Знаю, что надоел своими просьбами, но кого, как не монахов одолевать просьбами о молитве? 24 января исполнится 2 года со дня кончины р.Б.Веры, моей мамы. Смиренно прошу помолиться сугубо, а также за отца моего р.Б.Григория. Когда я подавал сорокоусты только за маму, мне приснился сон, как папа срывает с мамы ожерелье, и понял, что он также нуждается в наших молитвах. Сдал на суд издателей сразу три книги, а будут ли печатать, решается... Погоду стал чувствовать, думаю: вот матушке спать-то сейчас хочется! Скоро получите вашу первую газету. Кланяюсь, Александр Раков.

23 января

Дорогой о Господе Александр Григорьевич! О маме обязательно помолимся, Царствие ей Небесное, и о папе также. А у монахини И. мама скончалась 11 января в половине двенадцатого, почти в полночь. Похоронили её в понедельник; мирная, христианская кончина. Три года она пожила в Обители.

Ну, а мы, едва оправившись от праздников (Рождества, Крещения), готовимся к встрече Патриарха. Скучать некогда. Матушка получила позавчера Ваше поздравление по почте, ещё не успела Вам ответить, благодарю пока от имени Матушки на словах.

Кстати, насчет редакторов — а что, это разве проблема? Мне казалось, что проблема сейчас — найти работу. Помогите Вам Господи. А слухи — останутся слухами. Сколько слухов ходило о том, что наша Обитель рассыпается, что все уходит, что мы подчиняемся Константинополю (о чем я лично читала в какой-то книге — справочнике), и много других нелепиц. Без этого, видимо, на свете этом не бывает. Так что, как говорят англичане, *take it easy* (воспринимай всё просто), пусть мимо летит, не принимайте близко к сердцу. А газета СУЩЕСТВУЕТ и существует, это главное. Рада весточке Вашей, всё хотела сама черкнуть, но такая эти дни нагрузка была, что чуть

жива. Впрочем, не столько от нагрузки, сколько от плохого состояния здоровья. В молодости, помнится, и ночь не поспишь, и днём как огурчик. А сейчас до огурчика ни при каких наилучших обстоятельствах не дотянуть.

Храни Вас Господь!

м.Н.

25 января

Всечестная м.Н! Получил оба Ваших письмеца, спаси Господи, за молитвы о моих близких. Стихов я практически не пишу, опубликовал с десяток, но вскоре понял, что по сравнению с другими я не поэт, но поэзию очень люблю и, надеюсь, понимаю. Душа мечется, даже Причастие не спасает от уныния; кажется, что и родная газета надоела: каждый день одно и то же, проблемы те же, люди те же; вперед не движемся — то боремся за финансовое выживание, то ищу новых корреспондентов, то болею, то грешу или выдираюсь из грехов. Знаю, Господь помогает много, но я как-то подустал от всего, хочется разнообразия и... покоя. Здоровья мало: ещё январь, а я уже настраиваю себя, как бы выдержать поездку в Обитель на Прощёное воскресенье. Пишу-пишу «записки редактора», а так в себе и не разобрался; вернее, если бы начал

писать предельно откровенно, то люди стали бы плевать в лицо. Друзей нет, поговорить не с кем; духовник болеет или занят другими. Возможно, завтра опять пойду в церковь, но к Причастию не готовлюсь — не могу сделать усилие. А то и вовсе буду валяться в постели. Выдавливаешь из себя грехи почти насильно, уже не знаешь, что и сказать. Раньше всё ездил в Иваново к о.Амвросию (Юрасову), меня там любили, но духовник был недоволен и постепенно как-то пропало желание ездить... Простите, не с того начал. Мамушке И. искренние соболезнования по поводу кончины мамы, однако есть один весьма утешительный момент — она закончила свои дни в монастыре, а это не каждому Господь дает; сестры отмолят. В «Серафимо-Дивеевской летописи» есть слова: «Сестры умирали с лёгким сердцем: знали, что их отмолят». Всё принимаю к сердцу, take it easy (легко воспринимать — англ.) не получается, а одиночество давит, давит... не передать. Ну и что — десять лет выпускал православную газету? Ну написал три книги по своей душе? Душа всё тоскует — по Богу ли или из-за незнания Его... кто знает? Бог милостив ко мне, а я всё недоволен и нет во мне радости, давно нет. И поделать с этим ничего не могу: молиться не умею и не очень люблю, кроме чётков, да и Богослужения частенько бывают в тягость.

А скажешь это — люди отворачиваются — считают, что раз редактор, то крылышки за спиной, а я такой же грешный, если не грешнее. Приходила ушедшая корреспондентка, принесла небольшой материал, я принял, заплатил гонорар; она уезжает на Рождественские чтения в Москву. Обнял её на прощанье — куда моя злость подевалась? Не умею быть ни добрым, ни злым. Вся жизнь где-то между. Простите за длинное письмо. Не забывайте. Александр Раков.

25 января

Пишу также наскоро. Вы мне дороги именно своими метаниями, духовной неустроенностью, всем тем, что Вас мучает. Это всё — живое, в этом движение, вперед ли, назад — но не на месте. Во мне полно того же. В основном люди или погружаются в самообман, или мелки. А метания сами по себе уже говорят о натуре ищущей и — пусть даже в последний день — я верю, обрящущей. Мне больно — не за Вас, а вместе с Вами. Помогите Вам Господи. Плохо было бы, если бы Вы говорили о своем духовном росте и достижениях. Даже если Вы проваляетесь в постели — душа-то плачет, совесть мучает, состояние покаянное, и может быть, это во много раз спасительнее, чем если бы Вы

с благочестивым видом стояли в церкви и мнили о себе как о примерном христианине, да ещё и с укором в сторону таких нечестивых поглядывали. Слава Богу, что крылышек-то нет за спиной. На своих крылышках далеко не улетишь, а будет нужно — Господь Ангела пошлёт и поднимет Вас на нужную высоту. Послала Вам календарик наш пюхтицкий. Храни Господь. С неизменной теплотой — м.Н.

4 февраля

Всечестная м.Н! Всё же приятно, что кто-то, кроме жены, помнит о тебе и беспокоится. Спаси Господи! Я не болен, не в унынии и чувствую себя хорошо. И это несмотря на то, что вторая корреспондент (так пишется по правилам) сначала два дня отсутствовала по личным делам, а теперь болеет. На объявление серьёзных отзывов нет. Февральский номер собран; вчера вышла «Горница» с рассказами В.Крупина. Ещё нам поднял священник арендную плату. Он называет меня «предпринимателем». Пытаюсь поддержать реноме и вскоре ставим ещё два киоска на окраине города. Надо же куда-то двигаться! М.Евангелия из Греции прочитала записки редактора «Страницы души» и прислала мне освящённую на мощах иконку Спиридона Трими-

фунтского — он помогает при материальных затруднениях. Но научите, как мне не волноваться о финансах, если при отсутствии персонала ещё не будет и денег? Господь, конечно, помогает, но под лежащий камень вода не течёт. Да, благодарю за прекрасный календарь, подарок Вам готов и, если всё будет нормально, привезу на Прощёное воскресенье. Спросите, пожалуйста, Матушку, не даст ли она небольшое интервью; сообщите, мне надо будет подготовиться. Зову жену в Париж, пока есть мамины деньги, знаю, Вы осудите и не поймете, но Париж — это чудо, который очаровал меня. Невозможно ездить только по святым местам; получается фарисейство: прикладываешься, а внутри ничего... Впрочем, это из области мечтаний. Надоела зима,

Париж, Монмартр,
«Человек, проходящий
сквозь стену»

морозы, проблемы, хочется писать, а писать-то нечего. Печать третьей книги повисла в воздухе; писательство как наркотик — не остановиться. Я успокоился, поняв, что я такой, какой есть; всё приходит в свое время и ту-житься бесполезно. Господь вот взял и отлучил меня после Рождества от чтения светской прессы, и я так рад! Дай Бог, и с телевизором покончу. А, может быть, и друг появится: с женщинами дружить всё же таким, как я, опасно — соблазняюсь. Простите, что не писал: не хотел беспокоить: у Вас и без того делов хватает. А у меня время есть. С братской любовью, Александр Раков.

4 февраля

Спасибо за весточку, не могу тут же не откликнуться — насчет Парижа! Не трактуйте так узко православных христиан, в том числе и монахов. Я бы на Вашем месте поступила точно так же. Когда открыт весь мир — и это после нашего-то многолетнего советского заточения — просто глупо этим не воспользоваться. Почему-то русский Бог — в теперешние дни — это (да простит меня Господь) некий страшилка, который ничего не разрешает, и всё только — нельзя, нельзя, нельзя! Бог-пугало. А на самом деле Бог — это действительно Любовь. У меня есть знакомая, которая помогает в ожоговом центре, а сама она из Англии,

владеет русским и многими другими языками. Духовное чадо Митрополита Антония Блюма, питавшая в себя его дух.

Так вот, она была в ужасе, насмотревшись на духовенство в Москве. В ожоговом центре, как правило, лежат всякие бомжи, обгоревшие в пьяном состоянии, и чаще всего они умирают. К одному такому обожженному, по его согласию, позвали священника. И священник, вместо того, чтобы оказать милость умирающему, исповедовать его,

обнадёжить и облегчить страдания, уверив в Милости Божией, стал восклицать, строго указуя перстом на этого несчастного, что это Бог его наказал за грехи и что так ему и надо. Конечно, этот умирающий отказался от всякой исповеди и отвернулся от этого священника. И такие вещи на каждом шагу. И люди, вместо того, чтобы свободно идти навстречу Богу, мечутся из угла в угол с воплями — это нельзя, это нельзя! И теряют Бога окончательно, но приобретают кучу табу, которыми и утешаются. Мрачная картина. Господь ищет свободного сердца, к Нему повернувшегося, а не мрачное, исковерканное махровым

Первый крест на могиле Митрополита Антония, Лондон, июль 2006

фарисейством подобие веры, в которой духа Божия нет. Надеюсь, Вы понимаете меня. Так что поезжайте в Париж и поклонитесь от меня всем знакомым до боли местам, я так любила языки и страны, Париж и Лондон грезелись мне по ночам, я бы там не заблудилась, если бы... Сейчас мне почему-то уже не хочется в Париж, он как-то померк для меня, а Лондон по-прежнему манит.

О, Champs-Élysées!.. Adieu, mon ami... (О, Елисейские поля!.. До свидания, мой друг...)

Завидующая Вашим грядущим путешествиям, м.Н.

6 февраля

Александр Григорьевич, дорогой, я не против переписки, хотя лучше беседовать не с грешной монахиней, а с умудренными старцами или читать святоотеческую литературу. Захотелось послать Вам недавно написанный стишок, он мне так нравится:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Радость моя — или горе грядущее -

Или умчавшийся вдаль ветерок?

Что это — дар?

Или Богом попущено?

Трудно у Неба читать между строк.

Сти, моя дальняя,

*Спи, моя хрупкая,
Спи, мой полночный родной огонёк.
Живы мы — встречею?
Или — разлукою?
Трудно у Неба читать между строк.
Жизнь непонятная,
Сложная, грешная.
Милостив Бог наш -
Да ближний жесток.
Спи, моя светлая,
Спи, моя нежная.
Трудно у Неба читать между строк.
Не обольщайся —
Петром ли, Иудею -
В каждом предательстве тлеет росток.
Все мы заблудшие.
Спи, моя чудная.
Трудно у Неба читать между строк.
С духовным приветом — Ваш собеседник м.Н.*

7 февраля

Хочется написать — «Дорогой Ракушка, добрый вечер!» Не обидетесь? Сразу пишу коротенький ответ — стихи мои печатать только под моим именем м.Н, табу

на остальное — Вы ведь всегда ссылаетесь на автора: «Получил очередное письмо от ...». Матушка скажет — тебе что, заняться нечем? А у меня всегда полно работы невыполненной. А на печатание стихов она меня давно благословила, я даже получала гонорар на счет монастыря из журнала, и она это знает и пошутила — «давай-давай, продолжай!»

А Шмелёва я люблю. Прочитав его впервые лишь в 90-е годы, «Лето Господне», рассказы, поняла, за что его запрещали: через его творения видишь ярко жизнь русскую, центром которой, двигателем и смыслом был — Бог. Ваше творчество — совсем другого порядка, это именно «эпизодики», мозаика, дающая издали целостную картину. Издали — это уже из будущего — назад. Тем это и ценно. Плюс — открытость души, такой, какая она есть, без прикрас, что тоже ценно. Все мы, даже обнажаясь, остаемся под флёрком. Извините, сейчас много работы, я не могу всерьёз поговорить с Вами, читать наспех то, что Вы прислали — тоже не хочу. Всего Вам доброго. Храни Господь.

В монастыре разбираться и не пытайтесь — нужно пожить в монастыре не менее 10 лет, чтобы что-то начать понимать. И в то же время будьте осторожны — в общении (пусть даже «справедливым») священства, архиерейства, Церкви, монастыря. Они перед Богом, нас ни-

кто не ставит обличать, достаточно смотреть на самих себя. Каждый своему Богу служит и перед своим Богом падает. Каждого Господь способен восстановить. А черта всему — финиш, смерть, «в чём застану, в том сужу».

Конечно, иногда до боли горько бывает, и если обличением движет искренняя боль, а не возмущение, раздражение и т.п., то тогда, возможно, и нет греха — блаженны правдолюбцы, но это дело тонкое и можно легко запутаться и свернуть не туда. Настоящую боль люди чувствуют, она вряд ли будет им в соблазн, а ведь мы не должны соблазнять «малых сих».

Что от Вас читатели требуют святости — мне смешно. Конечно, если бы Вы забудыжничали или детей резали по подворотням... Вы же не священнослужитель, что они хотят от Вас? Прикасаются к чистой воде может и нечистый, для того, чтобы омыться, конечно, а не замутив источник. Всем нам одинаково надо больше заниматься собой, своим внутренним миром, своим личным концом, а не концом света. Придёт или не придёт завтра антихрист — все равно личная смерть настигнет каждого и каждому придется давать ответ, ответ ЗА СЕБЯ, а не за редактора газеты «Православный Санкт-Петербург». Вот и всё пока, дорогой Ракушка, до следующей встречи «в эфире». Ваша м.Н.

22 февраля

Молчу, потому что стыдно. А стихи прекрасные! Спасибо. Болею своим молчанием и не пытаюсь оправдаться. Перефразируя «Маленького Принца» — стыдно, потому что молчу, и молчу, потому что стыдно.

Благословляю Ваше великодушие. И всё ещё в душе надеюсь написать (хотя Вам, может быть, уже и не надо), и не могу обещать, и всё же — искренне хочу. И так понимаю Вашу обиду — Вы мне доверили, открыли, а я... Простите, если можете. Обещать ничего не буду, даже — что исправлюсь, но искренне того хочу. Храни Вас Господь. Вы мне дороги. И не судите из-за меня весь монашеский род, я — самый худший представитель, позорящий.

Ваш очень слабый молитвенник
м.Н.

9 марта

А вот Вы и ошибаетесь, господин Раков! Духовная паутинка крепчает, писать не было возможности, к тому же, если откровенно, Ваше «освобождение» я долго не открывала — чувствуя свою вину перед Вами и откладывая этот момент. Вот тут я согласна — толь-

ко не трусость, а малодушие. Но потом открыла письмо и улыбнулась. А сегодня как раз хотела писать Вам, просить прощения в Прощёное Воскресенье, благодарить за переданные мне газеты и книгу. Так что берите свои слова обратно! Ошибиться я не боюсь, в этом Вы тоже не правы. В данном случае. Вот-съ!

Сегодня у нас в Обители чудный день, святой вечер, когда все просят друг у друга прощения и рушатся все стены, иногда отделяющие нас друг от друга. Мы люди грешные, такие же, как и все, бывает, и поссоримся, но в этот вечер — все примиряются и искренне любят друг друга. Почему нельзя так круглый год?! А после вечерней службы и чина прощения идут на кладбище и просят прощения у усопших сестер.

Жаль, что Вы не приехали, почему же Батюшка Иоанн так строг к Вам и не пустил? Завтра — первый день Поста. Всю неделю будем молиться, все, даже кухонные сестры, так как первая еда будет в 7 часов вечера, после вечерней службы, и состоит она обычно из картошки в мундире и огурца или квашеной капусты. Так что и кухонные на первой неделе отдохнут.

Я завела папку под названием «Раков» и помещаю туда Ваши письма. Это опять к тому, про паутинку. Лучше — ниточку. Она надёжнее. Паутинка слишком эфемерна.

Дорогой Александр Григорьевич, я желаю Вам здоровья, помощи Божией и успеха в трудах и пользы духовной от предстоящей сорокатины. Храни Вас Господь! Поклон Вашей милой супруге. Прошу Ваших святых молитв и ещё раз – прощения.

Ваш монастырский друг м.Н.

10 марта

Всечестная матушка! Не приехал потому, что нет здоровья; батюшку-то я бы уговорил. Но я теперь мало бываю в церкви и признаюсь, мне только временами нравятся Богослужения. Я только очень люблю причащаться, но готовиться — нет. И дело не в больных ногах, из которых вытащили «лишние» вены. Дождусь момента, когда душа уже не даёт места, — и только тогда иду в храм. И бороться с этим очень трудно. Тогда как же я пишу? Бог знает.

Да, случилась беда: 8 марта скоропостижно умер единственный армейский друг Георгий, прошу святых молитв. Так вот, три дня для меня в Обители было бы очень много, я устаю и раздражаюсь, да ещё, как правило, пообщаться не с кем. Тогда я беру вещи и уезжаю. Уж как со мной возились в Иваново! Но я не выдержал духовно полного неядения, холода и отсутствия общения. Впрочем, долго объяснять...

Умер близкий человек — и прошло многонедельное уныние. Объясните, почему так? Мне совершенно непонятен механизм этого. Конечно, поищу у монаха Митрофана в «Загробной жизни», но не уверен, что найду. А я уже начал было просить у Господа забрать к себе. Что там у Аввы Дорофея на этот счет? Простите и меня грешного: со мной Вам будет непросто, не надейтесь. Поклон Обители. Ваш А.Р.

12 марта

Дорогой Александр Григорьевич, письмо получила, только ответить пока не могу, целые дни в церкви, первая неделя Поста, сегодня ещё и постриг был — в схиму постригли двух монахинь. Устаю. Обязательно напишу, помоги Господи.

Простите, гр.м.Н.

16 марта

Дорогой Александр Григорьевич! Кончилась первая неделя Великого поста, лучшая неделя в году. Все вместе молились, целые дни проводя в храме. Утром с 7 до часу, и с 4 до 7 вечера, а в 7 часов — картошка в мундире с огурцом, или капустой, или помидорами. В среду и пятницу после Литургии Преждеосвященных

Даров днём — грибная похлёбка. А в субботу все причащались. Чудные, святые дни. С понедельника уже — обычный режим, послушания. В среду на первой неделе у нас был постриг в схиму, постригли двух стареньких монахинь, это тоже радостное духовное событие. Последняя схимница у нас скончалась в сентябре — схимонахиня Любовь. А теперь вот и ещё сугубые молитвенницы появились у нас в Обители. Подвиг схимниц — молитвенный, их послушание — молиться. Ежедневно они должны утром и вечером ходить в храм, выполнять правило, молиться за всех.

Рада, что книга Ваша нравится издателю, и присоединяюсь к его словам, именно искренность Ваша подкупает. Сам же Вы производите впечатление человека, разбрасывающего несметные сокровища на страницах Ваших книг и остающегося в глубокой нищете, так как богатством этим не умеете воспользоваться. Без церкви — нет спасения... Вы любите причащаться — и не любите готовиться... Представьте, что Вам оказали великую честь и пригласили на высокий приём, к самому большому человеку — президенту или королеве Английской, и Вы являетесь в рваной, испачканной одежде, дурно пахнущей, с неумытым лицом и руками, в дырявых ботинках с отстающими подошвами, ну и т.д. Отправились бы Вы в таком виде? Нет, никогда!

Вы бы вымылись, надушились, приоделись, причесались, ещё бы и цветочек в петлицу прикололи и в лучшем виде пошли бы на тот прием. А к Богу — можно как угодно... Так получается? К Царю царей!

Подготовка наша к Причастию — и есть вот это приготовление души, как к мирскому приему — приготовление тела. Вы Господа оскорбляете, Вы спиной к Нему поворачиваетесь, Вы раздражаетесь — а Господь Бог виноват. У него церковь плохая, священники плохие, прихожане плохие, Александру Григорьевичу не угодили. Александр Григорьевич не может туда ходить, и в монастырь ездить не может; эй, там, на небе — чего-нибудь исключительно для него отгрохайте, церковку там какую-нибудь подходящую, а то ему всё опротивело... Не обиделись? Тогда продолжу.

Здесь, на земле, Господь дает нам полную свободу даже Его, Творца, не признавать. Мы свободны выбирать — и спасение, и погибель. Ничего не стоит Богу всех нас в один миг сделать святыми, но Ему не нужны святые, сделанные насильно. Он любви нашей хочет, нашего сердца, нашего свободного выбора. И жизнь эта — место, где мы выбираем свою вечную участь. Чем мы здесь живём — с тем и туда последуем. Скучно Вам здесь в Церкви стоять — скучно и в Раю будет. С Богом мы можем соединиться только Божовым. Как

капли жира на воде соединяются лишь друг с другом, но не с водой, так и с Богом мы соединимся только тем, что Ему близко. И чем меньше в нас праведного, тем меньше шансов быть с Богом. Это такой же закон, как законы, например, физические. Так есть. И всё тут. Непредложно. Если же мы живем во власти жизни временной, привязаны к вещественному миру, к страстям, то нам в жизни вечной нечем будет зацепиться за Райские селения, мы полетим с этими страстями в бездну, которую сами избрали. Понимаете, всё очень серьезно на самом деле. А смерть на пороге. И нет иного пути. И когда Вы предстанете пред Господом, как же больно будет душе Вашей, что всю-то жизнь она не Богу служила, а капризничала, всё ей не так было. Авву Дорофея Вы потому не воспринимаете, что его слова дышат и призывают к смирению, а Вам оно чуждо.

За друга Вашего помолимся, Царствие Небесное, соприкосновение со смертью всегда пробуждает душу, вот Вы и вышли из спячки, уныния, нежелания жить. Смерть всегда отрезвляет, но, к сожалению, на короткий срок.

Вам со мной тоже просто не будет, не надейтесь. И если не обиделись и хотите продолжить — буду рада.

С искренней христианской любовью и желанием спасения души Вашей и здоровья телу Вашему и всего, всего доброго. м.Н.

16 марта

Не буду я вам сегодня отвечать, матушка! И Вы не всё понимаете, и я ещё не во всем разобрался. А только долбаться головой об пол церкви ни к чему доброму не приведет. А как же: «Вера без дел мертва есть»? Устал; дело идёт к закрытию газеты — некому работать. А.Раков.

17 марта

Дорогой мой Ракушка, не надо долбаться об пол церкви, надо раскрыть сердце Господу. Долбание действительно ни к чему не приведёт. Всей душой сочувствую Вам, дай Вам Бог крепости в испытаниях. Держитесь, всё равно всё от Бога, что бы ни было. И даже если газета закроется, останется всё то доброе, что удалось посеять за эти годы, и даст свои плоды. Книги Ваши останутся и ещё будут. А если труды на этом свете не увенчиваются видимым успехом, то всё на небо идёт, как стройматериал для жизни будущей. Что же явно здесь удалось, то здесь награду и получаем, в виде удовлетворения от трудов. Так что труды Ваши принимает Сам Господь, вверьтесь Ему подетски, возверзите на Господа печаль свою, и покой обретёте. Вы много сделали, много потрудились, не

скорбите. Через беды и прозрение приходит, а выход из непроходимого тупика чаще всего — прямо вверх. Господь из тупика открывается скорее, нежели на гладком пути.

Ещё и ещё раз — всей душой Вам сочувствую. Вспоминайте того Бога, Который за нас на Кресте. И ещё чудные слова мне сегодня попались: «Господь говорит устами Златоуста: «Отдал ты диаволу юность и силы, ныне хоть трясущиеся кости твои Мне отдай!»

Да рассеет Господь Ваши скорби и утешит мятущуюся, ищущую душу.

С любовью о Господе — м.Н.

28 марта

Всечестная матушка! Давно не писал: то хандра, то дописывал книжку, то болел, то не о чем было писать. Взял Авву Дорофея: «Еще сказал: кто не имеет своей воли, тот всегда исполняет своё (желание). Поелику таковой не имеет своего желания, то, что бы ни случилось (с ним), он всегда бывает доволен, и так оказывается, что он всегда исполняет свои желания; ибо он не хочет, чтобы дела исполнялись так, как он желает, но хочет, чтобы они были, как будут».

Прп.Серафим Вырицкий пишет: «Всемогущий Господь управляет миром, и все, вершащееся в нём, совершается или по милости Божией, или по попущению Божией». Оба изречения говорят об одном и том же — о Промысле Божиим. Но если язык Аввы Дорофея — непролазный кустарник, то наш современник сказал об этом просто и ясно. А что, до Аввы Дорофея этого не знали святые Отцы? На этом постулате стоит аскетизм и всё подвижничество. Одним словом, я не то чтобы не понимаю Аввы Дорофея, но мне скучен язык его, и много я прочитал подобных наставлений — сотни, если не тысячи. Кое-что, конечно, даже осталось в голове, а ещё меньше — в действии.

В редакции по-прежнему нет корреспондента. Взял студентку, но проку от неё мало. В монастыре есть кому поплакаться, а мне приходится Вам. Да, пока не забыл: Ваше стихотворение «Трудно у Неба читать между строк» превосходное, — Господь дал Вам великий дар; я думал, что кроме иеромонаха Романа больше не встречу православного поэта такого уровня. Ан нет! Не зарывайте свой талант в землю: кто-кто, а Ваш покорный слуга всегда найдёт место для публикации вне всякой очереди.

Начинаю смиряться с одиночеством, да уже и не способен внешне любить так, чтобы чувствовали.

Когда чувство всё же прорывается, хочется нахамить и спрятаться. Да и много ли за мной добрых дел, — из тщеславия сделанных? Физически тоже ослабел, хотя 55 лет ещё не возраст. Стыдно признаться, но до Вас добираться стало трудно, а днём нужно поспать — быстро выдыхаюсь. Стыдно самому, но это так. Летом с женой хотим обязательно несколько дней пробыть в Обители, но когда это произойдёт, «трудно у Неба прочесть между строк».

Издатель молчит: отослал для прочтения «Заветные узелки», но сейчас Пост и ему не до чтения. Закончил другую книгу «Время странствования», но опять приходится ждать, когда о.иеромонах благословит прислать для прочтения; или откажет вовсе. В стол я писать не могу — я журналист. Ну так хочется, чтобы люди прочитали! Да мне и денег не надо. Я бы бесплатно раздал! Да Господь и не таких, как я, смирял. Помолитесь за меня, ленивого. Чтобы вышли две — последние? — книжки.

Пишите, мне так одиноко в этом мире; я даже дерзаю просить иногда Господа: «Возьми, пока чего не наделал!» Ужас — нет страха Божия такое просить. Любящий Вас о Господе А.Р.

29 марта

Ну, наконец-то! Отвечаю даже не читая, т.к. хотела только что Вам писать – Александр Григорьевич, ау! Как дела? И вдруг от Вас весточка! Теперь пойду читать и потом отвечу. Спасибо, что всё же не забываете. Храни Вас Господь!

Ваша м.Н.

29 марта

Дорогой, ну как все это близко и понятно! И усталость, и днём поспать... Но ведь и здесь можно днём поспать.

Авва Дорофей мне как раз языком своим очень нравится, и м.Сергия(Клименко), моя первая старлица, о которой книжечка вышла, она из рода Толстых и глубоко культурный человек, Авву как раз за язык хвалила (ведь это перевод), за ясный русский язык. Видимо, Вы просто далеки от церковнославянского, я-то думала, что как окончивший журналистику, Вы любите такой старорусский, что ли. А истина – одна, действительно одна. Да, всё так, но смириться очень и очень трудно.

Нынче мне тоже исполнилось 55, так что жму Вашу руку. И тоже быстро выдыхаюсь. И очень скорблю.

И тоже не знаю, как жить, хотя казалось бы — о чём тужить нам здесь, за каменной стеной, на всём готовом: трудись да молись, спасайся. Но спастись человеку невозможно, возможно лишь — если Бог поможет. А мы одинаково перед Богом барахтаемся в болоте, кто на поверхности, кто по пояс, у кого только голова торчит, а кто уже и захлебывается. Иногда кажется всё так ясно, так просто, только руку протянуть, а протянешь — и нет ничего в руке — ускользнуло. Всей душой Вам сочувствую и даже, кажется, многое понимаю. А Господь рядом, и с Вами, и со мной, и с каждым, Он рядом, а мы — далеко-далеко, да ещё и спиной, и от этого хочется плакать...

Если Вы приедете, я ведь тоже не буду с Вами часами сидеть, это я Вас потому как бы зову, что, может быть, у Вас на душе просветлеет, здесь все чувствуют большое облегчение; я сама в свое время, во второй приезд на Рождество в 1981 году, на Рождественской службе, вернее, после, когда уже пели псалмы «Тихая ночь, святая ночь...», вдруг с такой пронзительной ясностью поняла, что я русская, и куда же мне ехать. Я в то время уже определенно собиралась эмигрировать, уже вызов был получен. И вот внезапно, в монастыре, — я ощутила свою русскость и бессмысленность куда-нибудь ехать. Сама Матерь Божия остановила меня от этой безумной затеи, я бы погибла там, на Западе.

И многим людям помогало это великое место. Так что, дорогой мой, не будем отчаиваться. А будем и дальше влачить. Ибо мы именно по большей части влачим — и существование, и духовную жизнь, яркие всплески бывают редко, увы!

Храни Вас Господь, дай Вам крепости, вразумления, терпения и того вожделенного смирения, которое всем нам так необходимо, но попробуй его улучи!

С неизменной любовью о Господе и болезнью за Вас — грешная м.Н.

30 марта

Дорогая матушка! Мы всё же скорые на приятные дела люди: ответ получим и сами строчим — хоть здесь не ленимся. Теперь по существу. Я не заканчивал журфака; если бы Вы читали на обороте моей первой книжки «В ладошке Божией», то там сказано, что я выпускник русского отделения филологического факультета ЛГУ. Слово люблю и чувствую, а то, то прп.Дорофей писал так, я не виноват: красоты особой не вижу. «Время тинится», — сказал великий Маяковский, и только за это ему можно поставить памятник. Другое дело, о чём он писал.

Спасибо, что поддержали мой план приезда в Обитель, а то, что Вы не будете находиться около меня

много времени, слава Богу: и от шоколада можно помереть. Лучше расскажу Вам о недавнем разговоре по телефону с духовником, который поставил меня в тупик. Батюшка прекрасно знает, что ныне редакция находится в очень тяжёлом положении, а работы невпроворот, да тут еще 10-летие газеты 14 апреля; нужна какая-то подготовка. Так вот, ежегодно с помощью цветного принтера мы делали для него красочные поздравления, которые он рассылал на Пасху. Надо сказать, что работа это трудоёмкая: три дня занято безпрерывно два принтера, и верстальщик вместо работы занимается только поздравлениями. Я говорю: «Дорогой батюшка, в этот раз мы не можем, редакции очень тяжело, Вы же знаете». Он отвечает: «Если не сделаете, будет ещё хуже». Пытаясь укротить себя, соглашаюсь: «Смиряюсь, отче, но с ропотом». — «Ах, с ропотом, тогда не надо». Священники, я заметил, очень любят использовать возможности своих духовных чад в собственных целях. Ну разве нельзя купить прекрасные открытки в церковной лавке? Скажете, я не прав?

Иеромонах Сергей (Рыбко), мой московский издатель, в своей книге «Се ныне время благоприятно...» пишет: «Печально видеть почти повсеместное отношение к паломникам как к неким доходным «православным туристам» или бесплатной рабочей силе.

В редких и очень редких православных обителях заботятся о том, чтобы паломникам, этим гостям Божией Матери, были предоставлены удобные условия для проживания и возможность присутствовать за богослужениями, не говоря уже о том, что в иных монастырях паломников принимать отказываются вовсе. Не так было в дореволюционной России». Вопрос, конечно, неоднозначный, но доля правды в этом есть.

Только что вернулись с кладбища, пока вода дает возможность пройти к могилам. Скоро и нам в дорогу... Ещё хотел написать, что устал бояться не попасть в Царство Небесное. Запугали насмерть! Всё в рuceх Божиих; надо жить по совести, а не дрожать, как осинный лист на осеннем ветру. Да тут Вам не уразуметь... Ваш Александр Раков.

30 марта

Где уж нам уж нынче замуж... Конечно, не уразуметь. У нас с Вами общие места — я также не понимаю, почему надо запугивать. Мы свободны, свободны попасть в Царствие Божие, собственными усилиями и Божьей помощью, и способны от этого отстраниться. Где любовь, там нет страха. Страх должен быть — не обидеть, как боимся мы обидеть любимого человека. Боимся не

в смысле, что нам плохо будет, а именно ему причинить боль, любимому. Так вот и с Богом. Только мы его не любим, поэтому и получается, что запугали нас насмерть. Полюбить же его без проникновения в чудные церковные службы почти невозможно. Вся красота церкви в этих службах. В миру от этих служб остался гулькин нос. Что Вы учились на русском отделении филфака, я помню, но почему-то усомнилась — вдруг ошибаюсь. Мои подруги тоже там учились. Ну, а не нравится Авва — пусть не нравится, никто ведь и не заставляет. На обложке же книги я и вообще не читала. Только внутри.

Про использование верующих — да, увы, это так. Но бывает ещё, что духовник для пользы чада своего заставляет что-либо делать, и если послушаться, то будет польза, а не послушаться — так со своим и останешься. Время-то в руках Божиих, не в наших. Оно может удлиняться и укорачиваться, а если в ущерб себе сделаете для него (батюшки), то Господь вернёт сторицею. Так на опыте очень часто бывает. Пожертвуешь своим — воздастся тут же. А откажешься — и своего ничего не останется. Тут мудрость духовная. Не ради смирения это надо бы сделать, а ради любви. Любви у нас нет. У меня у первой. Когда любовь — всё возможно.

И опять насчет Царства Небесного — мы не ради Царства должны делать, а ради всё той же любви к Богу.

Не для того, чтобы выгадать, «купить», отнюдь. У Вас смещены акценты и понятия, получается всё ужасно. С паломниками — то же самое, в принципе. Они приезжают молиться, а их работать заставляют. Но я никогда не забуду свое первое Рождество в монастыре, я уже послушницей была и всё Рождество мыла посуду. И такой радости никогда не было в душе, именно Рождественской! А на первую Пасху меня поставили ночью дежурить в ограде. Ходила в темноте по двору и такая Пасха была в душе, какой ни разу не испытала, проведя в храме всю пасхальную ночь на службе. Такие вот парадоксы. Батюшка ради Вас так говорит, он МОЖЕТ купить открытки, ему всё это, я уверена, «до лампочки», извините за грубость, но он ради Вас делает это. Он знает гораздо больше нас с Вами, потому так поступает. Верьте ему. Если не верить духовнику, то зачем его и иметь? Это как невидимый союз — Вы ему верите, а он за Вас перед Богом отвечает. Недоверие этот союз нарушает. А желает нарушения — только враг. Утомила Вас?

Я теорию-то знаю неплохо, а вот на практике двоечника. Так что имею ли я право и вообще что-то говорить...

Всего Вам доброго, пишите, если будет желание, всегда рада. Помогите Вам Господи разобраться во всем.

Ваша м.Н.

Хочется Вам один стишок послать, горький, год назад написан:

ПЛАЧ СЕСТРИЦЫ АЛЁНУШКИ

Человек человеку

Волк!

Волк!!

Волк!!!

Я нырну головой под лед,

В ледяну водицу.

Расплывется пламенем ярким

Волос шёлк,

А Иванушка в козленочка обратится

И пойдёт правду Божию

По лесам да полям искать –

Велика земля,

Золоты купола,

Малиновы звоны!

Да таких, с рогами,

Не велено внутрь пускать –

Возле правды монахи стоят,

Богу бьют поклоны.

А на небе далёком,

На небе высоком такая тишь!

На четыре стороны

*Крест ярко-алый вышит.
Где ж ты, Господи, где!
Почему молчишь!
Где ж мы, Господи, где?!..
Почему не слышишь?!...*

Вот такая вот печальная история.

2 апреля

Беда, матушка, опять беда! Я так расстроен, что и не передать. Десять лет почти работал со мной человек, наш главный распространитель. Сейчас ему 33 года; только что вторично женился, родился ребенок. В редакции отвечал он за очень ответственный участок — продажу газет и получение, естественно, прибыли за них. Финансовые дела давно не шли у нас гладко: всё недоставало денег — несмотря на наши (и мои, в том числе) усилия. Странно было: газета популярна, весь тираж расходуется, все «точки» записаны в книгу, а при сложении не хватает до тиража, например, 1000 экз. Но не могли же они улетучиться? Ну, раздашь десяток-другой, а тут тысяча! Причем, такое несоответствие продолжалось годами. Подозрения, конечно, были, но я всё отбрасывал их: старался не думать плохо о православном человеке. За ним

и так грехов хватало. Ругал его, потом прощал, зная свой тяжёлый характер. И тут он серьёзно заболевает — что инфекционное, похудел, а что — врачи определить не могут. Положили его в инфекционную больницу, а мне пришлось вместо него поставить курьера, до этого 10 лет бывшего послушником в монастыре. Развёз он тираж на машине, и что за чудо — сразу деньги появились и развезённые газеты совпадают с напечатанным тиражом. И здесь всё встало на свои места... Много лет мой распространитель воровал у редакции. А я бился как рыба об лед, не платил гонораров, сокращал донельзя зарплату (поэтому отчасти люди и уходили) и всё никак не мог уразуметь, почему та огромная энергия, которую мы с сотрудниками затрачивали на Божье дело, никак не давала необходимых денег. И дальше бы это продолжалось, если бы не вмешался Сам Господь. Пишу так подробно не потому даже, что теряли значительные суммы денег, а мучаюсь оттого, что столько лет возился с этим человеком, считал его за младшего брата во Христе, ездил с ним в паломничества, помогал чем мог, вместе молился. Да, незадолго до этого он был пойман за руку за настоящее преступление: при получении тиража в типографии он подделал мою подпись и, заплатив собственные деньги, заказал на редакционной бумаге еще 250 экз. газеты, которые увез домой для дальнейшей продажи. Господь

учит: прощай сотни раз, покрывай грехи брата твоего. Но как я могу простить? Он не меня лично обворовывал, он Божье дело поставил на грань распада. Или Вы скажете: «Не суди, да не судим будешь»? Но суд Божий над ним совершил Сам Господь (ещё неизвестно, выживет ли он). Я просто перестал платить ему деньги и больше не допущу до работы. По телефону он признался бухгалтеру, что деньги расходовал на свои нужды. Правильно сказано в Писании: «Всяк человек ложь». Какие же мы после таких дел православные... годами воровать у своих. А сам внешне смиренный, глаза голубые, и большой патриот. Я очень расстроен. И сам-то я иногда брал деньги из кассы, оправдываясь тем, что я начальник. Значит, я тоже вор?! Вот Вам и «Плач сестрицы Алёнушки». Есть ли где Божья правда на земле или мы давно превратились невесть в кого? В крохотной организации всё построено на доверии; да разве за всем уследишь; одно время я пытался, потом бросил. Молиться за него не могу, а своим сказал: «Кто может, молитесь за заблудшего». Жаль молодую жену и младенца, но это не значит, что надо попустительствовать извращённому воровству. Ведь, поймите, матушка, мы с ним, как на фронте, 10 лет из одной миски хлебали. А он взял и в эту миску плюнул! Я знаю, я тоже худой, грехов хватает, но подчиненных не обирал, стараюсь заботиться, борюсь со своим тяжёлым

характером; кажется, стал потише. Раньше всё оправдывал православной газетой. Кроме Вас, рассказывать эту драму некому. Батюшка после случая с заказанной незаконно пачкой сказал про него: «Ещё случай — гони». Так что благословение есть, а душа на место прийти не может. Получается, Православие далеко не всех людей исправляет (он и пришел к нам с уголовными замашками)? И страдать теперь будет по крайней мере три человека — мать, жена и младенец. А он с неизвестной болезнью? Да и поправится если, ведь в другом месте воровать станет? «Человек человеку волк! Волк! Волк!..» Не хочу верить. Простите за стон — куда кричать?.. К слову, вскоре он умер. Ваш Александр Раков.

3 апреля

Какая же это беда — это радость! Беда была все эти годы, а теперь открылось, развязалось, человеку этому заблудшему дана возможность покаяться; для Вас это, конечно, большой удар, эдак и почву под ногами потерять на время можно, но главное — что дела-то выправятся, ведь сколько Вы страдали из-за материальной нестабильности! Вы верили, делали всё, что было в Ваших силах, совесть у Вас чиста. Потенциально все мы предатели, т.е. наступает момент, и каждый может дать слабинку и споткнуться. А этот — не выдержал испы-

тания деньгами. Это ведь соблазн большой, не каждый устоит. Ведь и у Вас есть какие-то слабые места, так, как он, Вы не поступите, но можете в чём-то оказаться не на высоте. Все мы из праха созданы и грехом проедены насквозь, этого человека жаль. Представьте, он сейчас умрет — и как ему ТАМ тяжело будет! Пожалейте его, да и всё тут. Господь за Вас Сам заступился, благодарственный молебен надо служить, а не горевать! Святые-то как раз от соблазнов бежали в пустыню. Человек слаб. И в каждом круге людей есть свой маленький Иуда, я где-то читала. Это правда. Уж если Господа предали, неужели нас обойдут! Это неизбежно. Вы-то просто сотрудники были, а ведь даже духовных отцов во времена репрессий духовные чада предавали, доносили на них, потом сами же каялись, плакали, тут уж даже не денежный интерес был, а просто непонятно какой. Так что сильно не горюйте, своё берегите здоровье.

Православие людей не исправляет, если они к этому сами не стремятся: это ведь не лекарство от болезни, и когда говорят про кого-то: «А ещё в церковь ходит!» — я возмущаюсь всегда. При чём тут церковь? Человек сам перед собой и перед Богом, а люди мы грешные. Прощать велено до семьдесят раз седмерицею, может, и Вы в чём-то виноваты, проверять всегда надо, доверять и проверять, тем более, что за людей Вы отвечаете как Богом поставленный над ними начальник. Начальство-то от Бога! С подчинённого спросится — как выполнял,

а с начальствующего — как руководил. Дело-то тонкое.

Так что, дорогой Александр Григорьевич, искренне сочувствуя Вашему горю, одновременно и радуюсь за разрешение былых трудностей. Бог рядом, за руку ведёт, испытания даёт, смотрит, иногда помогает, иногда ждёт — как сам человек проявит себя. Вы его как больного простите, больного прежде всего душой, а что он от вас обворовывал — то на небо пошло. Отдайте это Богу как жертву. Трудно, конечно, подняться до тех святых отцов, которые сами вора в мешок помогали свои же вещи складывать, я бы не смогла, но уже утраченное — Богу отдать легче. Вам сразу хорошо на душе сделается. За 10 лет-то сколько денег-то, какую жертву Вы можете на небо переправить! Самому-то было бы не под силу! Жив Господь Бог! — как в Ветхом Завете восклицали иудеи в трудную минуту, рвали на себе одежду и решались на крайности. Очень мне всегда это нравилось.

Желаю Вам всего самого доброго, Бог даст, всё теперь пойдет хорошо, ведь у Вас совсем почти в тупик дело зашло, а Господь всегда из тупика выводит, именно из тупика, и я очень за Вас рада. Может, опять скажете, что я Вас не понимаю, но что ж поделать, может, со временем и согласитесь со мной.

С неизменной любовью о Господе и искренним сочувствием — м.Н.

4 апреля

Да нет, матушка, в этот раз Вы совершенно правы. Вчера мой сотрудник приезжал к батюшке, сообщил ему: «Александр Григорьевич уволил меня за провинность», а в чём она заключалась, не сказал. Когда я позвонил батюшке и рассказал подробности (а случай до этого уже он знал), духовник сказал: «Значит, ему деньги были нужнее». Тогда я сказал: «Что ж, батюшка, скоро я приеду и кое-что возьму из Вашего дома — мне тоже нужно»... Парня-то я простил, и как ни пытаюсь теперь вызвать в душе чувство обиды на него, ничего не получается. Бог ему судья! Но на работу при всём желании взять не смогу: нет у нас работы, где люди не имели бы дело с деньгами. Пусть уж он выздоравливает и устраивается куда-нибудь в другое место.

Продолжаю искать сотрудницу-корреспондента — уже пять месяцев.

Конечно, все мы погрязли в грехах, и я как начальник, имеющий намного больше возможностей и доступа к деньгам, хотя они формально все принадлежат мне, на самом деле даны Господом на издание православных газет. Деньги вообще очень искуссительная штука. Скажу как на духу, всегда считал себя человеком некорыстным, но если покопаться в душе, всё повернется иначе.

И всё же жаль, что так много сил затрачено впустую. Знаю, знаю, в этом месте Вы меня поправите: «Не впустию, а по Божьему Промыслу» — и будете правы.

Несмотря на малочисленность, уже сделали апрельский номер — это 4 апреля, когда он должен выйти 20! Такого на моей памяти ещё не было. У людей появилась возможность отдохнуть всю Светлую седмицу — впервые за время существования редакции. Заканчиваю. Спаси Вас Господи за поддержку и, главное, за помощь в православном понимании событий. В какой-то мере Вы заменяете мне духовного отца, хотя я понимаю, что не на все вопросы Вы готовы ответить. Искренне Ваш, Александр Раков. Помолитесь за р.Б.В.

4 апреля

Да не скажу я так, в конце-то концов! У меня другая терминология, другие интонации!

Спасибо за письмо, рада, что так, как Вы пишете. Конечно, ни в коем случае на работу его брать не надо, у вас не благотворительное общество, бесплатный суп выдающее, вы делом заняты. Батюшка у Вас крутой, но это он Вам так сказал, другому в такой же ситуации он сказал бы иначе. Рада, очень рада, что будет у маленькой мужественной самоотверженной редак-

ции возможность отдохнуть в Пасху, с грядущим Вас праздником Благовещения, помощи Божией во всём, храни Господь.

Грешная м.Н.

7 апреля

Дорогая матушка Н! Какие же светлые – Богородичные праздники! По милости Божией причащался два дня подряд; на душе умиротворение и покой. Правда, когда заговоришь и возбудись, этого не чувствуешь, но когда замолчишь, спокойствие возвращается. Нечасто у меня бывает такое состояние. И ведь знаю, знаю, как сохранить его – и всё равно опускаюсь. Интересно, у монашествующих, наверное, такое состояние длится дольше? Или оно постоянно сопровождает монаха, и лишь согрешающего покидает? Или я идеализирую? Но ведь исповедовать свой грех сразу же – великая милость Божия; а то таскаешь его в себе, таскаешь, пока решишься, пока возможность случится... бывает и как бы забывается на время, пока Господь не напомнит. Я, правда, уже научен, и с заболевшей душой бегу на исповедь или даже по телефону тараторю батюшке о содеянном. И не пытаюсь, как научил о.Антоний Сурожский, вывалить священнику все грехи: это и

невозможно душе, разве что при первой исповеди, когда она сама всё рассказывает. Поэтому, если чувствую, что совесть точит, этот грех ставлю наперед — а там Сам Господь подскажет, есть ли ещё что серьезное.

Батюшке поздравления сделаем: решил я смириться, да и время появилось. Старенький он всё же, жалко... С любовью о Господе, Александр Раков.

8 апреля

Дорогой Александр Григорьевич, очень рада была получить такое хорошее письмо в такой Праздник. Поздравляю Вас с принятием святых Христовых Тайн, с полученной радостью и утешением духовным. Рада и за Батюшку, что Вы ему поздравления сделаете. Вот и хорошо.

Кстати, Вы, наверное, знаете, что на Афоне в былые времена удерживались только те кельи (кельями так домики называются, в которых обычно живет старец и послушник или послушники), где послушники безпрекословно старцев слушали, даже если эти старцы видимо выживали из ума. А кто не слушался, те кельи разорялись. Так что слушайте Батюшку Вашего, без рассуждения, и будете большую пользу иметь. Простите за «назидание», это я от радости и полноты душевной.

У нас Праздник прошел тихо и благостно, накануне перед Всенощной был постриг в иночество. Это ещё не монашество, без обетов, но уже шаг в ту сторону. И всегда — духовное событие. Поменяли им имена, так что теперь не Тани и Мани, а матушки со святыми именами... Сестры в основном молоденькие были. День вчера был ясный и ветреный, синие тени на снегу, солнышко смеётся, птички поют. А потом — багровый закат. Сегодня же серенько, буднично, постно. Не всё коту масленица...

Вот, дорогой мой правдоискатель, и всё на сегодня. Желаю Вам помощи Божией в трудах Ваших, тишины и мира на душе, здоровья, всего, всего доброго. Храни Вас Господь.

С любовью о Господе — гр.м.Н.

12 апреля

Дорогая матушка! Вчера не очень удачно прошел вечер встречи с читателями по случаю 10-летия газеты. Вернее, просто было немного народа: организатор в Лавре выбрал очень неудачное время — 11 апреля вечером начиналась «Суббота акафиста», ни один батюшка прийти не мог, да и большинство православных, естественно, были в храме. Смирюсь, как могу, а всё обидно: до следующего 10-летия мне не дотянуть. Слава Богу за всё!

Книжку монахини Сергии (Клименко) «Минувшее развёртывает свиток» пока не нашёл, но наткнулся на её высказывание о Сталине. Привожу полностью. «От отца Иеремии (Лебедева +1.3.1953), казначея Патриарха Алексия (Симанского), я узнала следующее: когда Святейший приехал за границу, его упрекнули в том, что он служил панихиду (возможно, молебен, если учитывать дату кончины архимандрита) по Сталину-безбожнику. Патриарх Алексей во всеуслышание ответил: «Я служил не за безбожника». За него молился схиархиепископ Антоний (Абашидзе (1867-1942)). Он был инспектором той семинарии, где учился Сталин. И когда Сталина за «проказы» сажали в карцер на хлеб и воду, он его жалел и посылал ему покушать. А когда времена переменились, когда Сталин стал самодержцем, а он архиепископом, его хотели арестовать. И вот Сталину дали знать: помнишь князя Абашидзе, который тебе кушать посылал, когда ты в карцере сидел? И Сталин сказал: «Не трогать его». И владыка Антоний за него молился и что-то ему вымолил. Уж какая судьба Сталина, мы не знаем, это Бог Один знает, но все-таки с него началось освобождение». Монахиня Сергия (Клименко) «Минувшее развёртывает свиток...»

Я бы не стал утомлять Вас политикой, но мне от неё спрятаться никак не удаётся — читатели достают.

Есть ещё одна проблема, уже семейного свойства. У меня есть 4-летний внук, крещённый батюшкой, от пасынка, хороший мальчишечка, но я никак не могу пустить его в свое сердце. Понимаю, что не прав, что нужно жить единой семьей, любить его, а не могу: болит душа за свою заблудшую дочку Анастасию, которая неизвестно где и меня ненавидит. А я всё равно люблю её и молюсь при выносе Чаши, как научил меня архимандрит Гермоген (Муртазов), чтобы вернулась она на пути праведные... Вот, матушка, «такие пироги с котятами», как написал один читатель. В санаторий и монастырь начали морально готовиться. Поклон от Валерии. Ваш Александр Раков.

16 апреля

Что-то я не поняла! Отвечала Вам — последний раз 8 апреля. Не ответила только на последнее письмо, про м.Сергию и про неудачный юбилей газеты. А так же не поздравила Вас с 10-летием, вернее, поздравила

мысленно. Жаль, конечно, лучше бы Вам было его отпраздновать после Пасхи, в посту всё сложнее. Придётся ещё 10 лет Вам жить и трудиться, чтобы справиться на все сто.

Рада, что Вы приедете, постараюсь похлопотать, чтобы определили Вас куда-нибудь в тихое место... Это будет пасхальная неделя, зависит от количества паломников. Ну, как Бог даст, будем надеяться на лучшее.

У меня сейчас много всего, так что не обижайтесь, что не сразу ответила. Перед праздниками суетно, да еще уборки-приборки-ремонт и проч., всё в одно время. И работы полно. Если ждёте ответа, то так и пишете — как соловей лета. Тогда я сразу отвечать буду, я человек совестливый, тогда вот, с книгами Вашими, чуть не заболела от совести, мне так тяжело было, что Вы ждёте, а я всё молчу. Ещё раз — простите меня.

Вот и всё, у нас весна, скоро цветочки первые появятся. А привозить мне ничего не надо, спасибо. Приезжайте сами. Всего Вам доброго, храни Вас Господь.

гр. м.Н.

16 апреля

Дорогой Александр Григорьевич, отправила на оба Ваших адреса. Письмо у меня сохранилось, я нашу переписку вообще сохраняю, в отдельной папке, уже много писем накопилось.

Ещё раз простите за неоперативность, ещё раз желаю Вам всего доброго, с неизменной любовью о Господе — м.Н.

1 мая

Ну вот, наконец от Вас какие-то признаки жизни! Добрый вечер, дорогой Александр Григорьевич! Спасибо за повторное письмо. Сразу про м.Сергию — я ведь её хорошо знала и была её дочкой духовной, познакомилась с ней в 1982 году и до её смерти рядом пребывала. Благодаря ей я в монастыре. Благодаря ей я восприняла истинный вкус Православия, что самое важное для приближающегося к Церкви и Богу. Я ведь из среды диссидентов, вернее, через эту среду прошла, она была лишь ступенью для меня к вере, так вот, если бы не м.Сергия, я бы блуждала в потёмках. Диссиденты были сторонниками экуменизма и смешивали все понятия. Она же сразу дала ощутить истинный дух Православия, после чего уже не съедешь в сторону. Вкусив вина истинного, будешь ли пить суррогаты? Рассказ этот про Сталина я хорошо знаю, да, она так и рассказывала, только политики я тут не вижу никакой, а вижу человека, грешника великого, но и в грешниках остаётся что-то доброе. Мать Сергия говорила, что то, что Сталина из мавзолея вынесли — хорошо для него, для его участи вечной. Он же патриаршество

восстановил, он церкви открыл. Я судить не берусь, просто воспринимаю как есть. Как она говорила.

А про внука Вашего — думаю, Вам больно от этого неприятия и Вы страдаете, если бы удалось это преодолеть, большая радость поселилась бы в Вашем сердце. Он же маленький, беззащитный и пока безгрешный. Если он сейчас умрёт, то в рай попадет. А водят ли его в церковь? Причащают ли? Молится ли он сам? Если водят, Вы его попросите о Вас помолиться. Может, и разрушится стена, ведь она вражия. Вы не можете не любить ребенка, это Ваша тёмная часть не любит. Мы не однородны, и свет в нас и тьма понамешаны. Когда свет победит, когда тьма. Представьте, какой он маленький, как ему защита, помощь нужна. Помолитесь о нём сами. Насильно помолитесь. Так вот и скажите — Господи, прости меня, я не люблю этого мальчика, а Ты всех любишь, помоги ему во всём и моё сердце смягчи. Горе нам, горе с сердцами нашими, камень, а не сердца. И я от того же страдаю. Трудно любить, а раз не любишь — то чужд Богу. Хоть какие правила вычитывай, хоть как лбом о землю бей — без любви всё всуе.

Дорогой Александр Григорьевич, я надеюсь, что связь наша наладится, эта почта работает исправно. Желаю Вам всех благ, спокойной ночи, храни Вас Господь, до встречи.

С любовью о Господе — гр.м.Н.

1 мая

Матушка! Письмо Ваше пришло, закодированное в кириллице, пришлось потрудиться, пока расшифровал. Думаю, что Ваш старый адрес работает нормально. Да, за окном дождь, начинаю собираться в Обитель. Давление, уж не удержусь, пожалуюсь, 110/160, но настроение бодрое, да и группу подводить нельзя. Теперь все труднее отрываться от жены — хотя и ругаюсь, а привык, и всё-то она понимает в моих настроениях и болячках. Лера говорит: «Тебе от меня надо только одно — чтобы я поблизости была, на кухне или в комнате. Тогда ты спокоен». А ведь она права. В чем тут дело, не разберу, а без неё даже духовно тяжело и любые мои запутанные ситуации она разгрызает, как орехи. Нашёл забытое стихотворение и шлю Вам, коллеге:

ЛЕРЕ, БУДУЩЕЙ ЖЕНЕ

Дарю тебе цветы бумажные

Без запаха и без шипов.

Сказать хочу я что-то важное,

Но – странно – не хватает слов.

*А отчего же мне неможется?? –
Наверное, не в этом суть:
Как, почему и что там сложится, -
Ты не гадай, ты просто будь!*
9.11.83.

Матушка, подумайте, возможно ли взять интервью у матушки Игуменнии и о чём лучше спросить? До встречи, если Бог даст. Александр Раков.

1 мая

Насчет жены — это закономерно, она же Ваша половина, без неё Вы не целый, вот и всё. Слава Богу, что так, я за Вас рада. У Вас жена хорошая.

Насчет интервью — иногда Матушка охотно дает интервью, иногда уклоняется. Поэтому как Бог даст. Не всегда она хорошо себя и чувствует к тому же. О чём спросить — это уж Вы сами знать должны, тут не посоветуешь. Вы же опытный, не первый раз. Что Вас интересует, что интересно для газеты, то и спрашивайте. Помогите Господи.

Пишу на скорую руку, вроде всё ответила. Давление, конечно, не из лучших, но бывает и 200, так что 160 не так уж и страшно. А здесь, Бог даст, и совсем

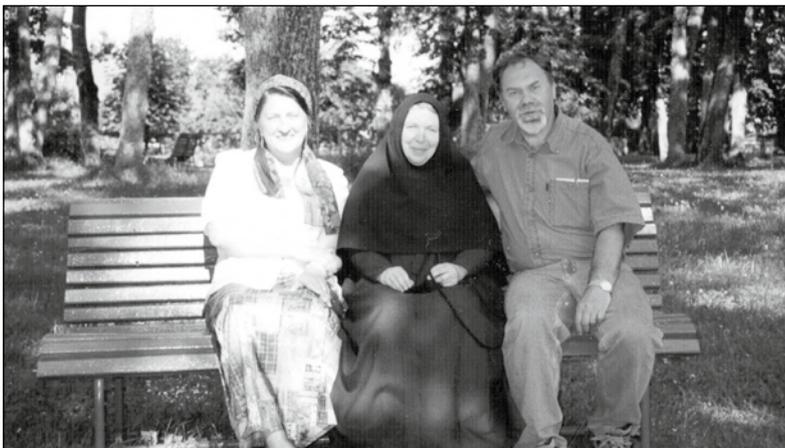
нормализуется. У нас ветер страшный сегодня, а воздух чудный. Хочется гулять, но всё сижу, к стулу прикована, письма, бумажки...

Ну, с Богом, Ангела Хранителя Вам в дорогу. До встречи.

м.Н.

5 мая

Возлюбленная о Господе м.Н! Полдвенадцатого добрался домой, а от Вас уже письмо. Спаси, Господи! Поездкой я доволен, как сейчас начинаю понимать: и задачи все выполнил, и выспался, и две службы отстоял-

отмолился, даже правило, правда, сокращённое прочитал перед исповедью, и причастился, и взял у Матушки интервью (хотя с заготовленных вопросов мы быстро соскочили), и с Вами поболтал, не зная, как себя вести с людьми занятыми, которые не могут сказать тебе: «А не погулять бы Вам на воздухе...» Понравилась матушка М. — не такая, как Вы, но тоже открытая, а мне такие люди приятны. Ещё заказал «вечное» поминовение о упокоении папы р.Б.Григория — ради этого ехал. Единственно, чего не сделал, — не написал в «Книгу гостей», но если беседа с Матушкой получится, пусть это будет моей записью в летопись Вашей Обители. Ещё познакомился с замечательной м.О. и её использовал для редакционных нужд. Ещё передам пачку своих книг через Вашу знакомую в Питере. Видите, сколько я успел! Сейчас отправлю письмо и загляну на интернет-страничку Ваших друзей, где опубликованы Ваши стихи. А сам нашёл свой слабенький, но душевный стих о сыночке:

СЫНОК

*Мой неродившийся сынок,
Прости меня, мальши:
Ты мог бы быть, но я не смог —
И ты во мне кричишь.*

*Всё отобрал я у тебя –
И вздох, и первый крик.
И наша круглая Земля
Не вздрогнула на миг.*

*Прости, а лучше не прощай,
Кричи во мне, малыши!
А без тебя Земля пуста,
Раз ты на ней молчишь.*
16-24.86.

Искренне Ваш, Александр Раков.

Да, Матушке Игуменнии низкий поклон за всё, что она сделала на грешной земле. Дай Бог ей сил терпеть болезнь и изливать на людей свою любовь. Прошу её св.молитв и сам буду молиться о её здравии. Ваш А.Р.

6 мая

Рада, что благополучно добрались и довольны поездкой. Довольны ли встречей с Матушкой, так и не поняла. И вообще — какое она на Вас произвела впечатление? У нас сегодня Георгиев день, как и у вас, ходили с иконой по полям и к коровкам заходили с иконой и кропили всё святой водой. А потом на скотном была трапеза. Храни Господь, пишите. Ваша м.Н.

7 мая

М.Н! Цитирую персонально: «Матушке Игумении низкий поклон за всё, что она сделала на грешной земле. Дай Бог ей сил терпеть болезнь и изливать на людей свою любовь. Прошу её св. молитв и сам буду молиться о её здравии». Чего Вы не поняли, уразуметь не могу. А то, что я компьютерный «чайник», это к бабке ходить не надо. Стихи — блеск, не все, но почти... Это же дело вкуса, настроения и погоды. Но я не люблю стихов, посвящённых людям, которых не знал — и поэтому мне неинтересно. Да, чуть не забыл: могу ли я взять из интернета Вашу биографию, или не давать «друзьям» повода позлословить? От издателя ни звука. Сколько же он будет меня мучить? И самое главное, обидно, что я получил пожертвование, которого как раз хватило бы на издание книжки, а я положил в редакционную кассу. Теперь воленс-ноленс учусь смирению... Вашего Монашества смиренный послушник Александр Раков.

8 мая

Весь вечер моя бедная, измученная отнюдь не нарзаном, а работой жена просидела под моим непосредственным руководством над подборкой Ваших стихов.

Проблема в том, что стихов хороших много, а газета не резиновая. Всё же удалось кое-как умять. Возможно, поставлю в майский номер, если успеем сдать и забрать из типографии на Дворцовой площади, т.к. город должны перекрыть в связи с празднованием 300-летия. А.Раков.

8 мая

Ну вот, опять безответное... Не ответила только на вчерашнее: резануло, что Вам «про незнакомых людей неинтересно». Пришлось переждать, пока уляжется.

Добрый вечер, дорогой Александр Григорьевич!

Спасибо за весточки, за возню со стихами моими. Собственно, они теперь живут сами по себе, где-то там болтаются, доступные для всех, отделились от меня.

Вы, как обычно, в трудах, и Ваша милая супруга тоже! Помогите Вам Господи! Завтра День Победы, не знаю, дорог ли он Вам, но всё равно — с Праздником! У нас все потихоньку зеленеет, не бурно, как обычно в это время, а исподволь, лезут зелёные макароны из-под земли, неоформленные. А должны бы они уже увенчаться цветами. Ну, подождем. Прохладно нынче.

Желаю Вам успехов в Ваших трудах, сердечный поклон супруге Вашей. Мать И. сожалеет, что не смогла с Вами увидеться, передает поклон и благодарность,

она несколько дней не выходила из дома (приболела), а сейчас к ней сестра приехала и надеюсь, она воспрянет духом и восстанет от хвори.

Храни Вас Господь.

С неизменной молитвенной памятью — м.Н. Ещё раз — спасибо и всего Вам доброго.

9 мая

Отец, 22 июня 1941г.

Матушка! Ну как же мне может быть не дорог День Победы, если я родился в Австрии, в Вене в 1947 году, где стояла наша Оккупационная Армия! Мой папа закончил войну майором, а жизнь, которую укоротила война, — полковником. И мама блокадница. Как-то Вы плохо читаете мои совсем нетолстые книжки...

«Про незнакомых людей» написал по глупости: поэзия вся состоит из чувств к незнакомым читателям людям. Простите великодушно: иногда по гордыне я считаю себя неглупым человеком. Почаще ставьте меня на место. Да, хочу опубликовать целую полосу в

майский номер, и ошибок не избежать, но обещаю, что даже в нынешних форс-мажорных обстоятельствах постараюсь отнестись к публикации Ваших стихов бережно. Они многое мне рассказали о Вас; не такая уж Вы простая, какой кажетесь с виду. Сейчас пойдём на Серафимовское кладбище, где лежат мои дедушка, бабушка, дядя, папа и мама; немного приберёмся. Заодно покормим птичек — я повесил кормушку. Сколько миллионов русских забрала эта проклятая война!

М.И. поклон и пожелание выздоровления. И Лера Вам и ей кланяется. Жаль, мало поговорили, да Вы как-то отгораживаетесь от меня. Впрочем, поэты все такие. Ещё раз с Праздником «со слезами на глазах». А ведь воевали на 70 процентов верующие люди... Искренне Ваш, Александр Раков. А Матушку Игумению я люблю ничуть не меньше самих насельниц. Дай ей Бог здоровья.

9 мая

И Вас ещё раз — с этим памятным днём! Простите, что усомнилась. У меня тоже мама блокадница была, и бабушка. Бабушка умерла в блокаду от голода. А мама вот выжила. Ещё раз с Праздником, здоровья Вам, успехов в трудах, поклон жене, храни Господь.

Ваша м.Н.

11 мая

Всечестная матушка! Иногда и меня достает зуд стихотворчества. Я написал сегодня:

СЛАБОЕ ПОДРАЖАНИЕ м.н.

Ну вот, опять испортилась с Небом связь

И никак не наладит её монтёр.

Я палец до крови весь истёр,

Набирая длинную цифр вязь.

А когда я наконец прокричал: «Алло!» -

Тихий звон раздался на том конце,

Белый голубь задел за чело крылом,

Оставив пёрышко на моём лице.

И тогда я не в трубку, а голубю след

Прошептал, как молитву из сердца вон:

«Господи, прошло уже двенадцать лет,

А в ответ раздаётся лишь тихий звон...»

Да вот пёрышко голубка

И палец, стёртый от набора в кровь.

Конечно, линия связи так далека,

Но я отдохну и попытаюсь вновь...

А.Раков

11 мая

Подражание Ваше прекрасно, т.е. стишок, но что же я должна и о чём писать подробно? Вот в чем вопрос. И куда Вы звонили? И на самом ли деле? Или это только в стихах? Сегодня выходной, а я вот до сих пор ещё не ела, пойду домой, с Вашего позволения. Писать же о чём — не догадываюсь. Просто как чукча: о чем вижу и слышу?

Всё, ухожу, всех Вам благ, до скорых встреч.
гр.м.Н.

Кстати, я Вам на каждое письмо теперь отвечаю — хотя бы слабым восклицанием. Доходит ли?

11 мая

Дорогая матушка! Совсем я загрузил бедную монахиню. Никуда я не звонил, пытаюсь аллегорически в стихах показать свою отдалённость от Бога. Раз Вы спрашиваете, куда я звонил, значит — ничего у меня не получилось. Зато получилось женить парня, очень талантливого, проработавшего в газете 4 года и много сделавшего для неё. Только что вернулись с венчания. И здесь помогла газета. А стих слабый, я понимаю.

Конечно, идите домой, поешьте и отдохните. Письма Ваши вроде все доходят. У меня тоже были технические проблемы с почтой, но теперь их нет. Иногда пишу глупости, прошу прощения. Ваш Александр Раков.

17 мая

Добрый день, дорогой Александр Григорьевич!

Благодарю за весточку. Хотела уж сама Вам писать, забеспокоилась — вдруг что у Вас случилось, или — в Париж уехали... Спасибо за публикацию стихов. Очень рада за Вас, что Вас рекомендовали в члены Союза. Дай-то Бог! Столько трудов положено, столько написано, давно пора.

Сожалею о самочувствии Вашем, сейчас модно списывать на погоду да бури магнитные, вроде мы тут ни при чём, и болезни не наши, желаю Вам скорейшего улучшения. Мать П. передам. У нас дождик, дождик без конца, холодно. Лето не хочет в наши края, затерялось где-то. Паломников много, на субботу-воскресенье группы приезжают. Слава Богу. А так — особых изменений нет, живём потихоньку.

Искренне желаю Вам здоровья и помощи Божией во всём, поклон супруге, храни Господь.

С любовью о Господе — м.Н.

17 мая

Дорогая матушка! Париж для меня, как для Вас сейчас — ясное солнышко: вроде и деньги есть, и не так дорого, и супругу уговорить, ан нет, отдаляется Париж за горизонт. И пусть так — давно я ни о чём не мечтал. А поедем мы, вероятнее всего, в эстонский санаторий с 14 по 23 июля (уже зарезервировано), если ничего не изменится. С болезнями смирится мне очень трудно, и что они от Бога — ещё труднее: хотелось бы связь узреть, за что да как. Знаю, знаю, Вы напишете: «Это только Богу известно», но не могу я, 55-летний, пусть и не очень уже стройный мужчина, сказать себе: «Ну, ушел в пятницу с работы по причине недомогания, ну, провалялся два дня на «четвероногом друге», принимая лекарства от давления (а для меня ниже 100 страшнее, чем 200 у других); нельзя нервничать, совершать что-то физическое, а как тогда вообще жить? Вопрос... Господь что, силу мою поистёртую умиряет, чтобы я ещё меньше сделал, или через силу старался? Я всё равно больше, чем сейчас делаю, не смогу — дай Бог это удержать.

Второе, что меня мучает: кому передать газету? Наследника как не было, так и нет, только люди меняются. Получается, что газета вместе со мной уйдёт, и все

усилия в песок? «Трудно у Неба читать между строк»... (вот пристало, не отодрать; стих уж больно хорош). Уже писал, что получил от издателя ответ по книге «Заветные узелки»; где-то он с богословской точки зрения прав, где-то, на мой взгляд, нет. Он, кажется, забывает, что записки написаны мирянином, пусть и с ошибками, но пытающимся как-то проникнуть внутрь себя, а если всё будет гладко и идеально, то зачем их вообще писать? Предложил ему стать моим рецензентом и в некоторых местах делать свои ремарки. Книжка от этого только выиграет. Но он опять надолго замолчал. Сам не хочешь смириться — Господь заставляет. Кстати, на секции Союза писателей, когда принимали, произошёл конфликт. Предупредили меня, чтобы всё терпел, все замечания вплоть до глупостей. Я так и делал, пока один молодой и нагловатый «член» не стал изгаляться над Православной Церковью. «Русский человек без Православия дрянь», — кинул ему цитату из Достоевского, но скандал как-то замяли. Оставайтесь с Богом. Александр Раков.

17 мая

Ну вот, матушка, вчера вышел майский номер газеты с подборкой Ваших стихов, вводкой из сайта и адресом самого сайта. Через несколько дней появится электронная версия газеты. Саму газету я посылаю Вам и

Матушке Игумени. В подборку вошли стихи: «Заблудилось, должно быть...», «За некрещёного Андрея», «Плач матери земной...», «Волк-одиночка», «Помолись за меня», «Что мне делать», «Виновата, кругом виновата», «Памятник Александру» и «Господи, помилуй». Если что не так, простите великодушно — что написано пером... На днях вышлю для ознакомления и правки интервью Матушки. Ещё можете передать м.П., что пачку книг её маме доставили. Из новостей: СПб секция Союза писателей рекомендовала меня в члены Союза; Москва рассмотрит осенью. Ещё страдаю от давления и плохой погоды, одиночества и нарастающего бессилия. Скорее бы прошли эти торжества! Мешают работать. Вот вкратце и все. Александр Раков.

19 мая

Матушка Н! У меня опять неприятности из-за газеты. Александр Раков.

20 мая

Александр Григорьевич, дорогой, что же у Вас опять случилось? Сочувствую всей душой — и газетным Вашим скорбям, и самочувствию не блестящему, и силам

уходящим, помощи Вам Господи! Сейчас дело к полуночи, письмо Ваше только что получила, распечатаю материал, а завтра отнесу Матушке и Вам ответчу. Видите, Вам еще 10 лет трубить минимум, так что болезнями, скорби скорбями, а Вы свое дело делайте потихоньку с Божией помощью, на радость людям. Такое дело столько лет держите, это ведь не шутка! И дальше будете, помощи Вам Господи! А про Париж — я больше шучу, хотя буду за Вас рада, если когда туда попадете. Мне бы давно уж не шутить, а серьезными делами заниматься, да вот сбиваюсь постоянно.

Ну, с Богом! До завтра! м.Н.

20 мая

Дорогая матушка! Каждая газета приносит теперь одни неприятности. С каждой газетой мы теряем по храму: одному настоятелю не нравится одно, второму другое. Почитайте статью «Тепло оценит только замерзший» в последнем номере №5 в интернете — что в ней худого? Я много лет знаю героиню очерка, и о.Василия знал до его смерти в 1995 году; их храм предоставил нам помещения, в которых мы пробыли почти 5 лет. Но дело не в этом. После выхода газеты в редакцию стала звонить свекровь, вчера я проговорил с ней полтора часа,

но она ничего не слышит в свои 82 года, читает между строк, навязывает нам требование дать опровержение — о чём? — обо всём. Ещё она позвонила моему батюшке; тот расстроился; статью читал с двумя учёными иеромонахами, но ничего худого так и не усмотрел. И всё же сказал: «Не надо было печатать, ты меня не спрашивал». А как его спросить, если до него иногда по несколько дней звоню без толку? Идти к нему в храм бессмысленно: люди стоят даже на лестнице, да в храме не поговоришь. Одним словом, происходит драма: несмотря на большую популярность газеты, мы с огромным трудом распространяем её, храмы берут помалу, несмотря на спрос. Как в таких условиях работать? Упрашивать продавать, сгибаясь до пола? Но это будет не газета. Одни не любят о.Сампсона(Сиверса) — и поэтому не берут газету; другие ненавидят зарубежных — и отказываются от газеты; третьим не понравилось высказывание известного батюшки (не моё!) об ИНН — и больше газету в их храм мы не возим, и т.д. и т.п. Вместе с тем, многие любят газеты и называют их очень хорошими и душеполезными. Посоветоваться не с кем, решаю сам. Врагов много, и священноначалие не жалуется... У меня после каждого происшествия поднимается давление, я устал валяться по больницам. И если финансовое положение можно назвать устойчивым, то из помещения

церковного в любой момент могут выкинуть и снять благословение, а это конец. Я устал и хочу с этим покончить. С голода не помру, хотя дело жизни — а это не для красного словца — конечно, жаль. Но душат, душат, нет сил... Все годы так. Я знаю, что Вы мне ответите: «С креста не сходят, с него снимают» и пр. Да, у каждого свой крест, но далеко не каждый доносит его до Голгофы. Я ещё немного побарахтаюсь, но мое обострённое до предела чувство говорит мне: время близко. Никто, кроме Бога и жены, не знает, насколько меня самого изменила газета, но редко самоотверженность, преданность делу, стремление отдать то, что ты умеешь, находит понимание в церковной среде. Поэтому теперь я понимаю, чего они хотят: для них, оказывается, лучше, чтобы газеты не было, чем чтобы она была. Заканчиваю, ибо трачу Ваше драгоценное время. А у меня времени предостаточно. Некому даже по-настоящему исповедаться — всем некогда или не понимают. Александр Раков.

20 мая

Добрый вечер, Александр Григорьевич!

Особенно меня умиляет, что Вы заранее наизусть знаете все мои ответы. Остается сомкнуть «о челюсти, тяжелые как мрамор».

Матушка всё просмотрела, есть очень незначительные поправки, я полагаю, что это в следующий номер, и отправлю Вам, с Вашего позволения, завтра, сегодня всенощная, да и устала я, там мелочи, но надо повозиться. В целом материал хороший.

Ну, что же это за безобразия творятся! Впрочем, всюду так. Я не скажу про снятие с креста, но скажу, что если Господа не приняли, что о нас говорить грешных. Люди Вашу газету любят, это однозначно, и тем она и ценна, что не уклоняется ни в какую сторону, например, некоторые газеты читать тошнит, есть какая-то питерская газета, постоянно призывающая к борьбе (а фактически — к расколу), там то про ИНН, то про три шестерки, то про ещё какие страсти, нам кто-то регулярно посылает, её ещё Владыка Иоанн вроде благословил и в ней много сам выступал. Ваша же газета живая, многогранная, реальная, я бы сказала, вот и приходится страдать. Каждый хочет тянуть в свою сторону, но это мы уже в басне Крылова читали. По возможности бы Вы здоровье берегли, хотя легко говорить...

Статью почитаю обязательно. А бати все эти — помоги им Господи! Тоже ведь обычные люди, грешные, разница — что Богу служат, у Престола стоят. А грехи-то у всех есть.

Завтра я Вам отошлю материал и допишу, а сейчас — просто всей душой Вам соболезнаю, путь правды — наитруднейший, это подвиг. Лизать-то всем всё легче во сто крат, но это — себя потерять. А Вы натура сильная, неординарная, такие себя не теряют. Помогите Вам Господи! До завтра!

Соскорбящая Вам — гр.м.Н.

22 мая

Александр Григорьевич, добрый вечер! С праздником — днем Святителя Николая! У нас престол, после службы ходили крестным ходом к Никольской часовне, служили там водосвятный молебен и обратно. Часовня за монастырем, не близко. Пока идём — поём не переставая, всегда радостно.

Газетки Ваши как раз сегодня пришли, спаси Господи, про Святителя Николая.

Извините, что вчера, как обещала, не выслала интервью Матушки, вот теперь только высылаю. Изменения напечатала красными буквами, но вот удачно ли файл дойдёт, не знаю, впервые отправляю по этой почте, тут всё иначе и что там прицепилось, мне не посмотреть уже, не открыть. Так что в случае неудачи — напишите, я ещё раз вышлю.

Как Вы? Желаю успеха, храни Господь.
м.Н.

23 мая

Матушка-утешительница! Интервью получил с исправлениями, намереваюсь поставить на первую полосу июньского номера. Всю неделю провалялся дома: перемешалась хандра с болячками — давлением, сердцем, шумом в голове, словно паровозик там беспрестанно гудит и бегаёт. И на службе не был. Как объяснить: Свт.Николая люблю и почитаю, а в праздник не пошёл. Плохо стал держать удар. Жаль, что Вы не прочитали материал «Тепло оценит только замерзший», возможно, последствия его публикации и бросили меня в такую хандру. С работы никто не звонил — нет команды; они и рады, что начальника нет на месте. Как-то всё не складывается у меня с жизнью, с газетой... Одиноко. Ладно, хоть Вы, надеюсь, помянули меня в праздник Св.Николая Чудотворца. Бить меня некому! Кланяюсь, Ваш Александр Раков. Кстати, как подборка Ваших стихов — много ли ошибок? Посмотрите газету в интернете.

24 мая

Добрый день-вечер, Александр Григорьевич!

Ну, как же Вы любите всё за других рассказывать! С чего Вы взяли, что не читала материал Ваш? Материал прекрасный, от начала до конца читаешь без

отрыва, только конец разочаровывает, всегда-то злые силы стараются всё испортить. Помогите им Господи, этим добрым людям, как Вы и пишете, до конца жизни быть вместе и умереть в один день. За что же к Вам прицепились? Трудно понять. Статья вызывает хорошее сочувствие, со-участие в жизни этих людей.

Газету я просматривала последнюю, в интернете, а собственные стихи меня тошнит смотреть, меня чаще всего тошнит о них говорить и их перечитывать, хотя если начну перечитывать, то даже самой понравится — надо же, как написано хорошо! Так что ошибок я в этот раз не искала, думаю, что их нет.

Безконечно сочувствую Вашим паровозикам в голове, у меня тоже с головой неважно, но не в такой степени. Мы ведь головой работаем, вот она и отказывает. Помогите Господи.

Думаю, что не так уж Вы одиноки, как Вам кажется. Во-первых, батюшка Ваш молится о Вас, во-вторых, я уверена, многие и многие люди, читающие книги Ваши, газеты. Так что «не приbedняйтесь». Это у Вас субъективное восприятие. Пройдёт. А в церковь враг не пускает. У меня тоже — как на службу идти, так сразу или работу срочную вспомню, или плохо сделается. Переборю себя — всегда хорошо бывает. Не переборю — и работа не сделается, и отдохнуть не удаётся,

и время зря прошло. Церковь — наш дом, туда душа тянется, а мы душу не слушаем, душа у нас чахлая, засохшая, пищи мы ей мало даём. Сами не удовлетворены ничем, всё не так, это вот от того и есть, а душу морить голодом продолжаем. Бедные мы, бедные.

Погода вот у нас хорошая, красиво, всё зеленеет, цветёт, хочется побродить за оградой, да всё некогда.

На этом прощаюсь с Вами и желаю отбросить подалее хандру. Всё равно газету любят, читают, подумашь, несколько храмов отказались. А вы в притворе кого-нибудь поставьте да поторгуйте. Народу, конечно, нет у Вас. Ну, как-нибудь наладится, Христос с Вами, господин Раков и уныние — вещи несовместимые! НЕ ВЕРЮ! Всё будет хорошо.

С праздником Воскресного Дня!

м.Н.

24 мая

Матушка! И вновь Господь сотворил со мной чудо! Неделю лежал на кровати безвылазно, ни на работу, ни в храм ни ногой. А главное — разболелось всё, что только может разболеться: и голова, и суставы, и сердце, и давление. Я слабовер, поэтому пригоршнями глотал лекарства, правда, без толку. По слабости и безволию

стал думать, как бы лечь в больницу — не то чтобы смерти боялся, а физические немощи плохо переношу, что в общем-то равнозначно боязни и несмирению. А сегодня нехотя согласился пойти с женой на кладбище на папину и мамину могилки посмотреть, что там выросло и посадить цветочков, благо кладбище рядом. Ну, пошёл с мыслью, что в аптеку зайду, куплю ещё лекарств. И что Вы думаете? Пока шли к кладбищу, почувствовал себя очень хорошо; сначала даже не поверил себе и до сих пор удивляюсь. А ведь не в первый и последний раз это происходит. Странное существо человек: быстро забывает чудеса и скоро впадает в уныние. Знаю, что не полезно, однако хотел бы посмотреть, как именно враг воздействует на тебя, и сколько их. Но уже не первый праздник Святителя Николая я провожу в горизонтальном положении. А сегодня захотелось пойти в храм, и желание сильное, мне нравится, утром всё и решится.

Почему я такой слабый, матушка? Читаешь про святых — даже близко не подойти; всё понимаю — Господь силу давал, но ведь надо было сначала веру в себе возрастить, а это ох, как непросто, сами знаете. Вы правы, батюшка за меня молится, но общаться лично мы стали совсем мало: у него матушка — страж верный, редко до телефона его допустит. А то, что одиноко, так это верно;

я и книжки стал писать, чтобы выговорится и, сознаюсь, себя показать. Издатель прислал замечания по «Заветным узелкам», я предложил ему мои ошибочные суждения прокомментировать самому, получилась бы полезная и правильная с православных позиций книга, но он опять замолчал, а я боюсь задавать ему вопрос: выйдет книга или нет. «Время странствования» он не читал вообще, а когда прочтёт... Почему-то трудно идут эти две книжки. «Записок» больше не пишу: жена говорит, надо идти дальше, а не писать без сюжета. Но придумывать сюжет и персонажей — это неправда будет, а неправды я не хочу и не буду. Может быть, мое писательство на этом и закончилось. Письмо получилось длинное, заканчиваю. С любовью о Господе. Александр Раков. P.S. Поклон и просьба святых молитв Матушки Игуменнии.

24 мая

Ну вот и у Сашеньки и солнышко заглянуло в окошко, слава Богу! И мне повеселей. Пойдёте в храм — обо мне помолитесь. А я о Вас, как могу. Мы все слабые, все кто как ковыляем, там прислонимся, тут подержимся, а всё одно вперёд идем. Да ещё друг друга то тут, то там поддержим за локоток. В немощи-то сила и совершается, немощь-то нам самое желанное, к немощи Господь

низко склоняется. А кто силён — на того издали поглядывает, мол, ну-ну, поживи пока сам, а как силёнок-то не хватит, так ты обо Мне вспомнишь. Никому в помощи не откажет Господь. Но всё через страдания, сами знаете. Пострадаете — и радость велия, а если бы за просто так, и не ощутили бы ничего, не поняли. Всё закономерно. А одиноки мы все изначально, от рождения до смерти. Я вот тоже криком кричала — поговорить хотела, просто по-человечески, не на духовных высотах, так ведь до того дошла, что иностранным послам(?!) письма стала писать. Анонимно. Такая жажда была, сама не знаю чего. Потом всё прошло. Человеку высказаться всегда нужно, а понимальщиков мало, считай, нет. Чужой груз кому нужен? А бывает, что и человек хороший, и слушал бы с удовольствием, и к сочувствию готов, да не воспринимает. Вот и весь сказ. Никто не виноват, а одиночество продолжается. Святитель Игнатий писал: «Хорошо, если за всю жизнь одного единомышленника встретишь». Не помню точных слов, но смысл такой. Хотя бы одного, кто поймёт.

Как именно враг воздействует — Вам бы хотелось визуально увидеть, сколько их на нас повисло? Результат их работы Вы можете наблюдать ежеминутно, на себе самом. А уж увидеть — сохрани Господь! Душа мертвет от их вида, они без-Образные, когда человек умирает,

то видит их во всей «красе», и душа не может вытерпеть их вида. Для того и тело наше — защитная оболочка от видения того, что нам не по силам. Так что не думайте об этом, это уже точно враг искушает. Увидите — да инфаркт хватит или инсульт. Вот и будет опыт.

Книги с сюжетом, конечно, сложно, я Вас понимаю. Тут нужно игровое начало, что ли, идею выразить с помощью созданных в воображении лиц. Вы на реальном материале как рыба в воде, а Достоевский уже был. Кстати, мне очень нравится Михаил Дунаев, читали ли Вы его? О русской литературе пишет в православном ключе и лекции читает! Диву даешься.

Ну, всего Вам доброго, солнышко пусть не отходит от Вашего окна, вернее сказать, — от окна Вашей души, а душа пусть будет всегда ему навстречу распахнута. Храни Вас Господь!

С просьбой святых молитв — гр.м.Н.

29 мая

Ну вот, матушка, всё, как я предполагал: тираж газеты стремительно, с учетом лета, падает... Правда, есть для души весть отрадная — издатель благословил начать подготовку к публикации двух моих книжек под одной обложкой — в твёрдом переплете! Это здорово! В остальном

жизнь идет прежняя; на праздники не хожу, впрочем, так же, как и в церковь. Завтра, возможно, поедем на дачу: надо вывозить котов и тещу, хотя в Питере довольно холодно, да Вы и сами холод чувствуете. Прогнозы в интернете неутешительные. Сделал фото — Ваше, насельниц, м.Игумении, постараюсь прислать с газетой. Я всё болею; теперь замучил остеохандроз, рукой двинешь не туда и воешь от боли. Вот разве банька поможет... Скучное получилось послание, но что у умного на уме, у дурака на языке. Кланяюсь. Александр Раков.

30 мая

Добрый вечер, дорогой Александр Григорьевич!

Наконец от Вас весточка поступила, я всё заглядывала в ящик да заглядывала.

Как я рада, что книгу Вашу, вернее две, издадут в твёрдом переплете!

Рада, что на дачу поедете, да что в баньке попаритесь. Что этот пастырь про войну пишет — это просто безобразие! Православный человек никогда бы так не подумал! Всегда Родину защищали, при чём тут власть? Землю русскую, народ русский защищали, а не советскую власть. Власть от Бога, а народ страдает. И с такими взглядами — священник русский! Чему он паству научить может! Это даже против заповедей.

Мы начальство слушаться любое должны, подчиняться, а это позиция предателя. Простите за горячность.

За газеты особо не переживайте, право слово, лишь бы они БЫЛИ, а деньги приложатся в своё время. Подумаешь, отказались, это они своих прихожан обездолили, только и всего.

Хочу Вас развеселить, посылаю Вам стишок, не Вам написанный, но про болячки, в том числе про остеохондроз. (...)

Поклон супруге, храни Господь!

У нас всё без изменений, Матушка увлечённо занимается восстановлением нашего подворья, каждый день туда ездит, к вечеру только возвращается, вся в трудах, это её жизнь, всё кипит там сейчас.

А я всё тлею в присутственном месте, иногда по вечерам выхожу по воздуху прогуляться. Вот и все новости. С приближающимся праздником Вознесения, который Вы не любите, всего Вам доброго.

С любовью о Господе — м.Н.

30 мая

Всечестная матушка! Только что вернулся из Лавры, простояли в очереди два часа и сподобились приложиться к стопе св.апостола Андрея. Несмотря на

Стопа ап. Андрея
Первозванного

холод и дождь, народу очень много — и это радует. А что до моих болячек, так тут проблема в моей гордыне и немирении: не могу их терпеть, стараюсь избавиться. А они не только не исчезают, но множатся. И ничего не поделаешь. Но когда заболел нерв уже не левой, а правой руки, я испугался: ни перекреститься, ни ручку держать. Но стоял в очереди и уверял себя, что апо-

стол мне поможет непременно. Не знаю, изменилось ли что физически, но духовно сейчас чувствую себя «на воздушных». А деньги в редакции есть, проблема в том, что сужается круг читателей; как бы не дошло до того, что газету мы выпускаем, а брать её никто не захочет. Вот тогда я по-настоящему заплачу — навзрыд. А батюшка-то считает, что рок-музыка может привлечь в храмы молодежь, а публиковать не благословил потому, что заранее знает реакцию большинства верующих. Не хочу об этом... Конечно, хочется, чтобы вышли книжки, поэтому не даю ему резкой отповеди — значит поступаю не по-православному... Если хотите, пришлю Вам материал о рок-музыке, он ушёл в ар-

хив. И о погоде. Лето по прогнозам будет холодным, так что косточки погреть не придётся, а жаль. Завтра на дачу — коты уже прячутся по углам: не любят езды на машине. Или боятся, что бросим. Кто их поймет, котов хитроумных... Александр Раков.

30 мая

Дорогой Александр Григорьевич, Ангела Вам Хранителя на дачу и благополучной дороги. Рада за Вас, что к мощам приложились. Да, в России всегда народу много к святыням собирается. Помню, была в Москве в Даниловом монастыре на каком-то семинаре пару лет назад и как раз Почаевская икона там гостила. Зима, мороз сильный, а люди с раннего утра огромной очередью стоят, часами, чтобы приложиться. До слёз меня это пронзило, отвыкли мы здесь от такого. А там — мощь, масса верующих.

Что газету читать не будут — не верю. Люди любят эту газету, на Ваш век читателей хватит. Хотела при-слать Вам стишок про явившихся ко мне незваных гостей — Хандра и муж ее Хондроз, который Остео, но стишок никак не прицепился, уж я мучилась-мучилась, но ничего не вышло. По теме, потому и вспомнился.

Прощаюсь с Вами, ещё и ещё раз желаю всего доброго, храни Господь.

1 июня

Ну вот и приехали домой — уже без котов. На даче холодно; они, как только я сажусь в машину, обычно прячутся по углам, не сыскать. А тут пришли провожать. Привыкли к нам за 12 лет. Банька была больно хороша, сладкая от осиновых(!) полешков. Но друг-Хондроз остался прежним, и паровозик бегаёт в голове по кругу, непрерывно гудит. Хоть бы отдохнул немного, что ли... На даче почитал своего любимого Паисия Святогорца — вот где мудрость, доступная всем! И на все вопросы есть ответы. Люблю греков и Грецию: когда был там недолго, чувствовал себя, как в России. Нам есть чему у них учиться.

Сегодня начало лета... Из «записок»:

«Внук суетится по комнате, утрамбовывая игрушки.

— Мы на дачу поедем?

— Поедем, поедем...

— Быстро поедем?

— Конечно, быстро.

— А колеса не отвалятся?»

2 июня

Рада приветствовать Ваше возвращение домой! А кто котом кормить да лелеять будет? Жена ведь Ваша с Вами в Питер вернулась? Она ведь их особенно обихаживала, помнится.

Да, воистину — а вдруг колеса отвалятся!

Хорошо Ваш внук сказал. Это тот, о котором Вы писали прежде? За одно это высказывание его полюбить сугубо надо. Так вот и буду теперь говорить — а вдруг колеса отвалятся...

Сожалею, очень сожалею, что опять и Хондроз, и паровозики... Старость не радость, теперь всё только хуже будет, надо к этому потихоньку привыкать. А Вам-то, при Вашей колоссальной нагрузке, он не так уж плохо и служит, организм Ваш. Вы же постоянно перетруждаетесь. Отдыхать больше надо.

А я читаю «Пасху Красную», наконец-то попала она мне в руки. Про оптинских новомучеников — убиенных братиков в 1993 году. И никто их святыми или особенными не почитал, самые обычные люди вроде были, а потом... Не видим мы ближнего, увы. Да и себя не видим.

Дорогой Александр Григорьевич, желаю Вам всех благ, храни Вас Милость Божия.

С любовью о Господе — м.Н.

2 июня

Дорогая матушка! Знаю, что Вы ждете ответа, а я молчу. Простите великодушно — на душе ничего интересного нет. А по поводу болячек я уже плакал. Начинаем потихоньку готовиться к отпуску. Если удастся поехать на машине, можно будет по вечерам приезжать в монастырь. Но еще надо дожиться. А главное — проблемы с изданием книги: издательство повесило на меня вёрстку, дело совершенно незнакомое, и время отпусков, и один верстальщик в редакции. Поэтому я нервничаю. Не буду домысливать за Вас, но так легко сказать: «Положись на волю Божию», и так трудно не нервничать: приходится смиряться и, если хочешь получить книгу, делать неведомое. Помолитесь, уж очень хочется, чтобы вымученная книжка вышла. Кланяюсь. Александр Раков.

8 июня

БОГ НА ПОМОЩЬ! Желаю удачного выхода книжки. Добрый воскресный вечер!

На волю Божию полагаться надо, но говорится — и сам не плошай. Мы должны всё делать сами, стараться, а на Бога возлагать лишь печаль свою (возверзи на Господа...), чего Вам и желаю. Раз дело новое, значит, интересно. Вы справитесь, я уверена.

Ответа я не то чтобы жду, а просто о Вас подумаю да в почту загляну, проведать, как Вы. И радуюсь весточке. Иногда пишется, иногда очень трудно написать и пару строчек (письма имею в виду), так что очень хорошо понимаю и молчание, и изобилие.

И нервничать приходится, дела совершая, даже святые переживали и нервничали, не без этого. Так что все как положено идет, только дай Вам Бог сил, чтобы справиться. У нас чудные дни и вечера, так красиво, все цветёт, соловьи поют. Сил Вам, здоровья, мира душевного и успехов в трудах, с неизменной молитвенной памятью — м.Н.

22 июня

Матушка Н! Что случилось? Заболели? Или надоел со своими письмами? Последний раз Вы писали 8 июня. Прошу хотя бы коротко ответить. Вышел июньский номер с интервью Матушки на первой полосе. Но я очень расстроен тем, что типография «На страже Родины» — военная, а отпечатала плохо: сэкономила краску. Столько труда затрачено — и такой стыд! На скандалы уже не хватает здоровья, восемь лет я добивался от Газетного комплекса качества, но так и не сумел. Теперь в другой типографии та же история.

Конечно, оборудование не освящено, однако у других православных изданий очень хорошее качество полиграфии, а у меня всё бледное-бледное. Я очень расстроен, к тому же, как всегда, болею. А сегодня ходили к папе и маме на кладбище, встретил меня один православный деятель и за один материал, опубликованный в «Православном Санкт-Петербурге», пожелал мне оказаться в аду. Сердце спокойно, однако обидно, что всё здоровье трагично на газету, а слышишь такое... Отзовитесь! Александр Раков.

27 июня

Всечестная матушка! Обращаюсь с просьбой. Прошу занести в синодик на «вечное поминовение» имена недавно скончавшихся родителей моей хорошей знакомой и прекрасной поэтессы Валентины Ефимовской — р.Б.Валентины и р.Б.Валентина. Очень прошу, ей совсем плохо. Александр Раков.

28 июня

Дорогой Александр Григорьевич! Просьбу Вашу исполню непременно. А ещё делюсь с Вами моим стихом.

*Помолись, за меня.
Я боюсь Божьей воли.
Я исполню её.
Помолись за меня,
Чтобы не обезсилеть
От слез и от боли
В час,
Когда совершится
Голгофа моя.
Чтобы не отступить,
Чтобы верной остаться,
И когда застучат
На горе топоры,
Чтобы не убежать,
Чтобы не отказаться
От креста своего
На вершине горы.
Помолись за меня.
Он настанет, Я знаю,
Этот день, этот час,
Этот миг бытия.
Я боюсь Божьей воли.
Я её принимаю.
Я исполню её. Помолись за меня.*

7 июля

Матушка! Сегодня удалось связаться с Вами по мобильнику, но поговорить не удалось. Теперь об отпуске. Я собирался ехать на машине, но в последний момент испугался дороги. Чувствую себя неважно, болят суставы и другие члены, поэтому сегодня взял билеты на автобус. Мы выезжаем 14 июля в 7 утра по Москве. Везу в Обитель пачку газет (200 экз); но у меня будут и другие вещи. Поэтому смиренно прошу, если есть возможность, встретить по прибытию, чтобы я мог передать газеты в монастырь. Конечно, без машины побывать в монастыре удастся чуть-чуть, хотя я очень готовился к этому, но что поделать, нет реакции уже, тем более, что-нибудь случится. Береженого Бог бережёт...

Поэтому мы с Лерой сможем приехать только по окончании путевки 23 июля, а 24 мы должны уезжать. Иначе говоря, в Обители сможем пробыть только один день. Ну вот и все новости. Поклон матушке Игумений и просьба её св. молитв. Александр Раков. Напишите, если получите.

7 июля

Дорогой Александр Григорьевич, получила! По телефону не могла разговаривать, была в городе, в конторах и магазинах и у зубного. Ездили с 11 утра до 5 вечера, целый день. Чуть жива. Да, встретим, обязательно. Матушка просила поблагодарить Вас за газету и за статью, как скромно сказала она (поскольку о ней) — неплохая.

Из-за этой связи, видите, сколько времени прошло, мне легче всего не какой-то адрес писать, а отвечать на тот, с которого письмо поступило. Что я сейчас и сделаю. А уж куда пойдёт — не знаю. Вот, собственно, и всё пока, не до лирики, чуть жива. А Вам — от всей души желаю здоровье подправить, отдохнуть. Надеюсь, увидимся. Позже или завтра напишу, а сейчас домой пойду. Я сразу в рабочую келью забрела, а до этого у Матушки была и какие-то поручения выполняла. Так что ухожу, храни Вас Господь. А у нас сегодня, кстати, выходной, поэтому на рабочем месте и не было никого.

С любовью о Господе — гр.м.Н.

24 июля

Дорогая матушка! Ну вот и всё! Закончилось наше быстротечное пребывание в Ваших краях. Главное впечатление, конечно, посещение Обители. И, несмотря на

то, что были у Вас в гостях всего сутки, на душе просветлело: Матерь Божия благоволила и исповедоваться, и причаститься, и окунуться в Её благословенный источник, и пообщаться коротко с сестрами, и даже покупаться в лучах писательской славы. Коротко, но душеполезно. Надеюсь, если позволит здоровье, в этом году побывать у Вас ещё. Да, по поводу интервью. Вы сказали, что матушка игуменья прокомментировала концовку: «Вот хитрец, поставил в конец лестные слова о газете!» Но у нас есть плёнка с этими словами, потом, Вы получили текст интервью, который вычитывали. Мне не хотелось бы выглядеть в Ваших глазах ни хитрецом, ни обманщиком. Посему — проверьте, пожалуйста, это вопрос моей профессиональной чести. Завтра утром повезу батюшке подарок — безрукавку; потом отправимся на дачу до 4 августа (если усiju). Кланяюсь Вам и Обители. Александр Раков.

25 июля

Дорогой Александр Григорьевич, приветствую Вас на родной Питерской земле, на Питерских асфальтах и набережных! Рада, что поездка Ваша оказалась благотворной.

И сразу — насчет «хитреца». Это сказано было не без удовольствия и с расположением, Вашу честь это

никак не затронуло, конечно, я верю, что Матушка так сказала, без всяких записей и доказательств, но если бы и не сказала, то выглядело бы очень мило.

Я тоже была рада увидеть Вас и Вашу милую супругу, дай Вам Бог сил и здоровья побольше, чтобы стойко сражаться со всеми противными ветрами. Я уезжаю в воскресенье в Дивеево с группой сестер на торжества, вернемся числа 4-5, так что наша переписка пока обрывается, а приеду — сразу напишу. А Вы пишите, я всегда рада письмам Вашим, приеду — на все отвечу, храни Вас Господь!

С любовью о Господе — гр.м.Н.

9 августа

Матушка! Переписываться с Вами оказалось сложнее, чем с любым другим нормальным человеком. Я отправился на дачу, Вы — в Дивеево на празднование 100-летия. Честно говоря, я был уверен, что Вы поспешите поделиться Вашими впечатлениями о

О. Димитрий

празднике, которые мы, возможно, использовали бы в газете. Конечно, у Вас слишком много своей работы, тогда зачем было кашу заваривать?

Прошу передать м.П., что я разговаривал по телефону с женой её брата, говорили долго и мирно. Предложил свою помощь. Она записала телефоны. На этом моя миссия закончилась. Письмо они получили. Ещё поклон и просьба

св. молитв о Димитрию. Он очень запал мне в душу. Побольше бы таких батюшек. Ещё я начал новую книжку под названием «Былинки», написал 10 стр. Дальше дело пока не идет. Александр Раков.

Шлю Вам самое начало ещё в черновике:

«Оказалось, что тяга к писательству сродни болезни. Намучившись с двумя последними книжками — «Заветными узелками» и «Временем странствования» всё тех же «записок редактора», главным образом, потому, что издательство в Москве, а автор в Питере, сорвав голос в телефонных переговорах, я честно сказал себе: «Хватит! Что изменится в мире

от 300 страниц моих несовершенных мыслей тиражом в 5000 экземпляров? Есть люди и поталантливее, и поглубже, пусть они и толкаются в издательствах. Вот сдам эту — в твёрдом переплёте обещал издатель — последнюю книжку — наступит конец этому сумасшествию!» И свёрстаный с потом и кровью текст компьютер мигом переправил в Москву. А я отправился в короткий, но долгожданный летний отпуск и отдыхал в удовольствие, вспоминая давнюю шутливую фразу из «Литературки»: «Если можешь не писать — не пиши». Оказывается, я мог, хотя по привычке всюду таскал с собой надоевший блокнот с ручкой. Я упивался победой: ум оттачивал слова, глаза схватывали сюжеты, уши ловили фразы, — но чернила сохли в моей ручке. Через три с лишним года непрерывного писательского труда я вдруг открыл, что могу не писать, и мои незаписанные мысли легко убегают прочь...

Так продолжалось долго — почти восемь дней, — и снова неведомая сила, как раба на галере, приковала меня к перу. «Ладно, напишу ещё одну, — подумал я, — последнюю, но лучшую книгу в своей жизни — и уступлю дорогу другим, честное слово!»

...И опять я просыпаюсь по ночам, чтобы записать, а днем хватаю любой клочок бумаги, чтобы не забыть.

Жизнь вновь превратилась в каторгу. Но, может быть, и галерный раб со временем возлюбил свою ненавистную работу, и поздним вечером, бросив вниз тяжелые до онемения руки, довольно подставляет усталое лицо ласкающему солёному ветерку...»

10 августа

Добрый воскресный день!

Рада приветствовать Вас по возвращении и Вашем, и моём.

Дорогой Александр Григорьевич, если бы Вы могли постичь степень моего изнеможения, причём постоянную, Вы бы изменили своё мнение. Я не писатель, не журналист, я изнемогающая в немоща пожилая женщина, к тому же монахиня, не справляющаяся ни с монашескими, ни с общечеловеческими обязанностями. Не требуйте от меня многого и не рассчитывайте на меня в плане Вашей работы, я ничем не могу помочь. Поездка была замечательная, но что я могу рассказать? Перечислить монастыри, встреченных людей, службу в Дивеево? Я не знаю, что и как писать, человек делится, когда у него есть потребность, а я ещё в себя не пришла после поездки, чтобы делиться. У нас ведь нет отдыха,

нет отпуска, поездка много дала духовно, неизмеримо много, но физически, для меня, жару совершенно не переносящую, это было великое испытание, пытка, в какой-то момент я даже думала отстать от группы и вернуться домой, т.к. думала — умру. Потом полегчало, потом снова. Духовно я получила больше, чем в Иерусалиме, а физически — чуть жива осталась. Наше дело — просто выжить, поймите, не до писаний нам. Это святые старцы сидели и писали, но на то они и святые. Я ведь не имела возможности в этой поездке идти куда хочу, делать что хочу. Сестры крепкие, старые были сестры, я им в подмётки не гожусь. Я задыхаюсь к раскалённой консервной банке — автобусе, а они в толстых шерстяных кофтах, шерстяных носках и ещё платок зимний пуховый накидывают иногда на голову — дует. Встают они за полтора часа до назначенного, если выезд назначен на 5 утра, то с 3 уже поднимаются-собираются, в 4 уже к автобусу идут. И всё в этом духе. После такой поездки неделю отдыхать нужно, но на это тоже нет возможности. Монашеская жизнь, послушание, обязанности продолжаются и не прерываются ни на один час. Вы можете позволить себе хоть изредка — уехать куда-то, просто так, без обязанностей, погулять, поспать, подышать и поговорить.

У меня этого нет. Так что извините за ламентации, это я не жалею, но хочу, чтоб Вы хоть немножко поняли нашу жизнь. Ведь Вы только со стороны всё видите. Да, у Вас тоже нагрузка, но Вы в какой-то степени себе хозяин, у нас же воли своей нет. Вот умер Митрополит Антоний Блюм, и я не имею возможности на его похороны поехать, а так бы хотелось.

Монашество — это прежде всего полное отсечение своей воли. Так что не ждите от меня ничего, я с радостью пишу Вам, когда могу, мне всегда хочется поддерживать Вас в Ваши трудные минуты, примите то, что есть.

За этим остаюсь — Ваш убогий молитвенник гр.м.Н.

И конечно, всегда и неизменно — поклон Вашей милой супруге.

10 августа

Предисловие к книге очень понравилось, весьма изячно. Помогите Господи осилить Вам до конца. Вот и опять возвращаясь к предыдущему письму — 8 дней Вы гулять могли спокойно, целых 8 дней! Это же роскошь. А я всё стону да к земле сгибаюсь. Так что не судите меня строго, да не судимы будете...

Храни Господь!

10 августа

Дорогая моя матушка! Вот и опять досталось Вам от меня незаслуженно. Теперь представляете, как со мной трудно работать? Сегодня выходной, тоже хочется поваляться, но заставил себя вычитать номер. Кое-что сделал. Конечно, я не прав: жму, прошу, умоляю, настаиваю. И чем больше познаю Вашу душеньку, тем больше открывается для меня монашество... Я — законченный лентяй. Захочу — не пойду на работу, или опоздаю, или могу раньше уйти... И жил бы я припеваючи, если бы не один неприятный инструмент внутри — совесть. Её не обманешь, не проведёшь, не замолчишь. И сейчас она мне твердит: «За что матушку обидел? Она и так все жилы рвет в монастыре, и тебе, дураку, помогает из трясины выкарабкаться, поддерживает тебя, слабого. А ты её обухом! Негоже это, братец, негоже!» Так что простите меня недостойного; как мне Господь доверил Свою газету делать, ума не приложу. Монашеская жизнь не сравнима со светской, а отсечение воли только кажется, что со стороны понять можно; это на собственной шкуре испытать надобно! Поэтому я, хотя бы на словах, преклоняюсь пред монашествующими. Но натура! Натура! Она всё вылезти норовит, себя показать, своё требует, Вы уж потерпите, может, и она облагоразумится. Поздравляю с завершением поездки! Ваш Александр Раков.

10 августа

Милый Вы мой, я на Вас не обижаюсь ничуть, за то Вас и полюбила, что Вы — такой, что «такая натура» и что она «лезет». Большинство людей удачно натуру свою прячут, и пусть их, как говорится. Дела до них как-то нет, мимо проходят. А Вы этой-то открытостью своей, безудержностью, бурностью и привлекаете (меня, не знаю, как других). А также и удручаете (других, пока не меня). Спасибо за доверие, за доброе отношение, храни Вас Господь!

С любовью о Господе — м.Н.

21 августа

Всечестная матушка! Жизнь — она штука скучная: келья, послушание, храм, молитва... иногда куда-нибудь выберешься. А так — постоянный крутёж: то паломники, то приезд Святейшего, то одно, то другое. Даже одному редактору в Питер написать некогда. Да и о чем писать? Он сам всё плачет про тоску, бессоницу, безконечные неприятности — тоска... Правда, иногда писание стихов спасает, но теперь всё реже. Больше давит усталость физическая и иногда ловишь себя на мысли: «Когда же Господь заберёт?» но спох-

ватываешься и гонишь прочь посеянную бесом мысль: монах с креста не сходит... И всё равно — солнышко приласкает, Матерь Божия утешение пошлёт, с человеком хорошим поговоришь — жить хочется. Сколько Бог даст. И знаешь, что ляжешь в песочек рядом с сестрами, и не оставят молитвой, и лампадку зажгут. Счастье быть монахиней! Не понимают этого мирские люди, да, наверное, и не надо, чтобы все понимали, лишь бы Господь не оставил. Всё в руцех Божиих. А.Р.

24 августа

Всечестная матушка! Уж не обидел ли я Вас ненароком своим последним опусом? Аккуратнее надо бы мне обращаться со словом. Вы уж меня не бросайте, раз Господь вручил воспитывать. Простите. А.Р.

«Былинки»: Порой о пожилom человеке говорят, желая сделать ему приятное: «Молод душой». Но душа тоже должна стариться с возрастом. Стариться — значит наполняться премудростью Божией, приближаться к вечности вечной. А подражать молодым в их жизни, повадках и одеянии есть безумие, а безумие, как известно, — страшное наказание Божие. Помните слова мудрого иерусалимского царя Екклесиаста: «Все́му

свое время, и время всякой вещи под небом» (Еккл.3,1); или поэтическую строчку: «Если бы молодость знала, если бы старость могла...» Высока праведная старость в глазах Бога...

Старость — восхождение к святости. Как достичь святости, когда в тебе столько несовершенств? Господь не только не облегчает тернистого пути, но даже затрудняет его. Мне могут возразить: «Святые избраны Богом изначально». Да, это верно. Однако существует нравственный закон свободы воли — и многие, не снеся ноши, отступались. Святость — прекращение зла в человеке...

26 августа

Дорогой Александр Григорьевич. Вы просто душа! Оба Ваши письма сейчас вот прочитала. Да не бросаю я Вас, ничуть. Вы мне страшно нравитесь, особенно когда пытаетесь в душу другого человека проникнуть. Нет, конечно, я не обиделась. А про молодость души — нет, не согласна с Вами. Молодость души не в подражании молодым выражается, а в живом восприятии, непосредственном; мудрость к этому, безусловно, примешивается, но стремления этой души, чувствования, отношение к миру окружающему и людям — свежее, как у начинающего жить. Вот что такое душа молодая.

Это редко встречается. Бывает, и молодой человек уже — как старец глубокий по своим чувствам, вернее, безчувствию, безразличию. И такое сплошь и рядом. Тусклые души, мало на что способные. У большинства старцев святых душа была молодая.

Спасибо Вам за газетки, и те, что присылаете, и те, что паломники от Вас привезли. Я ещё не видела, не знаю, приехали ли они.

А жизнь, дорогой А.Г., не штука, и не скучная, а дар Божий, вот от возраста-то души и зависит, скучна ли жизнь.

Ещё раз перечитала опус Ваш и еще раз рассмеялась, по-хорошему. Ну, душка Вы, и всё тут!

Сегодня у нас был крестный ход с иконой Успения, упрямились за день, к службе уже были в Обители. Это в память о тех крестных ходах с иконой, которые происходили ещё в давние века, когда уже была обретена икона (это ведь в XVI веке), а монастыря ещё и в помине не было. У нас сейчас Матушка Игуменья Георгия (Щукина) гостит, Вы наверно знаете, она в Дивеево была на торжествах, потом в Питере, а

Игуменья Георгия
(Щукина)

на днях вот к нам приехала на Праздник, как обычно. Народу уже много понаехало, в воздухе праздник царит, прямо по воздуху летаешь. Удивительно это, и всегда так. И перед Рождеством, и перед Пасхой — за несколько дней уже праздник чувствуется, и откуда силы берутся, и даже я всем улыбаюсь, хотя обычно от всех скрыться пытаюсь в остальные дни. А тут — вроде даже и любовь какая-то временно появляется...

А вот и люди пожаловали, поэтому я прерываю свое повествование, поздравляю Вас с праздником Успения (как Вы, любите его или тоже не очень? Я помню, что Вознесение Вам не нравится), желаю Вам всего-всего доброго, милый Александр Григорьевич, обещаю написать вскоре, если не закрутит хоровод гостей и дел. «Келья, послушания, храм, молитва...» — Вы мне, право слово, льстите!

Ну всё, поклон Супруге Вашей, храни Господь. Не сердитесь на меня.

С любовью о Господе — гр.м.Н.

27 августа

Да нет, матушка, праздник Успения, как и все Богородичные праздники, люблю очень; правда, люди сейчас на всенощной, а я дома. Не хочу жаловаться, но я совсем потерял сон даже со снотворными, по всей видимости, это следствие развивающегося атеросклероза.

Теперь вопрос о душе. Я, наверное, неточно выразил свою мысль — у души свой возраст, вот что я хочу сказать. У меня душа немолодая, но непослушная: бегают, куда хочет и не слушается. А люди — только поймите меня правильно — в большинстве не очень умны. Это я не от гордыни — какая тут гордыня, когда теряешь память — по редакторскому опыту говорю. Жаль места, а то бы я поделился с Вами массой примеров. Когда человек умён, его ум изливается на окружающих, вернее, внимающих, и получаешь физическое наслаждение от его ума. Это редко бывает, но случается.

Теперь возврат к душе. Смотрите: «болит душа», «неспокойно на сердце», «знобит совесть». Если с совестью более-менее понятно — «весть от Бога», то понятия, что такое сердце и душа и в чем их различия, я в святоотеческой литературе найти не смог. Правда, один монашествующий мне объяснил, что в Православии, в отличие от протестантов, нет чёткого разграничения между сердцем, душой и совестью. А как же тогда при обучении Иисусовой молитве надо опустить её в верхнюю часть сердца? Закавыка...

А зачем я пытаюсь предвидеть, о чём Вы думаете, так это не нарочно, хотя я простоват для детективщины. Ну, думается так, почему бы и нет? А может, где-то я попадаю в точку, а?

Матушке Георгии поклон и просьба святых молитв (если решитесь), только чужими молитвами и держусь; видите, что-то встряло в меня и опять надолго в храм дорогу забыл. Ещё очень боюсь не смерти, а инсульта и состояния «овоща», что для меня реально. В голове уже не паровозик, а паровой молот неотступно шумит, коктейли снотворных не помогают, и ору на всех, как ненормальный. Впрочем, почему «как»? Думаю, недолго мне осталось редакторствовать. Слава Богу, книга в типографии, хоть что-то останется, сделанное головой.

Напишите, как прошел Праздник. Однажды в Иерусалиме в храме Гроба Господня, там есть икона Божией Матери «Скорбящая» — Очи Её закрыты, и вдруг Она открыла их и глянула на меня.

За всю жизнь я больше ничего сильнее не испытывал, хотя мистический опыт есть. Она пронизала меня насквозь и всё-всё узнала и сказала, но я не всё понял. Знаю только, что если Господь избирает человека на служение, то это тяжкий-тяжкий крест. А где силы взять? Только не пишите: «в молитве». Я и правило-то не читаю, только чётки, и то в пустоту. Ладно, хватит,

у Вас своих делов по горло. Жил не так и помру не по-человечески. Господь всё мук от человека требует, хоть волком вой — не довоешься. Завидую, Вы радостные — праздник, а я за шиворот не могу в храм дотрапиться. А газету делаю. Что происходит?.. А.Р.

3 сентября

Матушка! Всё готов понять и простить, кроме человеческой необязательности — будь то монах или распоследний пьяница. 28 августа написал Вам и две недели жду ответа. Не хотите писать — воля Ваша, только всё же надо отбить хотя бы строчку. А то как-то нехорошо получается... Это я говорю на тот случай, если Вы относительно здоровы и не в отъезде. А то вымещу свой пыл, а причина серьёзная. Всё. А.Р.

7 сентября

Ну вот, добрый воскресный вечер, дорогой Александр Григорьевич! И с праздником Владимирской Иконы Божией Матери.

Наконец праздники кончились, и кончились последствия праздников. Много было народу, много было

радости, много красоты церковной. На Отдание Праздника унесли Плащаницу и разобрали лилии и розы, которыми была она украшена. Церковь прекрасна, она воистину Невеста Христова. В любой храм приходишь — и удивляешься его красоте. Каждый храм содержит в себе сокровища безценные, каждый храм Дом Божий.

Я сочувствую состоянию Вашего здоровья, сосуды — это ужасно, сама этим страдаю, вроде руки-ноги целы, а чувствуешь себя плохо. Жаль, что Вас не тянет в церковь. Только там покой можно найти. Вы всё земного ищете, всё о земном печётесь. Потому и страдаете так. Всё — даже и работа Ваша не стоит одной минуты с Господом. У Вас голова, мозг работает, а душа молчит. Потому, наверно, Господь Ваш мозг и поражает, чтобы он поменьше действовал, оставляя место для непосредственного восприятия Господа. Господь не умом воспринимается. Умлукав, через ум враг входит в человека. Грехопадение-то было через ум — он соблазнял речами, и не отвергла Ева речей этих, а мысленно приняла. Вот и результат. Вам ум мешает. Всё Вы что-то понять пытаетесь, всё Вы испытуете Бога. Сердце же без слов всё чувствует. Сердце, душа-Сердце, по святым отцам, седалище души. Совесть — глас Божий, запечатлённый в каждом. Совесть есть у каждого, независимо от принадлежности к христианству. По смерти душа

покидает свое седалище и выходит из тела. А сердце остаётся пустым и умирает вместе с телом. Вот и весь сказ.

А Вам бы не в таких вопросах копать, это праздный интерес. Что изменится, если Вы вычитаете про душу, сердце, что Вы от этого — в церковь пойдёте? Нет, лишь удовлетворите свой падший разум. Может, в состоянии «овоща» душа Ваша будет способна Бога почувствовать. Разум же не дает. Суть и смысл нашей веры — покаяние. В этих же рассуждениях и исканиях покаяния нет, это праздный интерес.

А возраста у души нет — она бессмертна. Это мы так выражаемся просто — молод душой и т.д.

Сила действительно в молитве, молитва же не обязательно — вычитка; молитва — беседа с Богом. Вы ведь безусловно к Богу обращаетесь в какие-то моменты, вот это и есть молитва. В церковь враг не пускает. Но в церкви душа оживает. Просто постоять, воздухом церковным подышать. Вот эту-то Вашу беду я очень хорошо понимаю, мне самой трудно бывает в церковь пойти, трудно бывает и в церкви иногда, всё тянет домой уйти да лечь скорее. А бывает — душа раскрывается и дышит церковным воздухом, оживает, тогда радостно делается и сил прибавляется. По-разному бывает. Во время поездки в Дивеево очень трудно было физически, от

жары я просто умирала, но духовно много получила, молиться стала непринуждённо, естественно, правило казалось игрушкой, а когда приехала, ещё несколько дней это сохранялось, в церковь хотелось, молиться хотелось, а потом опять сошло на нет. Так что это я прекрасно понимаю и сама не знаю, как с этим бороться. Вы вместо церкви газету делаете, я вместо церкви тоже бумагами занимаюсь, а то и на кровати лежу без сил, без памяти, в глубоком мёртвом сне, бессмысленном, свинском. Это у меня от щитовидки, а главное, от расслабленности и расхлябанности душевной и телесной. Всё на чудо надеешься, да так и смерть настигнет, не успеешь на правильный путь выйти.

Пока прощаюсь с Вами, желаю Вам искренне и от всего сердца — утешения, здоровья получше, неприятностей поменьше. Храни Вас Господь.

С неизменной любовью о Господе и молитвенной памятью — гр.м.Н.

8 сентября

«...С того и мучаюсь, что не пойму, куда ведет нас рок событий», — у Сергея Есенина. Вы мне говорите жестокую, но, возможно, правду. Конечно, «всяк человек ложь», но один идёт в монастырь по наитию — он и по-

нения не имеет, что значит спастись, другой проходит круги ада уже здесь, на земле, чтобы там поменьше мучиться. Никто из нас не знает своей участи, да она меня пока мало волнует. Вот только почему же моя душа молчит? Потому что вся на виду? Что истерзала меня газета? Не верьте, когда я говорю, что не люблю ходить в храм; это не так или не совсем так. В эту субботу пришёл, народу немного, молился, как умею, но через час стал уставать, сел на скамейку и чувствую, что мой настрой проходит, а я всю неделю готовился и ждал этого дня. Встал и пошёл домой. И Богу от меня больше ничего в этот день не надо, слышите? Конечно, я увлёкся писательством, которое подпитывает моё тщеславие — не без того. Но люди получают пользу, вот ведь какая штука! И бросил бы я газету, и здоровья было бы больше, да что-то держит. А молитва, дорогая матушка, это всё же дар Божий: одному сразу даётся, другой до конца дней не навькнет. Я что, для показухи не расстаюсь с чётками и когда потеряю, места себе не нахожу? Да дома и не видит никто. А отношения с Богом настолько интимны, что говорить о них трудно. Писать всё равно буду; если Вы думаете, что я веду с Вами переписку только ради материала — неправда, впрочем, и то, что я в разной степени использую этот материал в книжках. Искренность напоказ отталкивает людей, а люди тянутся к свету.

Я вот и днём теперь не могу спать; у меня всё слилось — физические страдания с духовными, и непонимание, и желание славы, и жажда спрятаться в тень, и зависть, и безкорыстие... «Широк человек, его бы сузить надо», по Достоевскому. С Вами-то только и возможна подобная переписка, потому что Вы наша наполовину: вон сколько тоски в Ваших стихах! Монах — он только по одежке монах, а в бане, простите, различить трудненько. Я не обидеть хочу. Надоедал потому, что Вы — единственный мой корреспондент... душа, наверное, тянулась. Я ведь не только дифирамбы слышу о газете, много с ней напастей на мою больную (по-настоящему!) голову. Об «овоще». Знаю точно, что Господь, как величайшее наказание, лишает людей разума, не даёт возможности таинства Исповеди и Причастия. А Вы — «душа тогда способна Бога почувствовать...» Мы разные — и это здорово. Я нетерпим и нетерпелив — Господь успокоит. Вы боретесь за свободу — так владейте ей, кто Вам не даёт? Я вот не очень свободен, но пишу и говорю то, что думаю и на недостаток свободы не жалуясь, пожалуй, даже на переизбыток так называемой свободы. Свобода мыслить, свобода молиться — кто может у Вас это богатство отнять? А я Вам пожалился, так, оказывается, лучше лежать идиотом годами на шее измученной жены, которой нужно постоянно переворачивать тело,

чтобы пролежней не было. Бог с ним, у каждого свои игрушки.

Матушку И. поздравляю с днем Ангела, а чего желать монахине, кроме дежурного — смирения — не знаю. Впрочем, м.И. это не касается. Желаю ей, чтобы меньше терзала её печаль по маме, передайте, она поймёт. Ну, настукал букв... Я не буду на Вас обижаться — смешно обижаться на свободолюбие. Искренне Ваш, Александр Раков.

8 сентября

Да ладно Вам! Добрый вечер. Хорошо, что позволили. Понимаете, невозможно ни один вопрос объективно осветить, всегда узко получается. Я не к тому, что быть Вам беспомощным желаю, а совсем о другом. Сохрани Бог! И знаю, что церковь Вы не можете не любить, и что молитесь Вы, но Вы в церкви часто скучаете. Да и вообще что я могу сказать? Говорить любой может. Я просто сопротивляюсь Вашему натиску. Иногда я бываю настолько пуста, что ничего не могу, я упоминала уже прежде. Пишите, дорогой Вы мой, пишите, я никогда не оттолкну, а если замолчала — сил нет, вот и всё. Мы все к свету тянемся, каждый по своему. Молитва — не дар Божий, а потребность души.

Когда человек тонет, гибнет, умирает — он кричит к Богу, даже если никогда прежде о Нём не вспоминал... Конечно, Вы молитесь, не сомневаюсь. Помните жонглёра Божией Матери? Это у католиков, правда. Там все хотели что-то Божией Матери подарить, кто что, я уж не помню точно. А один ничего не имел, был он жонглёром. И сказал он — я посвящаю свое умение Божией Матери. И вот Она только у него приняла дар, а все те остались со своими богатствами и знаниями. Он в простоте сердца, от души сделал, что мог. Вот и всё, очень поучительно.

Вам ум, безусловно, мешает. Поэтому я так и написала. Мучиться надо. Все мучаются. Не избежать этого.

Вы мне пишете, но не требуйте быстроты, я если могу — сразу отвечаю, а если давят на меня — то меня отворачивает вообще, я стараюсь и не смотреть на ждущее ответа письмо. Все мы грешные.

Мать И. Ваше поздравление передала, она очень довольна была. Она сейчас получше себя чувствует и морально, и физически, так что расплылась в улыбке и желала бы Вас видеть.

Свобода молиться — да, но на это время нужно, а когда крутишься в пустой суете с утра до ночи, то где уж тут молиться... Вот сейчас прибежала и взялась

отвечать на Ваше письмо. Ваша душа не молчит, она страдает. И не потому, что всё на виду. У Вас характер такой просто. Когда устаёшь, молиться трудно... Только нам легче в том смысле, что мы в коллективе, на виду и никуда не спрятаться. А Вы — сами по себе: пришёл — ушёл, никому дела нет. Нужно, конечно, заставлять себя, бороться, Царствие Божие нудится, но это так трудно... Я очень, очень Вас понимаю. А иногда — и легко, и радостно, сами знаете. Бывают и у Вас такие моменты. Мать Сергия мне в своё время говорила, что это — последствие греховной жизни. Я ей жаловалась, что сяду и сижу часами, не могу себя заставить вечерние молитвы прочитать. Вот она и ответила на это — последствие греховной жизни. Так что и у Вас то же самое, никуда не денешься, это наш багаж.

Прощаюсь с Вами. Пишите. Я не умею Вам словесно помочь, но сочувствую и думаю, что Вы чувствуете это.

Храни Вас Господь! Ещё поборемся, ещё проживем!

Отношения с Богом — да, интимны, у каждого свои, это сокровенно. Давайте с Вами просто так дружить, без книжек. Просто как два человека, а не как писатель и монах. Так лучше будет, и я смогу быть откровеннее. А так что-то не пускает всё же.

Ну, С Богом! Ваша м.Н.

11 сентября

Сегодня не пошёл на работу. Просто не пошёл, и всё. Ничего особо не болит, спал, как всегда, а нет тяги встать, идти, кричать, нервничать... Это уже не первый раз за последнее время. Раньше я даже представить себе не мог, чтобы не пойти в редакцию, с отпусков сбегал, всё отдавал ради газеты. Теперь наступает охлаждение. Возможно, оно пройдёт —

я человек психически не вполне нормальный. А ночью, в 5 утра, кто-то сугубо за меня молился, в груди стало горячо и я подхватил свое вечное «Господи помилуй». Наверно, батюшка — молитвы других я не чувствую, правда, время неурочное. Скажете, радуйтесь, кто за вас молится и не умствуйте, не старайтесь высчитать. Конечно, матушка, а всё знать бы хотелось. Есть и две радости. Первая — вышла долгожданная книжка о.Никона (Муртазова) с рассказиками, большинство которых печатались у нас. Вторая — отправили издателью много материалов писем читателей о Свт.Николае;

книжка выйдет нескоро, а всё на душе гладко. Может, Господь зачтёт мне вместо молитвы, потребности в которой я не ощущаю сильно.

Спасибо за откровенное и ласковое письмо, я оценил его смелость. Конечно, с журналистами связываться опасно: они, как и врачи-психиатры, всё тянут на себя, и человек у них — лишь материал в газету. Нет, не так: каждое событие журналист рассматривает как материал, и это сидит в нём и осуществляется вне его воли (если хороший журналист).

Вы правы, на бумаге не все духовные переживания или мысли можно выразить. Вот со мной году в 1994 был а Печорах такой случай: у меня тогда от варикоза сильно болели ноги, нет, точнее, горели — я будто в огне стоял в храме Архистратига Михаила и переступал непрерывно — ноги не выдерживали нагрузки. Ничего я у Бога не просил — тогда был такой период, когда душа свечкой горела и я много ездил по святым местам. И вдруг раздался голос такой силы, какой я никогда доселе не слышал. А Голос произнес одно слово: «Искупил!» Меня всего потрясло оно до основания, хотя я и теперь не знаю, кто искупил и что. Начал на исповедях, как положено, каяться, а мне все иеромонахи и архимандриты в один тон — «бес, бес!» По Учению понимаю, что должен быть лукавый, а внутри

глубоко знаю, что это вовсе не так. Я о себе кое-что знаю, но нельзя этого говорить, ох, нельзя! Обвинят в прелести. А Вы знаете, кого Господь выбирает, того за провинности и наказует сильно.

Хочу закончить со своими жалобами на болячки, особенно с головой. Это у нас НАСЛЕДСТВЕННОЕ, значит, родовой грех, до корней которого мне не докопаться, да и незачем, возможно. С другой стороны, если бы я знал ГРЕХ конкретный, я бы и Бога молил, и делал бы всё, чтобы он прекратился. Закавыка...

На это можете не отвечать. Скоро выйдет моя книжка, а меня уже охватывает ужас, чего я там понаписывал... Вот поди разберись в самом себе. Хочу в Обитель, чего бы ни стоило, планирую на 11 октября — в мой день Ангела. А у Вас когда? Вы хорошая. Кланяюсь. А.Р.

12 сентября

Добрый вечер, дорогой Александр Григорьевич!

Давно известно, что женщины упрямы, и раз Вы разрешаете мне на это письмо не отвечать, то я непременно отвечаю. Вот как глубоко падение человека в результате той давнишней истории в Раю.

Начну, конечно, с того, что меня всегда особенно умиляет — вложенные Вами в мои якобы уста слова.

Да нет, я бы так Вам не сказала. Всегда хочется знать, кто за тебя помолился, чтобы припасть с благодарностью. Рада за книжки вышедшие, вернее, за Вашу радость. Если по правде, книжки я совсем не читаю, если читать — то уж лучше святых отцов или Евангелие. Много пишут всего. Но людям это нужно.

Про духовные переживания и явления — я бы и рассказывать не стала никому. На исповеди каяться надо, а разве рассказ о явлении Вашем (голос и «Искупил») — это грех? Незачем было и говорить. Оставили бы в душе. Другое дело, если что-то сильно беспокоит, наваждения какие-либо, нападения вражия, а это-то кому мешало! Сейчас почти некому верить, сейчас многие едва крестятся, а через несколько лет уже в батюшках оказались. Что они могут знать, что понимать? Читают книги, часто требуют с людей, не корректируя святых отцов под наше время. Разве можно сравнивать жизнь прошлых веков с современностью? Сейчас такое творится, что иногда ужасаешься. Я не рассказывала Вам о себе? Вначале, книг начитавшись, искала я батюшек, хотела духовника. Ко всем бросалась, так сказать. И вот в другой город уже переехала, у меня тогда с сыном плохо было (у меня ведь сын, две внучки, кстати, не знаю, писала ли Вам), так вот, и в доме моем (мы из Питера обменялись) жил батюшка.

Я сочла это за чудо, конечно, вначале ведь всё хочется чудес, стала к нему в церковь ходить, он хороший батюшка, прежде был инженером, в Колпино работал на Ижорском заводе, а потом вот батюшкой стал. И хорошо ко мне относился, Маринкой звал. Я, конечно, делилась с ним, и вот однажды он мне заявляет — знаешь, Маринка, у тебя потому сын плохо учится, что дома у вас собачка.

Конечно, я отшатнулась от него, от очередного. Я никогда не поверю, что от собаки в доме кто-то будет учиться плохо. Это всё фанатизм и бабкины рассказы. Чушь. Собака ведь считается нечистым животным, но не до такой же степени! А другой случай — всё я болела своей бедой, сын от рук отбился, и ездила под Москву в храм Димитрия Солунского. Сын у меня Дмитрий. И там тоже батюшка, и я к нему с горем. Он меня первый раз видел — и начал так бойко поучать: вот ты то-то никогда не делай, так-то не поступай. Я пытаюсь сказать ему — батюшка, я и так никогда этого не делаю! Но он меня слушать не хочет и всё поучает. Пойду я снова к такому батюшке? Нет, конечно. Он ни о чём не спрашивает меня, он сам всё знает!

И вот всё в таком духе. И стала я от батюшек бегать подальше, ибо они то жениться насильно заставляют кого-то, то разводят, то место жительства менять, то

ещё что-нибудь, да бежать от них надо подальше! Грехи надо исповедывать, но грехи свои, а не как тётя Таня мне сказала, а я ей ответила. И всё вот такие моменты духовные, конечно, если нет никого постоянного, лучше и не говорить. А то ещё на костре сожгут (это я шучу, конечно). А Вы с Вашей откровенностью всё равно будете вечно рассказывать. Вот и получили «беса».

Голова — это так тяжело! Я уже писала, у меня тоже голова не из лучших. Грех родовой знать и не надо. А молиться надо всё равно. Если Вы сейчас Бога не молитесь, то и зная грех конкретный, не молили бы. Кто Вам сейчас мешает? Или Вам название греха непременно знать надо? Чудной Вы, чудной, нет заковыки никакой.

День Ангела у меня — 30 июля, а 23 марта — день рождения. Мы с Вами, кажется, одногодки? Я забыла. Я 1948 г.р. Старушка — Божий одуванчик.

А Вы думаете, что наследственные болезни — это грех родовой? Мне кажется, это просто генетически. Вообще мы должны болеть. Как м.Сергия говорила, смерть должна через что-то войти. Вот для этого и есть болезни. Дверь для смерти.

Здорово, что Вы можете на работу не ходить. Я так всегда хотела не работать, мечта всей жизни была.

Теперь и говорить нечего, прощай, мечта! Для меня самое большое счастье было — не работать. Но я работала просто ради куска хлеба, если бы работа была жизнью, если бы я языками занималась, к примеру, то это было бы другое дело. Я бы и домой не уходила тогда. Очень языки я люблю. Литературу также.

Мы тут Патриарха ждём, кстати. Сейчас так много всего, готовимся к приезду. Он числа 25-26 сентября приедет, и к нам на пару деньков. Так что у нас это событие номер один. Вот каким делом серьёзным мы заняты сейчас.

На этом прощаюсь с Вами, пишите, я всегда рада. Помощи Божией во всём и всех благ, с искренней любовью о Господе — Ваш друг.

Игуменнии Георгии забыла передать от Вас поклон, простите. Ничуть не боялась, а вот — забыла! Всё суэта, суэта, праздники, а после праздников она сразу уехала. Так я и не успела.

Храни Господь!

12 сентября

Прочитала письмо Ваше под названием «удивление...» и приношу извинения. Конечно, это неладно — на письма не отвечать. Более добавить нечего. Разве

что мужеством похвалиться — письмо от 3 сентября, я его почти 10 дней не читала.

Спокойной ночи теперь! — восклицаю с чистой совестью. Я больше не буду, Ракушка, честное слово! Исправлюсь! Позор на мою седую голову. Можно бы, конечно, сослаться на склероз, но начальник лжи — сами знаете кто! поэтому не буду врать.

С повинной головой — Ваша м.Н.

14 сентября

Матушка! Теперь, думаю, обмыслю письмо, а не стану писать что ни попадя. И стал составлять в уме. Но потом всё выветрилось, поэтому пишу, как Бог на душу положит. Мне нравится наша переписка потому, что Вы не боитесь откровенно говорить по любому поводу, а это и мне свойственно. Кроме того, сближает и совпадение мыслей. И о владыке Иоанне теперь пишут такое, чего с ним не было. Например, что он взял у экстрасенса большие деньги на епархию и сфотографировался с ним, а оккультисты использовали фото очень выгодно. В №1 газеты я вступился за владыку, но очень богатый экстрасенс решил подать на меня в суд (1993 год!) Пошёл к владыке, а он мне говорит: «Ты извинись перед ним». Я был очень обезкуражен.

Прошёл еще, наверное, год, и владыка в резиденции полчаса жаловался мне, какой нехороший этот экстрасенс, как плохо он поступил. Мы сами создаем себе кумиров; придумываем несуществующие крестные ходы с иконой Божией Матери во время войны, но это всё неправда. А зачем православному ложь?

Удержать в себе ничего не могу и не стараюсь, и, как мне сказал на исповеди схиеромонах в Печорах, «это не в твоих силах». Возможно, по этой причине Господь и повел меня на Голгофу под названием «православная газета». Только не подумайте, что я не люблю батюшку или владыку: я стараюсь всем прощать, хотя и трудно это. А монахам и незачем читать книжки и газетки, написанные мирянами, — с них «Добротолюбия» довольно. К слову, Вы часто упоминаете м.Сергию, Вашу духовную наставницу; почему бы не написать о ней, пока помнятся её наставления, для других? Память человеческая зыбка...

Вчера спросил у двоюродной сестры (она закончила филфак ЛГУ и много лет больна шизофренией), как умер мой дед Иван Иванович. «От склероза», — был ответ. Вы правы, генетически, может быть, ещё не значит — родовой грех. Но за свою голову я повоюю: она мне дорога как память, говаривал Остап Бендер.

Обидно, что родная дочка знать меня не знает, и есть ли моя вина, тоже не разобрать. А душа болит... И общаться со старшим братом перестал — батюшка благословил, а сегодня ему исполнилось 64; заказал молебен: так плохо, что в этой жизни родной старший брат не стал родным! Людям про это неинтересно слушать, потому что у них своих проблем хватает. Я на год старше Вас, 9 октября можете поздравить с 56-летием, хотя надеюсь добраться до Обители сам.

На работу я не хожу из-за слабости и давления, а батюшке каюсь в «духовной лени». И кто теперь разберёт, где тут болезнь, а где лень? Но раньше меня на кровать было не уложить, а теперь я всё больше люблю «четвероногого друга». И с грехами стало затруднительно: душа не болит, совесть спокойна, в чём каяться? В грехе царубийства? Глупо. Совесть сама должна вести на исповедь, когда согрешил или когда она вытащила на свет Божий давний грех. А так ходить и высасывать из пальца — фарисейство. Антоний Сурожский хорошо учил, что надо расправляться с каждым грехом по очереди, что ли. А то учат: один неисповеданный грех — исповедь недействительна. В таком случае все исповеди в суд и осуждение! Впрочем, то, что я пишу, относится только ко мне, и мой опыт, возможно, неприемлем для других.

А хороших батюшек, Вы правы, сейчас очень мало. Один нарушает Таинство исповеди, другой не скрывает, что он иудей по вере(!), третий выстроил особняк в престижном районе уже для дочки и т.д. Я не пойду к таким батюшкам, хотя вначале по глупости «смирлялся». Это ужасно, когда новоначальным не объясняют. О.В, которого я искренне люблю, — ему 76 лет — говорит мне, что младостарчество захлестнуло Россию, а ему-то можно верить. Ещё он мне говорил, что после Матушки Обители тяжело придётся, но это Вам по секрету. Есть батюшки ещё, есть! Очень понравился о.Димитрий, хотя только раз у него исповедовался. При случае передайте поклон, если это удобно.

Завтра на работу пойду, а в среду — нет. Это чтобы Вас подразнить. Знаете, что самое ужасное в моей свободе? Устану, не прочитаю, к примеру, материал в газету, доверю другим, и слова мне никто не может сказать, а потом выходит газета, а в ней пьеса Островского написана — «БешеНные деньги». Стыд-то какой! А вычитывал газету мой профессиональный журналист. Получается, что они не очень стараются: знают, что редактор поправит, или корректор. А редактор болеет, а корректор не знает. «Епископ Николай заДушил Ария». Как Вам? И это не шутка, из корректуры вы-

ташил. «Почему, — спрашиваю у корректора — «задушил»? А она: «Так нет такого слова — «заушил». Поэтому редактора каждый обидеть может; и слава ему, ему же и тумак. Только я реагирую очень. Был бы поспокойнее — и газета была бы другая.

Матушка, помолитесь за заблудших р.Б. Иоанна и Анастасию — тяжело без близких. Ваш А.Р.

5 октября

Матушка! Спасибо за весточки, которыми Вы меня поддерживаете, а также за положительные ответы. Материал о визите Святейшего могу принять лично, меня интересует всё же не официальная часть, а человеческое, вернее, монашеское восприятие его пребывания. Во-вторых, хотелось бы всё же получить ответ от Вас на письмо от 14 сентября с.г., а то разрыв получится. Книгу жду со дня на день, но будет ли она до конца недели, Бог весть... За окном стоит золотая осень; я попросил жену убрать с моего подоконника растения, чтобы не мешали любоваться... Ваш Александр Раков.

8 октября

Александр Григорьевич, отвечаю только сейчас, Матушка после напряжения отдыхает, и ответы я получила недавно. На все вопросы — ответ положительный, про визит напишет м.И., как срочно это надо? К Вашему приезду или раньше? Благодарит за поздравление.

Она ведь ездила со Святейшим на приём к высокому начальству, была там два дня, теперь вот потихоньку приходит в себя, нагрузка большая. И мы все приходим в себя, я Вам потом напишу, впечатлений много. А пока — спокойной ночи, храни Господь.

С любовью о Господе — гр.м.Н.

9 октября

Добрый день, Александр Григорьевич! Спасибо, ничего привозить не надо. Приезжайте сами. Матушка чувствует себя неважно и вряд ли сможет дать интервью. Мать И. что-то пишет про визит Святейшего. Вы

можете сами сестер порасспросить, Вам расскажут и напишите, добавьте.

Вот, пожалуй, и всё. С наступающим днём Ангела, храни Господь. м.Н.

9 октября

Матушка! М.Игуменни поклон и соболезнования: диабет — тяжёлое заболевание, плюс такие нагрузки. Интервью — Бог с ним, пусть лучше Матушка поправляется. Автобус в субботу в 11 утра, так что доберёмся где-то к вечеру. Везу газеты, а книги из Москвы так и не дождался. И с приёмом в Союз писателей непонятная заминка; говорят, кто-то против, но есть кто-то и за. Впрочем, гнаться за званиями не по-монашески. До встречи, матушка Н.

15 октября

М.Н! Официально и по просьбе монахини Е. по поводу её «шпор» сегодня консультировался по телефону со специалистом-профессором из Медицинской Академии Последипломного Образования. Конечно, ему хотелось бы видеть снимок, но так как это невозможно, он советует следующее: 1. НИМЕСИЛ —

по 1 пакетику 2 р/день. 2. Мазь «Хондроксид» или «Фастум-гель» намазывать на ночь. 3. Очень помогают радоновые ванны. 4. Самое эффективное (сам испытал)— радиооблучение.

Уверен, что нимесил и мази не дефицит в Ваших местах. Если у матушки будут затруднения с покупкой этих лекарств, пусть даст знать, я куплю. Только вот не знаю, пропускают ли в бандеролях лекарства. Тогда придётся искать оказию. Прошу её ответить. Александр Раков.

15 октября

Делать Вам нечего! У нас есть врачи, медсестра почти как врач в монастыре, больницы и прочее. Е. сама закупает всё время лекарства для нашего медпункта. Зачем она Вас обременила, не понимаю. Доехали — к редакторам обращаться начали по поводу своих заболеваний. Было бы целесообразней обратиться к психиатру. Но если Вы просите, я ей передам. Спасибо. Но у нас принято обращаться к монастырской медсестре. А теперь у нас даже врач есть в монастыре, хирург, принявшая иночество. То, что она к Вам обратилась — просто безобразие. Позор. Извините за резкость.

16 октября

Добрый день, Александр Григорьевич! Вы вот всё монахов кроете, на чем свет стоит, а сами два дня подряд не можете в церкви отстоять. Устали. И это при полном, извините, безделье. Работу мозга не считаю в данном случае. А сестры, во-первых, и работают-то не по своей специальности или склонности, что само по себе большое испытание. Вот посади Вас рыбу чистить или огород копать, или в гостинице за богомольцами ухаживать, посмотрела бы я. Монашество – это самоотвержение. Вы хвалитесь своими трудами, т.е. что Вы всё успеваете и время есть. Но Вы делаете то, что любите – это Ваша жизнь. Вы себя всего этому отдаёте. Ещё бы у Вас не шло дело! А мы делаем, что нам скажут. Идём на это умышленно, по своей воле, но труда это стоит большего, постоянного преодоления себя. Бедному монаху некогда продохнуть, в 6 утра полунощница, потом завтрак и бегом на послушание. Днём в час обед и снова послушание до вечера. А вечером – всё остальное: и в церковь хочется, и по дому, и по корпусу чередные уборки, и одежду починить, и письмо написать, и помолиться. И многое другое. Вот и весь день прошёл. Нет минутки, а сестры всё же умудряются ещё и поговорить с кем-то, и приветить, и книжку

духовную почитать. Хоть страничку-две. Да, они такие же люди, какие же они могут быть? Все из одного теста. Но понять их тот может, кто такую жизнь хоть какое-то время попробует вести. А не со стороны. Но это разговор тщетный. Вы при своём, мы при своём. Ладно. А эта Е. — Вы уверены, что она не Евтропия, Евлампия, Елевферия, Еликонида или ещё кто? Я её ещё не нашла. Не было в церкви её. А живет она (если это она) за оградой. Вот и всё, дорогой Александр Григорьевич. Она Вам ответит обязательно. Как только я её найду. Храни Вас Господь.

гр.м.Н.

16 октября

Дорогая матушка! Или у Вас неприятности, возможно, из-за меня, или я Вас раздражаю, или Вы действительно устали («хроническая усталость»). Не вижу ничего страшного в том, что мы разговорились с монахиней о её болячке. Я сам пережил и знаю, что такое «шпоры», и сам навязался, поэтому м.Е. — её послушание в храме — ни при чем. Письмо Ваше такое злое, даже ненависть сквозит, помогите Вам Господи! А я ведь в монастыре не только «стоял», я ещё и работал усердно. И если сказать Вам, что мне доставляет

наслаждение выслушивать всё, что наговоривает на диктофон престарелая монахиня, Вы ошибаетесь. Но это надо для газеты. Да, я очень устаю из-за болезни сосудов, но только что вернулся от батюшки — брал интервью; он, больной, говорил, а я, с высоким давлением, задавал вопросы: в ноябре у батюшки 77-летие. Взяли на себя обет монашества — терпите и не думайте, что другим легче. Конечно, монашество — великий подвиг перед Богом и людьми, но кичиться этим не стоит.

Ко мне не подошли и на минутку, ну, да к этому я уже привык. Храни Вас Господь и Матерь Божия. Александр Раков. Если у Вас больше нет желания со мной переписываться, сообщите — и вся недолга. У меня нет другой связи с монастырём.

16 октября

Добрый вечер, нашла я м.Е. Это и вправду Е. Я сама эти все имена путаю, язык заплетается. У нас все путают. М.Евфросинию м.Евтропией называют. Она живёт вне ограды, я её искала, и она позвонила мне. Благодарит Вас. Письмо Ваше я ей передам, когда придёт. Вернулась из города. До чего же красиво! Мы сидим в келиях и ничего не видим. На берёзках маленькие

золотые блёстки кое-где, под клёнами ковры яркие, небо синее-синее сегодня, ёлки пушистые стоят, сосны раскинулись, а я в автобусе еду, усталая от жизни, состояние такое, словно выписали из больницы, но непонятно, на выздоровление или на умирание. Устала я, безразлично мне всё. Старость или переутомление. Не знаю. Так что не сердитесь на меня. Я знаю, Вы обиделись, что я Вам время не уделила. Нет внутренних сил, понимаете? Вам позавидовать можно, у Вас вон в голове всё крутится, а у меня уж застыло, намертво. И ничего не интересно. Ни книги, ни события, ни что у кого. Может, пройдёт. Не знаю. Так что простите мою немощь и не обижайтесь. Желаю Вам всего доброго. Книжку Вашу обязательно прочитаю, храни Вас Господь.

гр.м.Н.

2 ноября

Матушка Н! Всего какой-то месяц потребовался мне, чтобы переварить Вами произнесённое и ответить по-монашески: «Простите, благословите, помолитесь обо мне». Трудно перестроиться на Вас: везу единственный экземпляр книги, который и сам толком не рассмотрел, а Вам хоть бы хны. Хочу погово-

рять, а Вы бегаєте, вместо того, чтобы честно сказать: «Александр Григорьевич, так-то и то-то, прошу не беспокоить». И все дела. Шустро Вы судите о делах других людей, с маху; была бы шашка — голова с плеч. Но и другие болеют, страдают, радуются маленьким радостям, и каждый православный на своем месте кто тянет, а кто и тащит по земле свой крест.

Вы просто безмерно устали, и мне Вас безмерно жаль. А мои дела, как Вы знаете, идут отлично; вот только тучи над головой никак не могу разогнать. Ну да Батюшка помолится. Сегодня были на могилке Владыки Иоанна — 8 лет со дня блаженной кончины. И всё же: неужели Матушка Игуменья не даст пару дней для отдыха? Александр Раков.

2 ноября

Вот и Раков появился! Добрый вечер, Александр Григорьевич!

Я уже в курсе дела, что Вы были на могилке Владыки Иоанна и что книгу Вашу «Заветные узелки» там продавали. Людей я люблю, и маленькие их радости и горести. Маленьких не бывает, каждому даётся по росточку. И наши-то скорби — пустячок по сравнению со скорбями настоящими. А всё равно больно бывает. Пациентка

Ваша так и не пришла за письмом. Увы. Да это всё мелочи. Книжку Вашу я прочла. А что, неужели Вы предполагали, что я тут же засяду за чтение?.. Я благодарна за автограф, бегать я от Вас не бегала, просто не было сил общаться. Но поскольку у Вас такие силы всегда есть, то объяснить трудно. Поэтому я просто уклонялась. Напрасно Вы обиделись. Отдыхать мне не надо, массаж требуется душе, и живительные ванны также.

А говорить со мной — разве мало умных людей? О чем я говорить могу? Что я знаю? С маху я всё же не сужу, бывает — брякну что-нибудь, но это немощь, несдержанность, разболтанность, только и всего. Поверхностное это. Работать надо мне над собой. Что и стараюсь делать.

Помните, к о.Амвросию Оптинскому, преподобному, пришла одна простая женщина и долго с ним беседовала об индюшках, которые у неё болели. И о.Амвросий сосредоточенно с ней беседовал, советовал ноги им вином тёплым мыть и проч. Барыня некая возмущалась, что Он столько времени этой простушке уделил. А о.Амвросий ответил, что для неё в этом — вся её жизнь. Прекрасно я это понимаю, но — «девушкам вашего круга надо приличия знать...» (из Пиковой Дамы, графиня поёт). Мои помощницы ужаснулись, когда я их спросила, как они думают, могла ли Е. к господину Ракову

с такой просьбой обратиться? Я и сама-то не поверила. Это всё же недопустимо, мы не знали только, что Вы случайно услышали. Вот и всё. Недоразумение. Я у неё спросила и она мне всё объяснила.

Так что моя торопливость, к сожалению, привела к таким дерзким и поспешным словам. За что приношу извинения. Некрасиво я поступила.

День кончается, как обычно, вечером, даже Воскресный. Уже темно. Надеюсь, на кладбище Вас не продуло. У нас сегодня дождичек весь день, тихий, безответный. Желаю Вам добра. Храни Господь.

Гр.м.Н.

3 ноября

Всечестная матушка Н! И читатели, и Союз писателей жанр этот приняли, и не такой он простой, как Вам кажется на первый взгляд. Судя по многочисленным отзывам о четырех книжках, польза от них людям есть; это пишут мне и крупные словесники. Другое дело, что Вы уязвлены тем, что я привожу часть из нашей переписки. Так ведь была же договоренность! Если Вы забыли, я найду это письмо. И раньше я Вас печатал, но Вы никаких претензий не высказывали. Получается, что я обманщик, так, что ли?

Названия книжек не имеют значения; изначально они назывались (и народ их так и зовёт) «записки редактора», но издателю не понравилось, пришлось придумывать, хотя и в них заложена связь с написанным (скомпилированным, скомпонованным — как Вам больше нравится). Вы читаете книгу как со-участник, Вы не читатель, поэтому Вы не ощущаете того воздействия, которое получает читатель.

Сейчас я пишу совсем или чуточку по-другому: почти нет ссылок на Св.Отцев, больше поэзии и собственного «богословия». Хотел бы использовать и Ваши письма частично. Так что, пожалуйста, ответьте. Материал как раз и пропущен через собственную душу; Вы или не поняли, или из-за особенностей характера не хотите этого увидеть. Впрочем, я благодарен Вам за Ваше мнение: Господь не случайно свёл нас вместе. Не для монахов эти книжки, понимаете? Не для монахов. А те, которые на пути к Богу, очень понимают, потому что так же чувствуют. Да, книжки на кладбище продавали, сегодня сделал своим людям «вливание»: не надо было так широко торговать. Потом люди пошли за автографами, пришлось подписывать. Нет, плохо мы понимаем друг друга, мучительно жаль.

Я всё же умудрился простудиться, но мы работали по сбору материалов о Владыке на следующий год и

кое-что получили. Батюшка теперь только и твердит: «Пиши, пиши!» а мне и самому стал интересен этот процесс. Ну, не принимает одна монахиня эти смешанные творения — так это её право, и страшного в этом ничего нет. Но я почему-то думаю, что мы пройдем с Вами через тяжёлый период неприятия и будем друзьями. Александр Раков.

3 ноября

Друзьями мы были и останемся, а про книжки потом поговорим, ладно? Лечите простуду. С Праздником Казанской Божией Матери! Храни Господь, гр.м.Н.

4 ноября

Матушка! Никак не могу успокоиться: Вы — сплошное противоречие. Я присылаю Вам две книги целиком, по сути, на цензуру или хотя бы ознакомление, так как там присутствуют и Ваши материалы, но Вы не находите в себе сил прочитать. А про написанные и будущие книги скажу прямо — они останутся в истории литературы — не за литературные достоинства, которых почти нет, а за новизну жанра, искренность и исповедальный тон. Если в письме один исповедуется другому, то он

ждёт того же и от визави. Должен Вас огорчить: сегодня проходит правление Союза писателей России (СПб отделение), которое должно окончательно решить — все остальные инстанции уже пройдены — достоин ли аз грешный быть членом Союза писателей РФ. А быть журналистом совсем не зазорно: наша газета находится на третьем месте по популярности в интернет-рейтинге ХРИСТИАНСТВО.РУ. Загляните при случае.

Пишу так не потому, что хочу похвалиться. Поймите, матушка, Вас Господь свёл со мной, чтобы новоназначенные люди что-то поняли! Одно дело мирянин, другое — опытная монахиня. И то живое, что вскрывается в их откровенных письмах-разговорах, очень ценно в глазах этих людей. Они этому верят! Вы тут Достоевского упоминали, так он один на всё Православие! Я не хочу ничего придумывать! Я не хочу выдуманных ситуаций и вымышленных людей, поэтому, в силу своих скромных сил черпаю эпизодики из жизни, а мысли из собственной головы. Но мне ещё не хватает смелости — или время не пришло — писать только от себя; мне страшно — писать, не ища подтверждения у Св.Отцов или классиков.

Сейчас Православие уже заболело отсутствием страха Божиего. Разве возможно вслух и с ходу рассуждать о Божием, без духовной подготовки? Но меня

Бог ведёт, простите уж, если это покажется Вам слишком наглым утверждением, в писательстве (или журналистике) — как Вам угодно, а я следую воле Божией. И нет здесь никакой прелести или любования собой. Официальную бумажку составить — семь потов сойdet, а тут людей учить на своей душе. Пусть ещё неумело, с ошибками, иногда с натяжками, но всё через себя. Разве легко, как Вы думаете, мне признаваться, что я присутствовал и помогал при аборте собственного сына?! Что за безчувственность монашеская?.. И на вопросы книжки отвечают, десятки людей приходили благодарить, что вразумились в той или иной ситуации после прочтения. А то, что росточка духовного маловато, так это правда. Ещё правда и то, что Господь поставил меня делать православную газету сразу после Крещения, когда я еще на НЛО летал. Всё. Александр Раков, журналист.

4 ноября

Да ладно, ладно, я согласна с Вами. Честно говоря, мое тайное с самого начала желание — послушать, как Вы на НЛО летали и с инопланетянами беседовали. Представьте себе! Вы уж простите, но об этом я бы сразу прочитала, в тот же день. Можете опозорить меня

на страницах Ваших книг этим признанием, но я всё же его высказываю. Да простит меня Господь за такие интересы. А монашество — это всё же уход от мирской жизни, от бесед, от людей. И соединение с ними через молитву. Вот этого жаждет душа, но современное монашество вынуждено ещё более вступать в мир, находиться в толпе людской. Никакие старцы не начинали старчествовать с первых лет монашеской жизни. Сначала всегда — уход, даже бегство от близких, жизнь в монастыре, среди братии, тяжёлые послушания, пост, молитва, часто затвор, и лишь потом — с накопленным — к людям. Сейчас же едва приходит молоденькая послушница в монастырь, её сразу в гостиницу, на люди. Где и что накопить? А душа бежит, бежит этого, кричит, хочет быть одна с Богом, нет, не отрекается от людей, но жаждет иными категориями жить, дышать. Вы вот этого не можете понять, в силу того, что монашество — призвание, тоска о Боге, а не о людях, но любовь к людям через Бога. Это католичество считает одним из основных — помощь людям прямую, непосредственную, благотворительность, а Православие всегда в пустыни уходило и оттуда за весь род человеческий молилось и этими молитвами мы до сих пор держимся. Не беседами, а теми неизвестными миру молитвами оставшихся истинных монахов. Монашество изжило

себя ещё в прошлом веке, оно кончилось физически с революцией, сейчас попытки восстановить, но это уже всё не то. Это уже Господь попускает на стремление человека (а с самого начала, еще до Р.Х., люди уходили в пустыни, всегда часть людей имела тягу к житию уединенному, с Богом) возрождение и существование так называемых монастырей. И монахи нынешние только за их произволение быть монахами, приобщаться к монашеской жизни, будут причислены к монахам и на том свете, но эта постоянная жажда, неиссякаемая скорбь по истинному монашеству — сжигает душу, ранит сердце, нет сил уйти внутрь себя, вот и шарахаетесь то от людей, то к людям. Ваши проблемы иные, поэтому они мне сейчас неинтересны, хотя я способна сочувствовать, откликаться. Когда я только начинала в церковь ходить, безусловно, интересно бы было, поймите это. Я и газеты не читаю, и вообще ничего почти. Имею в виду из современного. Меня совершенно не интересует, что где происходит, это искренне я пишу. Я рада, но мне неинтересно читать, слышать, у меня другая боль, утолить её нечем. Все истины давно известны, ничего нового, а как жить — неизвестно всё равно. Видимо, эта мука и дается взамен монашеских подвигов славных ушедших веков. И монаху ли об абортах читать, уж простите за грубость, да ещё сочувствовать!

Мы все в разных плоскостях, соединяет лишь Господь Бог, молитва, причастие.

Мы все разные, равное лишь одно в нас — та цена, которой мы искуплены, та Кровь, Которую Господь пролил за нас. Я не духовник и не советчик; да, я противоречива, так как сама для себя многое не уяснила. (Помните у Достоевского — врём, врём да и до правды доврёмся. Разумихин говорит в «Преступлении и наказании»). Есть восприятие объективное, есть субъективное, есть поверхностное, глубинное, минутное и т.д. А оттого, что Ваше имя останется в литературе, ничего ведь на том свете не изменится. Останетесь — и останетесь. И слава Богу. Всё равно конец света не за горами. Это всё земная мышиная возня, не более. Журналистом быть не зазорно, безусловно, кто же это говорит! Журналист Вы талантливый, вероятно.

Как кошки поживают? У меня вот живой интерес к животным определился, а к людям сейчас его нет. С собой не разобраться никак. Не до людей.

Но это уже ламентации (жалобы — для непосвященных), поэтому останавливаюсь пока, желаю Вам всего доброго. Дождь, туман, вечер, в такую погоду в романах совершаются убийства. Глубокая осень. Храни Вас Господь.

гр.м.Н.

4 ноября

У меня про НЛО в 1991 году есть даже написанные две книжки... Вот что скажу без подробностей: видел Землю, опутанную сетями — такими одинаковыми ромбиками; знаю, что «они» под землей делают. Больше всего удивило, когда на круглых бортах НЛО увидел цифры 666 и спросил: «А почему не скрываете?» Был ответ: «Нам Бог не позволяет». Через НЛО, вернее, через страх, который я там испытал, и при «контактах» с «братьями по разуму» я и пришёл, вернее, меня и привели к Богу. Я потом, чтобы грех этот искупить, выпустил три составленные мной книжки: «Что надо знать о дьяволе», «Четыре ответа на приглашение в ад» и «Дороги, ведущие в ад». Дал Господь возможность искупить свой грех. Но ТОТ страх помню, и это мне помогает.

Хорошее у Вас письмо получилось, честное. Только вот одного не пойму: я Вам неинтересен, газет Вы не читаете, книги тоже, а переписку не бросаете. Ведь так просто не ответить — и всё. Дорогая матушка, да разве я не обойдусь без Ваших писем? Книги Господь заставляет писать, Он же и материал даст. Разве не так?

Вы мучитесь своим, я своим — и вместе нам не сойтись. Вас вот случай с м.Е. удивил с одной стороны, а я поразился бабству монашескому: брат хочет помочь сестре, а узнала посторонняя, которая и узнала лишь

потому, что через неё письма идут, и началось! Бедная матушка! Представляю, как её туркали!

Кошки живут, как в раю, весь день спят. В октябрьском номере прочитайте материал «Когда улыбается кошка». Теперь и не знаю, в каком ключе Вам писать. Фраза в конце: «Дождь, туман, вечер, в такую погоду в романах совершаются убийства» — просто блеск.

А беда Ваша в том, что Господь дал Вам много талантов, но Вы не знаете, как их управлять. Простите, если ошибся. Мне всё же кажется, что где-то на одну тысячную я понимаю монашество, пусть примитивно, но понимаю — и тянусь, как многие. У меня слишком тонкая шкура для этого мира, но ветховата для того. Надо поменьше умствовать, в этом Вы правы. Если встретимся на том свете, интересно будет — всё откроется, и мы будем ясны друг другу на ярком солнышке. Храни Вас Господь. Будет желание — пишите. Нет — всё одно буду поминать: Вы привнесли в меня нечто новое. Да не буду загодя никого хоронить. Александр Раков.

4 ноября

Вот и опять Вы не угадали! Ту «бедную сестру» никто пальцем не тронул, а бабство от меня так далеко, как Китай. Я другой породы. Ей вообще никто слова

не сказал, кроме моего звонка по телефону, а потом она так и не подошла. Так что за Е. не переживайте. У меня просто с ней личные есть дела, недоразумения, так что её за три километра обхожу теперь.

Вы мне интересны как человек, неужели не понимаете? Дело же не только в книжках. И книжки интересны, но не всегда и не сразу, и не с таким напором, как от Вас исходит. Всему своё время. Бывает трезвый ум и ясная душа, тогда одно, а бывает всё в тумане и тучи всё небо покрывают, тогда другое, трудно повернуться к ближнему (это я про себя). У Вас терпения мало. Ни себя, ни других не терпите.

Вот на том свете встретиться мало радости, там будет великое ПОЗОРИЩЕ, от слова «зрить», боюсь, Вы в ужасе отшатнётесь от моего смрада и удалитесь на то самое солнышко. Почему же я должна Вам не отвечать? Я Вас в сердце ношу, я за Вас болею, Вы мне дороги, как же я Вас брошу?

Трогательно, что Вы мне про НЛЮ сразу написали. Я думала — в обморок упадёте от моих запросов. Спасибо Вам, Вы милый.

Пишите мне в ключе сердца, то, что хочется. Я вот так Вам и пишу, почему может что-то даже в соблазн. А иначе — зачем и переписываться, это уже искусственное всё будет.

Газет я теперь не читаю, но это временное состояние. Ваша газета хорошая, и если мне удаётся её открыть, то я уже и читаю с интересом. Беда же в том, что открыть не удаётся.

И что это Вы словно со мной прощаетесь? Разве у нас лавочка прикрывается? Кстати, монахиня А. умерла, старая монахиня, 55 лет в монастыре, она раньше за свечным ящиком стояла, но уже давно, Вы её не знаете, наверно.

Да читаю я книги Ваши, читаю. Иногда. Я понимаю – книги Ваши это Вы, и вот я с Вами переписываюсь, а Вас – в книгах – отвергаю. Действительно нелепица. Вот и вся жизнь моя нелепица, милый Вы Александр Григорьевич!

Кстати, я ведь понимаю, чем Вы мучаетесь, так что всё же сойдёмся, да уже сошлись. Фразочка Ваша неверна. А Вы интересны мне, мы в чем-то очень похожи. Храни Вас Господь. Простите за сумбур, интересно, Вы уже отключились или еще на линии?..

Все та же м.Н.

5 ноября

Матушка! Должен Вам сказать, что НЛО не ко всем могут прорваться, а к тем, кто ими ИНТЕРЕСУЕТСЯ. Умоляю, не думайте о «них» — ведь это же нечисть, и

она очень злохитрая. Я было хотел ещё поделиться, но, слава Богу, остановился. Постарайтесь забыть об «этом» и письмо моё уничтожьте. И молитву прочитайте от вражеских напастей — я не шучу...

Интернет-времени в месяц я покупаю 10 часов: мне хватает, переписки практически нет, смотрю православные новости. Правда, компьютер меня иногда тоже вводит в грех, я искренне каюсь и долго держусь, а потом, вдруг, неожиданно для себя опять совершаю этот грех. Впрочем, я об этом писал в книжках. Работаю с секундомером, чтобы знать, сколько времени у меня есть. Из-за экономии отключаюсь сразу. Сейчас я второй день дома из-за простуды, поэтому время от времени заглядываю в ящик.

А то, что давлению и терпения нет — «в яблочко». Люди меня любят, когда прорвутся сквозь резкость, а это не каждому под силу. Поэтому у меня нет друзей. Жена говорит: «Ты только с женщинами можешь дружить».

Я ведь в понедельник, 10-го, собирался ложиться в институт Мозга, теперь всё, наверное, сдвинется. Или отложится, если настрой пропадет. А полежать надо бы: я больше на врачей уповаю, чем на Божию помощь — по маловерию. Событие важное только одно случилось: правление Союза писателей утвердило мою кандидатуру, дело за Москвой. Самое странное — а я

уже давно заметил за собой: добиваюсь какой-нибудь труднодостижимой цели, добьюсь, а радости нет... И похвалиться некому.

(Нарушая стиль и прыгая через время, хочу поставить стих из последней книжки 2015 года).

*Радость – это жизнь дружную
Уберечь, не погубить,
Сделать больше, чем могу я,
Чтобы ближе к Богу жить.*

*Сколько можно веселиться,
Улыбаться всем вокруг?
Лучше в храме помолиться,
Коль в беду попал твой друг.*

*И, глядишь, твоей молитвой
Смог беды он избежать.
Радость – это с бесом битва –
В ней ты должен побеждать.*

Писателей сейчас много развелось, они не очень-то любят впускать в свою корпорацию. А тут за три года... В письмах моих ошибок много, это не из-за неграмотности, а по поспешности — тороплюсь отправить.

Про нашу переписку скажу вот что: не так много, как мне кажется, я бы смог взять: в них много личного, однако, кое-что есть. О загробной жизни думаю мало, т.к. почти ничего не известно. В ноябрьском номере выходит скандальный материал. На выставке «Православная Русь» первую премию за православную книгу присудили некоей Юлии Вознесенской. Книга называется «Мои посмертные приключения» — этакое «православное фэнтези» с дамским уклоном. Они что там, белены объелись? Поэтому какая-то реакция будет. Там и другой «убойный» материал есть. «Молчанием предается Бог». У настоятеля церкви, который нас пустил, начались крупные неприятности; возможно, как бы не случилось редакции менять место жительства. Переезжать в седьмой раз! Можете себе представить? Так что у меня, как всегда, всё хорошо. Александр Раков. Я дома, можете писать, если есть время и благорасположение.

5 ноября

Дорогой Александр Григорьевич, благодарю за работу, не думаю я о них, так что не безпокойтесь. Они меня очень интересовали в 70-е годы, когда много всего печаталось и рассказывалось, и я даже пыталась читать Ветхий Завет с позиций НЛО, т.е. вчитывалась во все

таинственные места, как евреев вел огненный столп в землю обетованную и проч., пытаюсь пристегнуть эти явления к НЛО, да простит Господь меня грешную. Это было ещё до моего обращения к Церкви. Я тогда мучительно искала нечто, сама не зная что, душа стремилась неосознанно к Богу, тогда я всё прошла — и йогу, и дзен-буддизм, и уж не помню что. Кажется, писала об этом. Была я словно шарик в детской игре, ищущий свою лунку. И вот когда я вышла на Православие, то шарик закатился в свою лунку и прочно встал на место. Друзья мои считали, что у меня очередное увлечение, которое так же, как и все остальные, пройдёт, но это уже не увлечение было, душа нашла искомое и успокоилась. А интерес к НЛО — пассивный — ещё где-то теплится подспудно, но и здесь, я знаю, ничего нет нового. Ничто и впрямь не ново под луной.

Здорово, что Вы эту Юлию Вознесенскую будете в пух и прах громить! Ну, Вы молодец! У нас чуть не весь монастырь повально читал книги эти, я только по рассказам знаю, сама не хотела их читать. Но по рассказам — это бред, да ещё неправославный. Юлию эту я помню, она была среди диссидентов, её только что выпустили из заточения после 7 лет, кажется, где-то в ссылке она вроде была, у нее тогда дневники какие-то были, диссиденты ими зачитывались.

Про неродившихся младенцев — конечно, это здорово, что тему эту Вы поднимаете, и стихи эти без слёз невозможно читать. Младенцев жаль. И очень нужно писать об этом, чтобы чувства пробудить, может, кто-то задумается и остановится в своём намерении еще одну жизнь неродившуюся уничтожить. Вы особо на меня не оглядывайтесь, я иной раз брякну так, а потом окажется этак. Иногда правит речью настроение, тогда лучше молчать. Понимаете, если я бегу людей, то знаю, что мне бесполезно встречаться в этот момент с ними, я их только уязвлю. Я обычно избегаю тогда общаться, все мои высказывания будут ранить и не будут подлинными, т.е. в нормальном состоянии я скажу и подумаю иначе. Это не только самозащита — когда я уклоняюсь от людей, это и забота об этих вот людях. Так что не обижайтесь. Если я в норме, я с удовольствием буду общаться. У каждого свои болячки, уж простите меня. Видите, я и на письма Вам сейчас отвечаю, и время есть. Это просто я сейчас в норме, вот и всё. А когда «некогда» — то душа не может, не в силах. Некогда — это отговорка. Время всегда выкроить возможно при желании.

Помоги Вам Господи подлечиться и, конечно же, пишите, пишите и не оглядывайтесь на брюзгу Н, да сохранит Вас Господь.

Большой поклон Вашей трезвой супруге. Я бы тоже такую хотела. Нам именно такие нужны, трезвые, рядом. И любящие.

С искренней любовью и благодарностью за терпение — гр.м.Н..

5 ноября

Нина Павловна Саблина
(1937-2007)

Матушка! Больше об «этих» говорить не будем, ладно? Я их до сих пор опасаюсь. Здорово, что Вы поддержали меня в отношении «Посмертных приключений». Вы ещё не знаете про второй материал — в номинации «учебная литература». Так они взяли и присудили первое место работе протестанта 50-х годов, кажется, «Библейская археология». А Нине Павловне Саблиной (1937-2007) за её теперь уже знамени-

тую книгу «Буквицы», по которой вся православная Россия учится, ничего не дали. Знаете, с радостью жду выхода этого номера, несмотря на не-

приятности. Кто принимает решения? Это что за люди такие православные? Я не выставлялся, и батюшка похвалил, но всё было решено ещё в Москве. Только бы они честно боролись, без подлости. Ну да не силе Бог, а в правде! Честно — не боюсь!

Письма у Вас хорошие пошли. С таким настроением можно и стихи писать. Про «душу» и «некогда» я хорошо понимаю. Ведь я шутил тогда, что у меня времени вагон и всё всегда хорошо. А Вы попались. Ваш Александр Раков.

11 ноября

Ну вот, матушка, дожил я и до очередной больницы: завтра ложусь на три недели. Ноябрьскую газету сделал, дочернюю «Горницу» сделал, выставка закончилась, теперь со спокойной душой — в который раз — отдаюсь врачам. Как раз хватит денег, полученных на выставке от продажи моей книги, на лечение трехнедельное. До больницы от дома 30 минут хода, это хорошо. Да и жена от меня отдохнёт. Возможно, речь пойдет о статусе инвалида, ну что ж, значит, пришло время. По выходным буду дома, так что пишите при наличии настроения. Александр Раков.

11 ноября

Дорогой Александр Григорьевич, будем за Вас молиться, да поможет Вам Господь и облегчит все Ваши болячки. Спасибо, что сообщили. У нас всё пока без изменений, Матушка собирается на лечение в Москву, так что «подчищаю концы», много всего надо доделать по бумагам, минимум на месяц она уезжает. Это обычная поездка, в Институт Питания, только она затянула опять, ей ежегодно нужно, а из-за ожидания приезда Святейшего она уж почти два года не была. Вот и все наши, в основном, новости.

И Вы тоже пишите о своем хотя бы здоровье, храни Вас Господь.

С неизменным участием и сочувствием — м.Н.

16 ноября

Действительно, много ли человеку надо! Влили в него три капельницы, посадили в мягкое место три укола — и человек целый день «творит» свою книжку и оторваться не может. Всегда бы так было! Даже не хочется возвращаться в больницу, хотя я и понимаю, что состояние это временное, да и деньги заплачены

немалые. Но я уже взял с собой работы на неделю и скучать не буду. А Вы говорите: «Тоже мне, не может шести монастырских служб отстоять!» Начал новую книжку (я писал) и хотел обойтись и без чужих стихов, и без изречений Св.Отцов. Написал почти 100 страниц, но чувствую — сухоовато получается: стихи — это не просто рифмованная проза; это целый мир, куда хочется попасть со своими скромными мыслишками. Я никогда не подбираю стих, а потом под него что-то подписываю. Всё честно и очень занимательно. А про Библию и Св.Отцов и говорить нечего... Ну, стиль у меня такой получается, а если не поверите, придется соорудить плохонькую повестёнку, хотя врать не хочется.

Вчера через много лет встречался с родственниками. Старшего поколения уже нет, старшим (не считая отсутствующего брата) оказался я. Собирались у двоюродного брата, который у нас большой начальник, но годы и у него потихоньку приближают к грешной земле, больше вспоминали детство и юность. Давно я никуда не выбирался в городе; меня даже приглашать перестали. Но не объяснишь же всем, что нет сил. Всё. «Ракушка» — Александр Раков. Если ответите сегодня, успею получить.

16 ноября

Добрый, добрый вечер! А я как раз всё Вас вспоминала, думала — дома Вы или же не пришли на выходные. Спасибо за весточку, рада, что вместе с капельницами Вам влили новый творческий запал, помогай Господь.

А у нас всё потихоньку-полегоньку, Матушку завтра в больницу провожаем, в Москву, вчера на наше подворье ездили, Матушка с певчими и ещё несколько сестер, в т.ч. и аз грешный, освещали после ремонта алтарь, водосвятный молебен служили и все помещения окропляли, жилые и хозяйственные, а потом трапеза была скромная, но очень вкусная, обычная пища — щи да картошка, да рыба жареная, а кажется — королевское угощение. К вечеру домой вернулись, затемно уже. С бумагами много возиться приходится, перед отъездом М. Спасибо за газетки, что присылаете. Очень трогательно с Вашей стороны. Про животных прочитала, и вообще хорошая газета у Вас, на самом деле. Сколько Вам ещё в больнице лежать? Лечитесь как следует, видите, как хорошо действует на Вас. До новых письменных встреч, а также и реальных, надеюсь. С Богом, пусть всё будет у Вас хорошо.

С любовью о Господе и молитвенной памятью — гр.м.Н.

22 ноября

Дорогая матушка! Я уже и не чаял получить весточку. Хорошо, что Вы научаете меня терпению. Я тогда был очень расстроен Вашими — так непохожими на Вас — письмами. Но, как всегда, себе нахожу объяснение, а другим нет. В этом одна из моих бед. Да, я пришёл на выходные, но вероятнее всего, во вторник 25 уже буду дома: возможности клиники оказались меньше, чем я предполагал. Или хочу больше, чем требуется. Во всяком случае, на пару недель 9 капельниц хватит. Да, написал в больнице стихотвореньице о маме:

24 ЯНВАРЯ 2004 ГОДА

*Три года, без мамы. Протоптана тропка
По снегу зимой, по весне, когда топко,
И летом к могилке, укрытой в лесу
Я маме цветы и молитвы несу.
Мы вместе, родная, хотя и на время
Ты скрылась от солнца, прикрытая тьмою,
Но годы пройдут, сколько Господу надо,
Я лягу по правую сторону рядом.
И пусть зарастает тропинка лесная -
Я буду навечно с тобою, родная.*

Уже давно опять не был в церкви, каюсь перед Вами. Мне стыдно, но чем больше не ходишь, тем труднее себя заставить. Да Вы уже знаете, что это мой великий грех, хотя кто знает, в какую яму можно ещё свалиться. Спасибо за поддержку, я уже к Вам привык. Живите с Богом. Александр Раков.

22 ноября

Дорогой Александр Григорьевич, искренне рада была получить Вашу добрую весточку, спасибо за стихотворение о маме, такие стихи всегда трогают и находят отклик в сердце. Я ведь Вам ответила в прошлые выходные, да видимо, Вы уже не успели получить.

Жаль, что Вы не получили в клинике желаемого результата, но всё же чем-то Вам помогли, и то слава Богу.

Грех Ваш мне так знаком, я рядом с церковью, и то умудряюсь ходить туда только по выходным, а причащаюсь очень редко, вот сегодня Господь сподобил. Совершенно верно, чем больше не ходишь, чем дольше не причащаешься, тем труднее возвращаться. Я бьюсь с этим с самого начала и до сих пор. Иногда чувствуешь себя глубоко оскорблённым собственной немощью, думаешь — неужели не преодолеть? Здесь два пути

бывает — или всё же насильно будешь себя заставлять, сам собой управлять, ведь это, по сути, от собственных рук отбился, или же в такую беду попадешь по Милости Божией, что сам побежишь в церковь без оглядки. Второй вариант хуже, но действенной, как в беду попадаешь, так сразу глаза к небу.

Сегодня празднование иконы Божией Матери «Скоропослушница», в Александро-Невской Лавре эта икона есть. Я когда ходить начинала в церковь, всё туда ходила и всё на эту икону смотрела, очень она мне нравилась, и всё чуда мне хотелось, знака какого-то, от иконы этой. Новоначальные всегда чуда ищут. С нежностью ту икону в Лавре вспоминаю. Лик у неё чудный, лицо девочки, живое, мерцающее и заключающее в себе Небо и Землю и Господа. Мона Лиза померкла бы рядом с иконой этой.

Матушку нашу проводили в Москву в понедельник, вот уже неделю почти без неё живём. Матушка — сердце Обители, без нее сразу пусто делается, хотя ничем это не выражается в делах, всё так же, служба церковная идет, суп варится, баня топится, паломники принимаются с той же любовью, но всё как бы замерло в ожидании. Сразу дел меньше, звонков, людей, всё на спад.

Зима всё не начнется никак, едва подморозит — и снова дождь, земля голая, озимые красиво зеленеют,

неожиданно яркие ковры зелени среди осенних бурых тонов. Вот, пожалуй, и все наши дела. Желаю Вам всего самого доброго, пишите, храни Вас Господь.

С неизменной симпатией — гр.м.Н.

Да, а что это Вы такую рань делали? Не спалось?

30 ноября

Матушка Н! Всё свободное время посвятил разбору нашей почты: часть её осталась только на бумаге, остальное пропало. Работа нудная, но очень полезная — почерпнул много нового. Ведь когда читаешь сразу, многое улетает из памяти. Перечитал и Ваши стихи; кое-что взял для «Былинок», кое-что прочитал просто для удовольствия.

Завтра выхожу на работу, душа изболелась.

Теперь у Леры начались серьёзные проблемы со здоровьем; если прояснится, потребуется операция. А я на всю квартиру ною от боли в суставе плеча. Поделом! Сегодня поднялись в церковь, но жена пошла, а я не смог. Пришел уже к концу, подарил молодому батюшке книжку, пожаловался на собственное безсилие. «А вы приходите, Александр Григорьевич, обязательно приходите», — просто сказал он. И мне опять полегчало. Так и борется человек сам с собой до смерти.

Меня поражает, что православный до самого конца не знает своей участи и вынужден постоянно о ней беспокоиться. Мало того, что зачастую он не знает причины своих страданий, он ещё и не может предвидеть их последствий... Не удивляйтесь моей наивности: я мало думаю об этом. Спокойной ночи! А.Р.

30 ноября

Дорогой Александр Григорьевич, как я рада письму Вашему! От Вас неделю назад пришёл ответ на мое письмо, но в нём не было ни одного слова, только моё собственное письмо висело. Или это какое-то недоразумение, или Ваше письмо «съелось», я так и не поняла.

Значит, Вы на работу выходите. Бедный Вы, бедный, как мне жаль Вас, что суставы болят. Это такая пытка!

Письма мои — да ну их! Что Вы с ними возитесь! Это я Вам писала, не для «истории», прочитали и выкинули. Я и слышать про них пугаюсь, много их там, что ли? Всё незаметно накапливается. И стихи — ну их, пора за ум братьяся.

Как Вам всё же, полегчало? У нас всё тихо-спокойно, Матушка на лечении, мы с ней перезваниваемся постоянно. Погода как у Вас, в душе застой. Без Матушки как-то пусто.

Может быть, Вы ждали ответа моего, Вы простите, я должна была сразу Вам сообщить, что от Вас пришло нечто, в котором пустота.

Помоги Вам Господи, во всём, во всём. Как книга новая, уже, наверно, написали почти? У Вас ведь вроде дело шло, я помню.

И жене Вашей очень сочувствую. У нас уже третий человек умер за короткий срок, работник, тракторист наш и водитель, он у нас много лет работал. На днях похоронили. 1948 года рождения.

Начала читать эту Вознесенскую, которую Вы громили. В «Радонеже» про нее статья хвалебная, дай, думаю, почитаю всё же. Нашла в интернете не про макароны, а первую книгу, про загробную жизнь. С первых строчек увлеклась, вот, думаю, и правда — как в «Радонеже» написали, не оторваться! Но дойдя до препирательств всей этой силы нечистой, встречающей душу, сразу соскучилась и бросила. Т.е. не более двух страниц, наверно, прочитала, не понимаю, как это может нравиться и читаться запоем! Ну, хороший мой, держитесь, всё равно умирать. Сегодня чудную проповедь прислали Митрополита Антония, на сегодняшнее Евангелие о внезапной смерти, там такие слова — «надо спешить делать добро, спешить жить так, чтобы, когда бы ни застигла нас смерть, она застигла

нас в момент торжества жизни». Потрясающе! Вот, собственно, Ваша жизнь и есть — торжество жизни, Вы всё время в борьбе, в метаниях, в делании, Вы живёте, несмотря ни на что. Храни Вас Господь! Пишите. Хотелось бы знать, дошло ли это письмо до Вас. Что-то я не доверяю почте, а вдруг не дойдёт и Вы подумаете, что я Вам не отвечаю!

С любовью о Господе — гр.м.Н.

1 декабря

Дорогая матушка! Пролежал я в больнице чуть больше двух недель — на 400 долларов, поставили 13 капельниц и уколы витаминов, плюс таблетки. И всё. Конечно, я выспался, но со своими снотворными. Там лежат послеинсультники, врачи вроде хорошие, но ни с рукой, ни со сном они ничего сделать не смогли -не их профиль. Приятно, когда есть на свете человек, которому можно пожалиться. Я опять не сплю (от руки и отравляющих снотворных), а душа вся изболелась по работе: проблем там хватает. С лета не могу никак разделаться с этим суставом. Придётся идти в Медакадемию повторно и начинать всё сначала, но ложиться не буду, попробую амбулаторно. Вы же меня знаете: если что-то раздражает, служит помехой, я сам не свой

становлюсь. Врачи говорят: «Вам каждые три-четыре месяца требуется курс капельниц», но тут с ума сойдешь от беготни.

Про Вознесенскую писала одна дама; у нас с ней очень сложные отношения: 7 лет она проработала у меня в газете, потом я её выгнал. На днях помирились, и она стала опять давать материалы. Два я взял, от остальных отказался, тем более, она рассылает их по разным редакциям, что, на мой взгляд, недопустимо для журналиста. Но главное не в этом: она ищет (и находит) «сенсационные» темы, например, предложила дать статью о православных тусовках московских — сплетни, «интернет-форумы», кураевские «конференции» и пр. Я отказался. А на днях позвонил её друг — она и у него в православном информ-агентстве подвизается, и стал мне угрожать, что изобьёт меня и корреспондента за статью о Вознесенской — некий С. из диссидентов. Много их окопалось нынче в Православии, однако. Я ответил, что пару мальчиков с битами всегда найду; а он мне излагает про роль диссидентства в развале СССР. Не понравилось ему, что где-то ещё, кажется, в том же «Радонеже», прошло нечто, не согласующееся с его мнением. Да Вы прочитайте на нашем сайте материал — наш, наконец! Я Вознесенскую сам не читал, лишь полистал — этого мне достаточно.

Да, с письмами нашими начал покручивать так или эдак, это должна быть душеполезная для читающих переписка. Но если Вы пишете разумные вещи, то с моей стороны один детский лепет. Я пробую сделать в моем ключе — не только письма, вернее, их части, но и стихи Ваши. Работа, как я писал, очень трудоёмкая и ответственная, посоветоваться не с кем, кроме Вас самой. Есть ведь интересные вещи в письмах, а «молчанием предается Бог».

Я, как всегда, предельно с Вами откровенен. Книжки мои, возможно, не очень хорошие, да и странные они: много чужих имён, стихов, изречений и пр., но хочется, чтобы люди знали, чем болел, что любил раб Божий Александр Раков на этой грешной земле. А я много успел сказать, почти всё, что на душе. Послушал Вашу критику и стал писать только своё в «Былинках» (для Вас — в «Записках редактора»). Написал 100 страниц и понял, что мучительно не могу без поэзии: она мне родная вся, если хорошая, и так ложится на бумагу, если происходит слияние моих мыслей и чужих стихов. Вы должны меня понять, а люди, быть может, в такой упаковке смогут понять и оценить поэзию. Ведь сейчас стихи почти не читают. Вот и задумал я первую часть составить из «Былинок», а вторую — из переписки с Вами, включив в переписку тоже стихи. После

короткой вводки о Вас идёт «Питер мой, Питер, мой Питер оставленный», потом часть нашей переписки. Завершить это письмо мне бы хотелось Вашим стихотворением:

*Матерь Божия,
Пока мы живы
И пока Господь велит — кружи!
Разреши писать —
Не для наживы,
Для спасенья собственной души.
Мне в уста вложи такие строки,
Чтоб, пересекая времена,
Не сбивались с праведной дороги
Огненные сердца письмена.
Мне дано Тобою от рожденья
Пить вино сжигающей Любви.
Ты прими души моей творенья
И для всех звучать благослови!
Я не буду к новшествам стремиться —
Чист и лёгок даруй мне язык.
Будь мне незаполненной страницей,
Сквозь которую Твой проступает Лик.
Я к Твоим ногам сложу безопасность,
Сброшу гнёт довлеющего «я»,
Чтоб в стихах моих дышала Вечность.*

*Правда, Мудрость и Любовь Твоя.
И пока мы Божьим Словом живы,
Мчим сквозь мрак в преддверии Зари, —
Ты прими души моей порывы
И в стихах моих заговори!*

м.Н.

ЖДУ ОТВЕТА, КАК СОЛОВЕЙ ЛЕТА. Ваш Александр Раков

25 декабря

Как чувствовал, что есть ответ. Забыл сказать, что завтра у Валерии день рождения (без намёков), поэтому и цветы, и французские духи — заработала честным трудом, обслуживая одного бездельника. Помните, у Вл.Крупина, которого я почитаю, есть рассказ под названием «Пишут и пишут, и думают, что они работают...» Когда последняя беда с газетой случилась, чудом с первого раза дозвонился батюшке, а он сказал: «Они отписались за день и пошли домой, а ты должен всё время переживать — это твой крест». Примерно так. Я был очень зол на сотрудника и сначала сказал: «Я вынужден тебя наказать», а батюшка запретил, да я к тому времени и сам раздумал, только бушевал целый день, никак не мог успокоиться. Потом сказал виновному:

«Я накажу тебя тем, что не буду наказывать». Тогда он что-то почувствовал, как мне показалось...

Вы, наверное, правы, это несчастные дети последнего времени, они по-другому уже не могут, хотя я вижу, они стараются. За несколько лет тот же человек изменился, меньше показывает свою независимость, а я попускаю самостоятельность, да только неудачно в этот раз. Хочу и вынужден доверять серьезнейшие вещи; иногда у них получается, иногда — нет. Но один я уже не в состоянии, но мои приказы слушают беспрекословно, вернее, я даю им возможность обсудить, чтобы сознательно пришли к правильному решению или хотя бы разделить ответственность. Очень они не любят этой самой ответственности, хотя люди дисциплинированные.

Заканчиваю, а то у Вас работы навалом. Захотите написать письмо по-английски — милости просим, только отвечать буду по-нашему: забыл много, однако вдруг какая-нибудь фраза Диккенса по-английски выскочит из «Дэвида Копперфильда». Теперь так жалею, что был глуп и не смог закончить английскую филологию. Да что там! Глупостей наделал с Эверест. Но ведь тащил Господь через все грехи: знал ведь, и что газету мне делать, и книжки писать, и Вам стучать письма... Непостижимо! Ваш Александр Раков — «другая сестра» ...Конспирация...

25 декабря

Доброе утро, Александр Григорьевич!

Пишу две строчки, а остальное потом, ладно? Сейчас с утра работать надо. То, что Вы стихи всё время приводите в своих книгах, мне-то как раз нравится. А ещё мне нравится, что Вы знаете русский со словарем. То, что Ваши так работают безобразно, — черта времени. Сейчас никто, к сожалению, за редким исключением, не умеет тщательно работать. Какое-то тотальное повреждение человеческого существа. Кстати, ведь пишут, что нет сейчас здоровых людей, что 80 или более процентов женщин больны, откуда могут быть дети полноценные? У нас тоже молодые оставляют желать лучшего, так что придется Вам терпеть и всё проверять самому. Сейчас нельзя доверять, увы. Дело тут даже не в отдале, мне кажется, а именно в дефекте души, или личности, или не знаю чего. Результат многолетней атеистической жизни, вероятно. Дефект нации.

Про английский язык я потому спросила, что вдруг Вы знаете немецкий, ведь в наше время многие немецкий изучали. Извините, если это Вас, может быть, задело. Я люблю языки (хоть и не знаю толком ни одного) и иногда могу что-то вдруг употребить, до революции модно было вставлять словечки по-французски, а ныне

вот — английский превалирует. Так вот, чтоб безтактности не вышло.

Могу ли я судить о «духовной пользе для читателя»? Я ведь Вам пишу, разные красивые словеса, если бы жизнь по ним строить, а так — кимвал звучащий.

На этом свои две строчки кончаю, когда просят две строчки, то трудно отказать, а к ним, глядишь, и еще двадцать две прилепилось.

Ну, с Богом, храни Господь!

Ваша — «одна сестра».

«Одна сестра» — это у нас принято говорить, не называя имён. Ссылаются на высказывание или действие кого-то, обозначая его как «одна сестра». Всегда очень забавно слушать.

Так вот — Ваша «одна сестра».

25 декабря

Дорогая матушка! Сегодня после вчерашнего как выжатый лимон, хотя работал мало. Ликвидировали в редакции прорыв трубы с горячей водой, счастье, что компьютеры не залило. Да мелочи всякие. По дороге домой купил жене 5 прекрасных кремово-белых роз по случаю её дня рождения — за все мучения, что она переносит в совместной жизни. Еще духи «Шанель» №5. Так это же

я для себя купил — сам и выношаю. В Париже были в музее духов, но она ничего не купила. И, конечно, посетили собор Парижской Богоматери, но особого впечатления он не произвёл. Ваше суждение о людях, видимо, верное; как объяснить, что Господь спросит за нерадивую работу? С другой стороны, я и сам бываю нерадивым. Не случилось бы неприятности с газетой, если бы я нашёл в себе силы вычитать. А я сил не нашёл, точнее, не заставил себя

У собора Парижской Богоматери

преодолеть слабость. Ещё я заметил, что люди моложе не понимают и не принимают болезни и возраст за оправдания: нет у них такого опыта, не с чем сравнить. Поэтому они к моим жалобам равнодушны. Никогда нам не сделать газету, чтобы она была, как Господь хотел бы — все человеческие страсти и грехи придавливают. Я так хотел бы понять смысл событий! Хотя бы чуть-чуть... Понимаю, нельзя, бесполезно, я ведь чуть от духовного отца не ушел (писал Вам, да Вы не получили), все грехи его вспомнил и обида такая разгорелась, а ему ведь 77 лет... Это письмо внеочередное, но не такой

уж я обидчивый, если не пойму фразы на иностранном. К тому же, у меня масса справочников, разобрался бы при надобности. Сегодня в зарубежной «Православной Руси» прочитал лимерик на могиле ребенка:

*Don't weep for me, my parens dear,
As I'm not dead, but sleeping here.
I am not yours, but Christ alone,
Who loved me best and took me home.*

*Не плачьте обо мне,
Родители родные,
Лежу я на могильном дне
Не мёртв, но сплю отныне.*

*Господь один
Властитель мой,
Любил и взял домой.*

До скорой встречи в «эфире», дорогая «одна сестра».
Александр Раков.

25 декабря

Очень мне надпись надгробная понравилась, спасибо. Не могу тут же не откликнуться. Как просто и как глубоко, и как утешительно. А стихия на Вас всё обрушивается, даже трубы лопаются, вот ведь как врагу тошно от газеты Вашей!

А понимать человек только то чаще всего может, что сам испытал. Это действительно так. Здоровый и сильный никогда больного не поймёт. Это однозначно. Понимание приходит потом, когда сам делаешься немощным. Я вот прекрасно понимаю ту немощь, когда невозможно взять себя в руки и заставить что-то сделать. Вроде и не болен, вроде нормальный сидишь. А делать ничего не можешь. Парадокс. Так что Ваша немощь во многом мне знакома. И в отношении церкви, и в отношении молитвы. А от батюшки не уходите. Все люди, и батюшки тоже. И святые имели недостатки. Без недостатков только Господь. Недостатки попускаются, чтобы не было гордости, от которой истинная погибель происходит. А если человек немощь чувствует, то уж ничем не возгордится. Вот и попускает Господь каждому свои немощи, вот и изнемогаем. Кажется, иной раз даже гибнем, а это-то и в конечном итоге спасительно. Всё с ног на голову или с головы на ноги. В немощи — сила.

А у нас ветер, на всём белом свете. С ног сдувает, по горе катает, в дом не пускает. Я думаю иногда, что святые отличались от нас не полным отсутствием страстей или грехов, а верхним недосыгаемым уровнем. Они на такие высоты могли подниматься, что нам снизу и не разглядеть. Но грехи при этом, хотя и в зачаточном состоянии, или недостатки, лучше так скажем, оставались. И были они обычными на вид людьми. Так что

Вы своего батюшку не судите строго, он ведь старенький, немощный, но молитвой его Вы живёте, я уверена в этом. Ну, храни Вас Господь.

С любовью о Господе — «одна сестра». Так и буду теперь подписываться. До встреч!

7 января

*Господь милосерд.
Он смертельную муку смягчит.
Господь милосерд.
Он утешит в минуту печали.
И мёртвое сердце
Надеждою вновь зазвучит.
И очи слепые
Прозрят в голубиные дали.
Я знаю? я верю —
Никто на земле не забыт,
И самый последний,
Я самый презренный изгнанник
Не зря утирает
Горячие слезы с ланит —
Он будет услышан,
Он будет у Бога избранник.
м.Н.*

С ПРАЗДНИКОМ СВЕТЛЫМ РОЖДЕСТВА
ХРИСТОВА! ЗДОРОВЬЯ, РАДОСТИ О
РОДИВШЕМСЯ БОГОМЛАДЕНЦЕ ХРИСТЕ,
МИЛОСТИ И ПОМОЩИ БОЖИЕЙ ЖЕЛАЮ
ВАМ И ВАШИМ БЛИЗКИМ! ХРАНИ ГОСПОДЬ.

Достойная

В Пюхтице бываю раза два-три в год. И каждый раз, проходя по дорожке к собору, вижу коляску, с помощью которой болезненно полная пожилая монахиня медленно продвигается к ступеням храма. Мне очень хотелось познакомиться, но сразу не решился. И всё же схимонахиня Иона (Сопелкина) пригласила в гости.

Это было в 2005 году. Во второй приход я записал её рассказ на диктофон. Разговор матушка Иона начала так:

— Читала я одну вашу книжечку и нашла там просьбу молиться о упокоении души вашей мамы Веры. Вот и молюсь теперь, и в помянник её записала. А как записала? — не просто так, а Господь направил. Я ведь

сперва и не думала, что буду записывать: думала, что просто помолюсь о ней. Но вот взяла помянник, стала его листать и — что такое! — не вижу там имени своей бабушки. Неужели я бабушку в помянник не внесла?! А бабушку у меня тоже Верой звали. Вот я и записала её — рабу Божию Веру. В другой раз снова листаю помянник и вижу: бабушка-то у меня давно записана, но на другой странице, просто я проглядела эту запись. Выходит, у меня теперь две Веры в помяннике. Вот и получилось, что одна-то — бабушка моя, а другая — ваша мама! Вот, как интересно вышло!

— **Спаси Господи, матушка!.. Расскажите немного о себе.**

— Я человек деревенский, жила в Орловской области. Семья наша большая — всего было одиннадцать детей, да поумирали все в детстве, осталось пятеро. Тогда-то мама и стала молиться, чтобы не рождались больше дети. Во-первых, измучилась она хоронить; а во-вторых, такая ещё причина была: не хотела она получать пособие за многодетность. Говорила: почему это, мол, за моих детей деньги мне будут платить? Выкупить их у меня хотят, что ли? А крестили меня сразу, как родилась. Долго не могли договориться, как называть меня: семья большая, у всех свое мнение. Решили так: пусть батюшка сам назовет, по Святцам. Принесли

меня в храм. А был праздник Воздвижения Честного Животворящего Креста. Батюшка говорит: «Назовем Еленой!» — «Почему? Ведь нет на сегодня такого имени в Святцах!» — «А кто Крест-то нашел? Царица Елена!» Так и окрестили.

— **Так значит, семья ваша церковная была?**

— Да, церковная! Мама в Бога верила и в церковь любила ходить. И меня водила. Я родилась в 1930 году, и не помню, как мы до войны в храм ходили. И самого храма не помню. Запомнилась мне только большая картина, нарисованная на стене: Христос благословляет детей. Когда вернулись в родную деревню из эвакуации, смотрим: храм разрушенный стоит, а та стена, на которой моя любимая картина была, — уцелела! Вот ещё что вспомнила: году в 43-м, в эвакуации, у нас тоже церковь была. И что меня удивляло: придёшь в храм, там женщины часы читают. Мне говорят: садись, девочка! А одна из женщин: «Нет, ты иди погуляй! Когда петь начнём, тогда и придёшь». Я погуляю, потом приду — пою со всеми. Начинают читать заздравные записки, — она опять: «Иди, девочка, на улицу! Попозже придёшь». Что, думаю, эта тётя меня из церкви гонит? А потом она и объяснила всё: «Нельзя, чтобы дети в церкви скучали! Они потом не будут службу любить!» А мама моя... Она и сама молиться любила, и нас приучала. Мне в школе

очень нравились книги про войну: про битвы, про подвиги. Мама посмотрит, что я читаю, и скажет: «Ну чем ты голову забиваешь? Евангелие бы почитала!» Я и начала читать Евангелие — по три главки в день. И как же это мне помогло! Я на уроках отвечала плохо: всё выучу, всё знаю, а отвечать боюсь — встану и молчу. А как начала Евангелие читать — всё сразу переменялось: просто как оратор стала говорить!

— **Как же вы в монастырь-то пришли, матушка?**

— Это, если с самого начала рассказывать, то вот какая история. Как-то на Троицу собралась идти в церковь — за 35 километров от нашей деревни. Отпросилась у родителей, пошла. Прихожу — солнце уже село, служба давно кончилась. Ну, думаю, останусь на Духов день, только бы найти, где переночевать. Подхожу к одной тетеньке в храме: «Можно мне у вас остановиться?» — «Нет, нельзя!» Постояла-постояла, высмотрела другую женщину: «Пустите переночевать!..» — «Нет, не могу!» Ещё постояла, в третий раз стала проситься у кого-то: «Тетенька, не пустите ли на ночь?» И тут женщина эта поворачивается ко мне: «Ну, девочка! Видно воля Божья, чтобы ты у меня ночевала. Ведь ты в третий раз ко мне просишься!» Вот как! Выходит, я в полутёмном храме все три раза к одной и той же тётке подходила! Думала я поговорить с ней, чтобы она что-

то полезное мне рассказала о вере, о церкви, но вышло немного иначе. Она поставила меня читать Псалтирь, а сама говорит: «Завтра надо в Достойную церковь сходить!» («Достойная» — так матушка называет икону Божией Матери «Достойно Есть»). «Надо, — говорит, — к Достойной сходить!» И эти её слова мне в память запали, а вскоре вышло так, что они оказались пророческими. Несколько лет спустя, когда я уже в Ростове-на-Дону жила, мама прислала мне Достойную икону с таким письмом: «Вот, посылаю тебе икону: благословение, если замуж соберёшься. Ты замуж-то выйдешь или нет?» Я ей отвечаю: «За икону — спаси Господи, а замуж я и не думаю!» И получив Достойную, я очень быстро, почти без затруднений пришла в монастырь. Вот так-то! Достойной иконой, думаю я, замуж не благословляют: эта икона афонская, монашеская, с нею — путь в монастырь. А впервые мне этот путь указала та женщина, которая сказала: «Надо к Достойной идти!»

— **Вы сразу в Пюхтицу попали?**

— Да, сразу. Как благословил меня сюда владыка Вениамин (Федченков), так я с тех пор и здесь. Старица у меня была — мать Варсонофия, схимница, экономка. Она мне всегда говорила: запомни день своего пострига, и всегда молитвенно отмечай его. А мой день пострига — на Троицу. Но Троица — праздник переходящий, значит,

надо по святым запоминать. А святые в тот день праздновались Варфоломей и Варнава, и — Достойная икона!

— **Это в каком же году было?**

— В 1955-м.

— Так значит, недавно 50 лет исполнилось, как вы в монашестве? Примите, матушка, наши запоздалые поздравления! Но вы начали говорить о своей старице. Расскажите, чему она вас учила, поделитесь её духовным опытом.

— Чему она учила? Ну вот её совет — когда одеваешься, про себя говори: «Ризу светлую подаждь мне, Господи!» И сама она всегда так делала. А вообще-то она учила больше примером своим. Пример она очень хороший давала. При ней у нас висело полотенце, чтобы все вытирали руки. И я обратила внимание: два дня висит полотенце, потом уже меняется другим, опять висит чистое. Я и думаю: кто же полотенце стирает? Как-то пришла с послушания пораньше и вижу: мать сама и стирает!.. А когда она умерла и полотенца не стало — некому было его стирать. Однажды я своей стиркой занялась. У меня была юбка рабочая — от грязи, как лакированная! Я её намыливаю, а к ней и мыло не пристаёт. Ну, отложила её в сторону. Потом прихожу, смотрю — юбка-то чистая! Я у матери с глазу на глаз спрашиваю: ты юбку мою постирала? — «Ну, так не грязной же её оставлять!»

— **Она строгая была?**

— Строгая! Она всех ругала! Меня как привели на кухню-то в первый раз, а мне повариха говорит: «Ну и будет тебе попадать от мать Варнавы!» Я думаю: «Ну и что?.. Провинюсь, так попадёт. Это как награда». Походит сколько-то времени, повариха мне: «Ишь ты какая: тебя и мать Варнава не ругает!» А она и вправду никогда меня не ругала.

— **Значит, послушничали хорошо!**

— Я б не сказала! Просто мне жалко было кухонных наших работниц: они встают очень рано, ложатся поздно, и всё время работают без отдыха, на совесть. И мне хотелось облегчить их труд.

— **Я сегодня от одной монахини слышал фразу: «Раньше было послушание Богу, а сейчас у нас в монастыре дисциплина». Правда это или нет?**

— Я считаю: и тогда было послушание, и теперь послушание. Но как кто к нему относится! Я вот тоже слышала, когда впервые попала в монастырь: «В монастыре теперь, как в миру, а в миру, как в аду». А я и в монастыре живу как в монастыре, и когда в миру жила, так не видела там ада никакого.

— **А всё же, матушка, 50 лет — срок огромный, по сути, вся человеческая жизнь. Как вы считаете — только честно! — лучше стала духовная жизнь в монастыре или нет?**

— Видите, тогда попроще была жизнь. А теперь, как это сказать, — комфорту больше. Но, с другой стороны, раньше работали до 6 часов вечера, а как закончится работа, так все идут в церковь или на ужин — кто как может. А сейчас и до девяти, и до десяти, и до одиннадцати работают.

— **Сестры не жаловались мне прямо, но я слышал разговоры, что непосильно тяжело стало физически. Ведь монах должен молиться в первую очередь, а всё забито работой, работой, работой. Может быть, это не совсем правильно?**

- Я так считаю ещё: которые молятся на послушании, тем лучше. Легче им. А которые глядят на часы: скоро ли обед, да скоро ли чай? Я вот слышала такое. Одна сестра говорит батюшке: «Батюшка, у нас было две бригады, мы косили сено. Одни косили и в праздники, в церковь не ходили. А у нас в бригаде мало было народу, и мы в праздник не работали — ходили в церковь, молились. А когда начали убирать, у нас сена оказалось больше, чем у них».

— **Матушка! Я не спрашиваю, где легче спастись: в миру или в монастыре, но всё же, монастырь — хоть и очень тяжёлая здесь жизнь, — но он ближе к небу.**

— Конечно! Я бы сказала: в монастыре легче спастись, чем в миру. Ведь и апостол пишет, что замужние дума-

ют о муже, а незамужние думают, как Господу угодить. Это одно. Второе: и в Евангелии Господь говорит, что иго Его благо и бремя Его легко. Тяжело в монастыре — надо и помолиться, надо и дело делать, но владыка Вениамин сколько раз говаривал: не сравниешь плохую лошадь с хорошим ослом — хоть плохая лошадь, а всё равно больше довезёт, нежели хороший осёл. Так не сравниешь и плохого монаха с хорошим мирянином.

— **А вы с владыкой Вениамином часто разговаривали?**

— Да нет. В храме его видела часто — вот и всё. Однажды, когда я была ещё послушницей, одна наша мать собралась к владыке и говорит мне: «Напиши ему письмо!» Я, конечно, не написала, а про себя подумала: вот бы матушка рассказала владыке обо мне, какая я хорошая, какая смиренная, молитвенная. Вот возвращается матушка — и привозит мне письмо от Владыки! И первым долгом там написано: «Радуюсь, что вы в святой обители! Хорошая послушница отличается только безотказным послушанием и молитвой — хотя бы молиться ей приходилось во время работы».

— **Матушка, что бы вы сказали тем девушкам, которые собираются идти в монастырь?**

— Пускай молятся св. благоверной княгине Анне Кашинской. Я когда ходила в собор в Ростове-на-Дону,

там одна женщина дала мне почитать её житие. А в конце книги было написано: желающие поступить в монастырь должны Анне Кашинской молиться. Я молилась и очень быстро стала монахиней.

— А вы никуда не уезжали отсюда в паломничество?

— Нет, никогда! Но вот я вам расскажу про паломничество, которое совершила одна моя родственница изпод Курска. Ей было лет пятнадцать, и она решила вместе со старушками отправиться в Курск к иконе Матери Божией «Коренная», — это было ещё до революции. Но накануне у неё заболела нога, и она не пошла. Нога болела целый год. На следующий год старушки снова собираются. Она говорит: «Теперь, нога, как хочешь, а я пойду!» И пошла. Первый день отставала от бабушек: идёт, ковыляет, отстаёт. Бабушки забегают вперед, сидят, отдохнут, а когда она подоспеет, они встают: «Ну, теперь пойдём!» На следующий день ей уже легче стало, сама начала вперед забегать. В общем, пока она туда шла, у нее нога вылечилась.

— Матушка, вот я вижу на вашей полочке книги, брошюры. Значит, вы всё же читаете... Я вот мирянин, хотя и редактор православных газет, и пишу книжки. Но иногда меня упрекают: имею ли право, — я, грешный мирянин, — назидать людей. Меня это смущает немножко.

— Это вас смущает, я бы сказала, лукавый. Как нам святые отцы говорят: сейте, сейте! На доброй земле сейте, на камне сейте, при дороге сейте — авось что-нибудь да прозябнет. Так что, сей!

— **Теперь я пожалуюсь: страдаю много лет бессонницей. Всех врачей обошел, и никто не знает, что делать. Лекарства глотаю.**

— А я два яйца приготовила тебе: голову намажу ими — и всё пройдет.

— **Это вы мне однажды советовали. Я не решился.**

— Очень жалко. А вот вспоминаю одну нашу матушку — Царство ей Небесное! Как-то прихожу к ней, а она говорит: «У меня в голове целая фабрика: молотки стучат, моторы гудят!..» Один день так жаловалась, второй день, а потом её очень скоро парализовало. Теперь я, когда у меня голова шумит, молотки стучат и моторы гудят, я разбиваю яйцо, намазываю себе белок и желток, посолив прежде. Это хорошее средство. Оно от многих болезней помогает — и от опухолей, и от ран.

— **Вот ещё вопрос, — даже неловко его задавать. У меня с молитвенным правилом дело совсем плохо обстоит. Утром я ещё читаю, а вечером очень трудно могу на молитву встать. И знаю, что это постыдно, что это нехорошо, а всё равно... Как тут быть?**

— Так поэтому у вас и сон плохой. Я как-то приехала к матери в гости. Приходит соседка и ко мне: «Переночуй у меня! У меня сон очень плохой, — всю ночь маюсь. Я одна живу, я тебя угощу и накормлю, только побудь со мною ночью!» Ну, уговорила. Прихожу к ней — она меня спать укладывает, а сама бежит по дому. А мне надо правило прочитать. Я начинаю молиться. Она: «Ты читай, а я буду слушать на кровати!» — «Ну, лежи, слушай!» Не знаю, наверное, только половину правила я успела прочесть, как она уснула и спала всю ночь. Так что пускай жена читает вечером молитвы, а ты лежи, слушай и засыпай.

19.09.2005

Схимонахиня Иона (Сопелкина) отошла ко Господу
9 октября 2005 года во сне. Вечная память!

«...Когда монах плачет»

На Крещение Господне исполнилось 35 лет игуменского служения м.Варвары — настоятельницы Пюхтицкого Свято-Успенского женского монастыря в Эстонии. На Светлой Седмнице редактору Александру РАКОВУ посчастливилось задать матушке несколько вопросов.

— Матушка, игуменское служение скрыто от посторонних глаз. Расскажите, пожалуйста, о вашем пути, обязанностях игуменнии.

— В монастыре я живу уже больше полувека, а поступила в 1952 году. Это было очень тяжёлое послевоенное время, и сюда шли как на подвиг. Не было ни машин, ни тракторов, делать всё приходилось своими руками, а питание было очень скудное. Но мы не жаловались. Я сразу же подружилась с сестрой Георгией, с которой мы 40 лет прожили в этом монастыре. Сейчас она игуменствует в Иерусалиме. Нас вместе поставили в одну чреду петь, и на всех других послушаниях мы

были вместе. В 1958 году меня постригли в мантию. А уже в 1968 году Святейший Патриарх Алексий I (Симанский) назначил меня настоятельницей. Я была не подготовленной к этому, никогда не было даже мыслей, что такое возможно и на меня будет возложено столь ответственное и тяжёлое послушание, сами понимаете, — женский монастырь, расшатанное хозяйство. Но у нас был, слава Богу, очень сильный покровитель, нынешний Патриарх Алексий II, а в 1961 году его назначили нашим епископом. В Пюхтицу он приезжал ещё ребёнком, со своими родителями, наблюдал, как сестры работают: косят траву, жнут, сеют, картофель сажают, дрова, воду на себе носят... Тогда электричества, водопровода, отопления центрального ещё не было. И вот, став епископом, он сказал: «Матушка, надо приниматься за ремонт». И завертелось. Рабочие заново перекрыли крыши соборов, храмов, домиков, провели отопление. Постепенно всё наладилось с его помощью. Спаси его, Господи! И до сегодняшнего дня он помогает нам. Только раньше приезжал чаще, следил за работами, во все вникал, давал указания, советы. С этой стороны моё служение было лёгким. С внутренней монастырской жизнью было потрудней: сто с лишним женских характеров — это нелегко, но с Божией помощью всё получилось. И вот уже 35 лет моего игумен-

ства пролетели. Нынче, бывает, и приболею, диабет у меня, но всё нужно потерпеть, нужно смиряться.

— А что вы говорите насельнице, когда она впервые переступает порог Обители? Поделитесь своими педагогическими секретами.

— Да какая педагогика... Что я, грешный человек, могу сказать от себя?.. Я привожу новоначальной слова игумении Таисии Леушинской: «С чего начать? С любви! Не думай, что ты в монастырь пришла и сейчас же здесь обретёшь Царство Небесное. Царство Небесное — внутри нас. Как будешь жить, как себя поставишь, так всё и образуется. А начни с любви — всех люби одинаково». Это — первое и главное, а уж потом появится и смирение, и послушание, и кротость, и прочее. И ещё говорю: «Ты пришла в обитель Царицы Небесной. Сегодня игумения я, седьмая уже за 112 лет нашего бытия, завтра будет кто-то из вас. Но помни, ты пришла служить Божией Матери. К Ней обращай за помощью: Она такая милостивая и всегда и во всём помогает. Мы все на себе это испытали». И я не беспокоюсь за новеньких: старшие монахини их встречают с любовью, всё им показывают, учат пению, чтению, рукоделию, работе в полях и на скотном дворе. Так учили и меня когда-то. Я ведь когда пришла в Обитель, не умела ни косить, ни жать, ни

бороновать, ни колоть дрова... А когда меня матушка спросила: «Валя, а что ж ты можешь делать?» Ответила: «Матушка, я на кухне могу работать, но если мне расскажут и покажут — я всё буду делать». Меня все-му научили.

— **Я наблюдал за вашими послушницами — какие радостные лица! И это неподдельная радость. Им нравится в монастыре.**

— Я вот и сама наблюдаю, они не только чисто приберут тот же храм, но с любовью протрут каждую половицу, каждую капельку воска отскребут с терпением. И это касается любого послушания. Одна любит рукодельничать и пальчики у нее такие ловкие, иголка так и играет в руках, другая говорит: «Матушка, мне только иголку в руки не надо, я копать буду и цветы сажать, и на огороде работать». Я не ломаю характеры, каждой даю послушание по способностям. Приходят к нам и с высшим образованием, работают в монастырской библиотеке. У нас на каждое послушание есть сестры по специальностям. И послушание для всех в радость, потому что послушание в монастыре — это та же молитва.

— **Матушка, слышал, что в монастырях обычно проходят целую систему послушаний: в пекарне, через год — в поле и так далее...**

— И у нас так. Приходит новенькая и начинает с более тяжёлого послушания. Например, на скотный двор отправляю. Ведь городские девочки и корову-то в глаза не видели, с какой стороны к ней подойти, не знают. Но тем более им интересно. Труд это тяжёлый и грязный: надо накормить-напоить коровушку, и навоз убрать, и соломки чистой подтрусить. И на конюшне работают, и на кухне... Постепенно формируется характер: ты уже видишь человека, что он к послушаниям относится, как к молитве. Так во всех монастырях: начинают со скотного, с кухни. В кухне тоже тяжело: надо каждый день трижды накормить монахинь, послушниц, паломников. Паломники удивляются: «Как же так, матушка, у нас дома суп с мясом, да не такой вкусный, как ваш постный». Они правы. Вкусно сестры готовят, потому что с любовью и молитвой.

— **А ласково как потчуют, как родных. Матушка Назария не молодая, а всё расторопно делает да с улыбкой. Люди ведь к вам сюда за ласкою едут из того ожесточённого мира.**

— Верно. Даже одно слово доброты и ласки душу отогревает. И я говорю: «Сестры, вы знаете, какой у нас монастырь: Матерь Божия явилась здесь, чтобы облегчение было русским людям, вот и устроилась трудами о.Иоанна Кронштадтского наша Обитель.

Посмотрите, какие к нам приезжают люди — истерзанные судьбой, измученные, все едут с горями, мало кто с радостями. Надо их утешить». Людям не много надо — участливое слово, и они уезжают со слезами благодарности и радости, говорят: «Дай Бог, чтобы Мать Божия сподобила нас вновь приехать в этот рай земной».

— **Мужские и женские монастыри разнятся. Вот Псково-Печерский мужской монастырь — как благодатно там, прибрано с любовью, монахи служат дерзновенно, а святых сколько было! Но от Пюхтицы отличается. Может быть, женское сердце тоньше молится?**

— Женская натура понежнее немножко, и женская рука сразу видна во всем. Как женскую натуру ни прячь под чёрную мантию, она всё равно проявится. А Псково-Печерский монастырь я очень люблю, я еще отца Симеона (Желнина), которого сейчас прославили, помню, четыре раза была у него. В 1952 году, как поступила, он меня спросил: «Девочка, а ты сколько живешь в монастыре?» Я с радостью: «Батюшка, уже четыре месяца!» Он заулыбался: «Целых четыре месяца! У-у-у, ещё до мантии доживешь». А мне тогда 22 года было, до мантии-то далеко. Уж такой был батюшка — простой, светлый, такое хорошее было у

него лицо, доброе. Как будто сейчас его вижу... И отца Иоанна (Крестьянкина) люблю. Давно его знаю, уже более 40 лет. И никогда не иссякнет старчество на Руси. Посмотрите, сколько их у нас: прп. Серафим Вырицкий, отец Николай Гурьянов, ваш духовник — отец Иоанн Миронов. Много у нас старцев и чудных батюшек, не всех мы и знаем.

— **Матушка, кое-кто считает, что в монастыре легче спастись...**

— Оттого, что внутренняя монашеская жизнь сокрыта. Есть пословица: «Видят монаха, когда он скачет, но не видят, когда монах плачет». А монах в сокровенной своей жизни столько молится! Сколько он плачет! Сколько кается в своих недостатках! Ведь приходит человек в монастырь со своими слабостями, но прожив в монастыре 40-50 лет, монах уже насквозь видит и себя, и другого. Монастырская жизнь тяжёлая. Это — забота о спасении, своём и всего мира. Об этом и молятся в монастырях.

Часто люди говорят: «Ой, матушка, я такая грешная». Утешаю: «А я что, святая? Да я, может быть, грешнее тебя, родная моя». Удивляются: «Почему, матушка, вы так говорите?» «А потому, — отвечаю, — что, может быть, вы делом грешите, а я в мыслях. Мелькнёт мысль, и вот я уже согрешила. А у Господа

что мысль, что дело — одно и то же». Глядишь, люди успокаиваются.

— Это к кому-то из старцев Оптинских пришла женщина каяться и говорит: «Батюшка, я во всем грешна» — и плачет. Батюшка удивился: «Что, и лошадей крала?» «Нет», — удивилась та. «А что же говоришь, что во всем грешна?», — улыбнулся батюшка.

— И так бывает. А ещё некоторые миряне пытаются устроить монастырь у себя дома, но получается карикатура или трагедия. А надо жить просто, как Господь показывает. Есть у тебя призвание — иди в монастырь. Чего бояться? В миру — работа, у нас — послушание. Даже старенькие монахини исполняют посильное послушание. Что делают? Шепчут безпрестано: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную», а сами в это время картошечку чистят. А картошечки-то начистить гору надо: на 172 своих сестер-монахинь да ещё на паломников. Попробуй-ка! А ведь у них и болезни всякие, у кого сердце слабое, у кого печень больная. Но исполняют послушание по силам своим... А у нас ещё ведь Неусыпаемая Псалтирь читается день и ночь, каждые два часа сменяются чтецы. Уже заря, уже закончилась служба, а Псалтирь у нас не кончается... А сколько подают синодиков, записочек за здравие, за упокой. Всё мы добросовест-

но читаем. А если умирает наша послушница или монахиня, мы читаем ночью над ней Псалтирь в храме. Всё предусмотрено монашеским укладом.

— **В Серафимо-Дивеевской летописи есть фраза, которая звучит примерно так: сестры умирали спокойной, знали, — отмолят.**

— Я вот тоже наблюдаю, когда монахини или послушницы умирают... как же они хорошо умирают! Вот монахиня, скажем, заболела, болеет, её причащают, и вот уже наступает кончина. Приходишь, смотришь, — монахиня только причастилась, ещё благодарственную молитву читают, а она улыбается, ручки складывает, вздох — и конец. Я тогда говорю новеньким насельницам: «Видите?» — «Видим». «Но чтобы достичь такой благодати, такой чистоты, надо поработать, исполняя послушание, и надо очень много трудиться над своей душой. Ведь мирную смерть ещё заслужить надо». И многие монахини её заслуживают. Своими молитвами, послушанием. Ведь как бывает порой — непогода, а надо куда-то идти, что-то делать. Я сама была новенькой, помню, матушка говорит: «Валя, надо идти на просо», или: «Сегодня я назначаю тебя благочинной на кухню». А я в ответ только: «Благословите, матушка». Когда всё делается со смирением, терпением и кротостью, — как хорошо быть послушницей!..

— И всё же уходят из Обители? Монашеское служение дано не каждому. Какие слова вы говорите покидающей монастырь насельнице?

— Бывает. Был даже случай, когда насельница (не монахиня) от нас ушла и замуж вышла. Осуждать её нельзя. Уйти не зазорно. Господь предоставляет человеку свободу выбора, а не так, что если пришла в монастырь, значит, должна остаться... И ещё, и я, и старые монахини заметили, что кого Матерь Божия избирает Себе на служение, — тот, как бы тяжело ни было, никогда не уйдет. И я всегда говорю вновь поступившим: «Проверьте себя. В монастыре надо отсечь свою собственную волю и исполнять любое послушание с радостью и молитвой. А начнешь роптать — всё погубишь». Та послушница сказала: «Матушка, я себя проверила, не моё это. Благословите вернуться домой». Я благословила... Многие потом приезжают сюда за советом или как паломницы. Часто с семьями своими приезжают. Мы всем рады, всем стараемся помочь.

— Матушка, 10 лет уж я редакторствую, так тяжело порой бывает, устал. А отец Иоанн Миронов говорит: — Еще 10 лет поработаешь.

— И я скажу тоже: — Трудитесь. А сила найдется, Господь поможет. Трудно будет — молитесь. А чита-

телям совету: «Читайте больше «Православный Санкт-Петербург» — очень нужная газета, многому научить может. Я с нетерпением жду каждый новый номер и нахожу в ней для себя много полезного.

Нынешний март выдался снежным, и насельницы часами не выпускают из рук лопаты, борясь со снежной напастью. Летом Пюхтицкий монастырь похож на рай — от обилия ухоженной зелени и благоухающих цветов. Но и зимой монастырь прекрасен; белое покрывало сделало его чуть строже, да знаменитые «стога» дров надели белые шапки. Но даже зима не в силах скрыть женскую природу Обители: так тщательно вычищать дорожки могут только монахини, и даже сугробы получаются одинаковой высоты. Первым делом захожу в дом матушки игумении Варвары — передать подарки, выпросить время для интервью. Знакомая келейница матушки, Филарета, встретила приветливо,

Пюхтицкая святая вода

словно только тебя и дожидалась последние полтора года. Среди прочих подарков выкладываю вилку — единственный предмет, сохранившийся у меня от бабушкиного семейного серебра.

— А Вам не жалко, Александр Григорьевич? — участливо спрашивает келейница.

— А помните, матушка, как в «Поднятой целине» Шолохова Кондрат Майданников с кровью выдирал из сердца родную корову для колхоза? — сострил посетитель.

М. Филарета рассмеялась, и подарок был благосклонно принят. Матушке Игумении нездоровилось, и я поспешил откланяться.

Я брёл по снежной дорожке и думал: «Ведь не признался келейнице, что собирался привезти ещё серебряный стаканчик, но так и не нашёл в себе сил с ним расстаться...»

Лет 10 езжу сюда, в Пюхтицу. Надолго не получается, обычно это 2-3 паломнических дня, но за эти годы я незаметно сросся с монастырём, он стал для меня родным. Хорошо приезжать в монастырь, где тебя знают и любят! Заходишь в церковную лавку — и матушка Олимпиада распаивает в улыбке лицо; идёшь в гостиницу — и м. Назария встречает у порога и спрашивает о здоровье супруги; м. Иннокентия

расстраивается, что из-за простуды не может со мной поговорить. Чудные, чудные люди! Даже огромные пушистые коты с противными скрипучими голосами Лиска и Дымка — мои старые знакомцы.

В окно моей кельи глядит нарядный Успенский собор из красно-жёлтого кирпича с зелёными луковками куполов. Если долго смотреть на него на фоне белого неба, то в снежной позёмке вдруг видишь, как собор медленно отрывается от земли и устремляется ввысь.

Долгие монастырские службы среди намоленных икон, неспешная исповедь, пока не выговоришься до доньшка, пламенная молитва отца Димитрия на литургии, заботливые матушки, усаживающие отдохнуть в нужных местах, бой настенных часов — и тихое облако покоя и умиротворения окутывает душу. Господи, благослови сделать здесь кущу!

Время неумолимо — надо возвращаться в суету жизни. Нагруженные подарками, святой водой, переполненные впечатлениями, в сопровождении сестер садимся в автобус. Я непременно вернусь сюда, Мать Божия, в Твою Обитель.

Не расплескать тишины

Дорогая матушка Игуменья Варвара!

Так захотелось выразить Вам свою любовь, и сердчишко прыгает, требует, и за внимание ко мне грешному, и за ответы на глупые вопросы интервью, и за смиренное терпение болезной Вашей болезни, и за неподдельный интерес к чужим жизням.

А что могу я, неумеха, кроме как взять чистый лист бумаги и испачкать его чёрными буквами? Другому в жизни не научился.

Ну, давай, автобус, трудись колесами, вези нас в Иыхви!.. Нет, ожидать местного полтора часа выше сил человеческих, а для такси 22 километра — время пустячное.

Здравствуй, родная! Не родился ещё тот писатель, способный описать тишину Пюхтицы. Такая она густая, напоенная хвоей и молитвой, и работой женской, посильной только для Богом призванных. Она так нужна людям — эта тишина целительная, лежащая на

Обители. Ты ещё только первый шаг в монастырь — а уже иной мир, и Матерь Божия с любовью принимает тебя, и душа устраивается поудобнее — наконец-то в родное место привели.

Тихо становится внутри, а неугомонная совесть, наоборот, слышнее всё громче. Ты бы замолчала, совесть, — всего меня извела за долгую неприкайнную жизнь. Дай насладиться тишиной души и тела. Но нет, не уговорить её уговорами. И гонит она тебя, совесть колючая, в родной Дом под епитрахиль батюшки — тишину заслуживать.

А когда выскребешь грязь до последнего скребочка, когда вместо слов — только слезы чистые, раскаянные, да если сподобит Господь принять Страшное Таинство Тела и Крови, — как раз тут она и наступает — та тишина долгожданная, которую ты на время заслужил. Но не родился еще тот писатель, способный описать благорастворенность в тебе тишины Пюхтицы.

А я, раб неключимый, тихо ступаю по святой пюхтицкой земле и слушаю тишину, которая во мне и во круг. Только бы не расплескать...

— Матушка, монахи не любят говорить о монашестве, считая, что понять их может только инок. Однако, интерес мирян к монашескому деланию не стихает... Почему так получается?

— Потому, что мир заинтересован в монастырях. Вот, Дивеево возьмём. Ведь туда едут и едут, — за милостью, за помощью, за исцелением... И получают просимое, и, конечно, хотят побольше узнать о своем благодетеле, о преподобном Серафиме, о его жизненном пути, о том, как можно на этом пути достичь святости. Прикоснуться к этой святости хотят — осязаемо, приложившись к святым мощам... И я этому стремлению, этому интересу очень и очень сочувствую.

— **Да вы не только сочувствуете, вы, слава Богу, и делаете всё, чтобы напитать мирян монастырской святостью...**

— Дорогой Александр Григорьевич! Я не говорю про нашу Обитель. Монастырь у нас хороший, потому что управляет им Царица Небесная, а людишки-то мы плохонькие — ничем не лучше прочих... Иные из наших паломников начинают неумеренно восторгаться: «Да вы тут все святые! Вы, матушка, святая!..» Это я-то святая?! Извините! Да, я в живу не в миру, и многое из того, что мирянам простительно, не могу себе позволить. Но мысли! Но помыслы грешные! Перед Богом — и дурной помысл, и дурное дело равно грешны. И я говорю: «Да! Перед Богом все мы одинаково грешны!»

— **Один иеромонах пишет: «Мода бывает на всё, в том числе и на монашество».** Но мода как приходит,

так и уходит... А как быть человеку, попавшему в монастырь под влиянием моды?

— А знаете, в нашем монастыре я что-то не замечала подобного. Я ведь внимательно наблюдаю за своими, но «монахинь по моде» среди них не вижу... Может быть, дело в том, что жизнь у нас очень простая, далёкая от модных поветрий: деревенская жизнь, на земле.

— Или потому, что работы здесь много...

— Очень много. Надо и вспахать, и пробороновать, и посеять... Представьте себе: на одном только кладбище высаживаем по три тысячи цветов! Каждую могилочку нужно привести в порядок, землю на ней держать в должном состоянии, и хоть бархотки, да посадить на каждую. Это очень кропотливый труд. И по моим наблюдениям, нашим сестрам не до моды...

— Но, матушка, — когда приходит молоденькая девочка, она видит монастырскую жизнь совсем в другом свете...

— Да, в полной мере монастырскую жизнь она ещё не представляет, но труд-то сестринский она всё-таки видит! Видит, как мы живём в кельях... Зимой нам полегче, но вот весна начинается — и с утра до вечера, с утра до вечера работа! Конечно, есть очередные, которые поют на клиросе, но остальные — трудятся и трудятся! Я сама была новенькой — 53 года назад, и

помню, как мне доставалось! Вернёшься с работы — не знаешь, куда руки деть от боли. А когда сенокос начался — я же косы не умела держать в руках! Но накосишься так, что — ой, мамушка!

— **Матушка, кто лучше приживается в монастыре — сельские люди или городские?**

— Больше крестьянские, те, кого родители с детства приучили к земле. Городским много тяжелее. И даже не потому, что они избалованы, вовсе нет, — а просто жизнь сейчас такая. Они животных и не видели: лошадку, коровку, — не знают, с какой стороны и подойти к ним. И как осуждать таких! Не надо осуждать: в городе свои трудности, но от земли они очень далеки, и приживаться им в нашем монастыре много тяжелее.

— **Но все же я замечаю — вы стараетесь и городских, образованных людей к себе привлекать. Ценятся у вас люди со знанием языка, те, кто способны вести научную работу в музее...**

— А иначе нельзя. Девочка, которая только на земле работает, — она и душу может иметь прекрасную, и опыт духовный, а вот поделиться своим сокровищем с другими — это не получается. А образованная — она и экскурсию составит, к ней и люди тянутся, вопросы задают и ответы получают. Это совсем другое дело. Есть у нас мать Тихона — она великолепно знает ан-

глийский и французский, а ведь к нам всё время иностранцы идут! Сейчас она не в монастыре — у мамы живёт. Мама овдовела, осталась одна, а ей 80 лет... Я и говорю матери Тихоне: «Иди, поживи с мамой!» Но это к слову, а что касается знания языков, то у нас это очень приветствуется. В обители живут сестры одиннадцати национальностей: русские, украинки, белоруски, чувашки, марийки, мордовки, эстонки, латышки... И всем я говорю: «Сестры! Не забывайте свой язык!» Вот приезжает группа эстонцев: «Матушка, нам бы экскурсию на эстонском!» — «Найдём!» А знаете, как на родном языке любой рассказ становится понятным и простым! Потом благодарят: «Ну, и экскурсия! Замечательно!»

— **Матушка, незапланированный вопрос. Вот придёт черед новой игуменьи... Рано или поздно, это наступит. Но что же станет с наработанным многими десятилетиями опытом игуменского труда? Ведь всё, о чем вы сейчас говорили, можно одним махом разрушить...**

— Нет, Александр Григорьевич, я верю, что будет продолжение. Верю! И знаете, почему? Потому что хозяйка у нас — не игуменья, хозяйка наша — Сама Матерь Божия. Она свою Обитель содержит так, как это Ей угодно. Так что продолжение будет.

— Уже цитированный мною монах утверждает, что если раньше было монашество в миру, то теперь появились миряне в монашестве. Так ли это?

— Вообще-то, монашество в миру сейчас не признаётся. И зачем оно? В миру и так можно очень праведно жить. Трудно, но можно. Прикладывать к мирской праведности монашеские обеты, я думаю, излишне. Как часто слышишь: «Мою маму постригли в схиму!» Мама больна, от немощи уже не понимает ничего, а её в схиму постригли. В нашем монастыре живут всего четыре схимницы, и я не спешу каждую пожилую инокиню сделать схимницей: это требует совершенно особой подготовки. Труд послушания нельзя воспринять теоретически, его надо испытать на своей шкуре. Пусть это грубое слово, но правдивое! У нас есть схимонахиня Надежда, — ей уже более 80 лет. Она пришла сюда в 40-м году. Чего она только не пережила! Была худенькая девчушка из Печерского края, и грузила мешки с зерном, — мне известно, чего стоит такая работа: я и сама их грузила. Нет, путь послушания надо пройти своими ногами, нужно понять, что такое отсечение воли. Это трудно? Это очень трудно, но что с того? — мы сюда на подвиг идём! И подвиг этот длится десятилетия. А кого сейчас постригают в миру? Была тетя Катя, да разом стала схимонахиня

Амвросия! А она и не знает ничего о монашестве. Приходит в монастырь: «Я монахиня, меня зовут... Ой, какое же мне имя-то дали... Забыла!»

— **Но я хочу сказать и о другом... Известны мне случаи, когда священник, женатый, имеющий детей, решает уходить в иеромонахи. И оказывается в так называемой «Шаталиной пустыни». Всё происходит по согласию с супругой, конечно, но я посмотрел в глаза этой женщине... Матушка, верите ли, — такой глубины горя я не видел давно.**

— Да, бывает... Остаётся жена, остаётся ребенок — а их же надо растить! Если ты о них заботы не имеешь, как же ты душу спасёшь? Так нельзя. Это неправильно. Если ты женат, да ещё дети есть — ни в коем случае! Не прерывай семейного послушания до гроба. А вот умерла твоя половина, тогда поступай так, как подскажет совесть.

— **Как вы считаете, справедливо ли выражение: образование детей должно быть светским, а воспитание — православным?**

— Так оно и есть. Православным ребенок должен стать в родительском доме, с самых пелёнок. Иначе ничего не получится. А светское образование — конечно, необходимо! Без него тоже не вырастить человека! То есть, конечно, есть люди необразованные, но

хорошие... Но хорошее светское образование душе не вредит, — наоборот!

— **Утверждают, что монахи — лучшие воспитатели детей. А почему: ведь монах не имеет семьи?**

— Знаете, я бы так не сказала. Всё зависит от конкретного монаха, от его склада души, от его характера. Монах может благочестие привить, — и тому у нас очень много примеров есть, но чтобы он всегда был лучшим воспитателем — не знаю...

— **Недавно почил о Господе монахиня Иоанна — на мой взгляд, такая смиренная и исполнительная, которая много потрудилась для монастыря. Конечно, мы не знаем промысла Божия, но сколько бы м. Иоанна могла ещё сделать!.. А Господь взял ее к Себе...**

— Такова воля Божия. И тут не нам судить. А я теперь только и молюсь, чтобы Матерь Божия снова послала нам такого же человека. Мать Иоанна многих отогревала душою. Как мне её не хватает — если б вы знали! Она и по архивным делам, и по Летописи, она и фотографией занималась, она и статьи писала... Как без неё! А я смиряюсь. Господи, да будет Твоя воля! Ты Обитель нашу не оставишь! Она много отдала людям, за что её все и любили очень, она всю себя отдавала монастырскому послушанию.

— **Матушка, кто важнее в женском монастыре — игуменья или духовник? Как распределяются сферы их духовного влияния?**

— Я вам так скажу: духовник — это духовник! Именно духовник ведёт сестер, а игуменья может только посоветовать, если что. Игуменья распоряжается на послушаниях, она смотрит за порядком, — от этих хлопот священник освобождён. Духовник же и помыслы примет, и грехи отпустит. И, конечно, духовник выше. Выше! Игуменья и сама исповедуется у него... Но духовник с игуменьей должны работать как единый человек.

— **Как вы считаете, почему среди святых, прославленных в лике преподобных, больше мужчин, чем женщин? Ведь известно, что женское монашество многочисленнее мужского...**

— Да, вы верно заметили... Видимо, мужчины и в монастыре посильнее нас. Есть, конечно, и женщины очень сильные, но всё-таки, как я замечаю, мужчине больше силы дано. Да, и у женщин молитва до Бога доходит, но всё-таки женщина послабее. Так Господь устроил...

— **Отчего в первую очередь вы хотели бы предостеречь современных девушек, желающих монашеской жизни?**

— Девушка приходит к нам, и сразу в восторге: «Ах!» Внешняя красота ей глаза застит. Это очень неправильно. «Ой, как красиво! Ой, какие цветы! Ой, какая одежда! Ой, какое пение!» Нет, это всё не то... Надо сначала пожить, помолиться, понять, каким трудом эта красота достается. Чтобы не было такого: «Я пожила годик — и хватит: мне тяжело, я ухожу!» Бывают такие случаи. И я хочу предостеречь девушек от скоропалительности. Путь монашеский надо выбирать с большим рассуждением и с тщательным испытанием себя.

— **Какая из обязанностей игуменьи для вас лично наиболее тяжела? А какая наиболее легка и радостна?**

— Трудно сказать, Александр Григорьевич! Должность настоятельницы — она вообще очень трудная. Особенно сейчас: посмотрите, сколько восстанавливается монастырей. Почему-то в этом главная надежда возлагается на настоятельницу. А ведь ей и духовные вопросы надо решать — и как их много-то, этих вопросов! А с сестрами разве не надо ей заниматься? А у нее ни времени, ни сил на это не остается: все силы отняло строительство, административная часть... Поэтому я даже не знаю, что легче, а что трудней. Мне кажется, всё трудно, но с Божьей помощью всё можно сделать — потихоньку, со смирением и с большой надеждой на Господа и на Матерь Божию. А что легче или тяжелей — мне трудно выразить.

— Можно ли до конца доверять собственной совести: мол, если она спокойна, значит серьёзных грехов в душе нет? Однажды я невольно заплакал на исповеди, и исповедник накрыл меня епитрахилью и ни слова не спросил.

— Видно, духовник этот был очень хороший: сильный и с большим понятием человеческой души. Он всё понимал, и никаких слов ему не требовалось. Но таких батюшек мало.

— Последний вопрос — о войне. Люди отдали живот свой за Отечество, и Бог, наверное, принял их под Свой кров. Равны ли перед Господом те, кто защищал Родину, и те, кто воевал против неё? Можем ли мы, дети победивших отцов и дедов, воздавать одинаковые почести защитникам и оккупантам?

— По-моему, нет... Нет! Тот, кто отдал себя всего, без остатка, спасая ближних, — тот, конечно, пошел в Царствие Божие. А с остальными Господь Сам будет разбираться. Мы слишком маленькие люди, чтобы разбираться в этом.

— Дорогая матушка, спаси вас Господи за то, что вы уделите мне столько времени. Я задавал вам заковыристые вопросы, потому что ум у меня еще заковыристый: когда ум простой, тогда и вопросы простые.

Я очень рад видеть вас в относительно добром здравии. Примите от нас, и от наших читателей, которые вас очень любят, наш низкий поклон.

— И вот мое материнское благословение: газету не бросать!

Благодарность паломника

Попросили, и я сделал запись в книге гостей Пюхтицкого монастыря: «Мне довелось побывать во многих монастырях России и зарубежья, но Пюхтица — место особое. Сюда тянется подустававшее сердце и больная душа, здесь люди под ласковым Покровом Божией Матери находят упокоение от бесконечных забот. Любовь Божией Матери к людям чудесным образом передается насельницам, которые с неподдельной любовью и приязнью служат пришельцам из суетного мира. Желаю процветания нашей Обители, которая, по преданию, будет незыблемо стоять до конца времен. Желаю здоровья и долголетия Матушке Игумении Варваре и всем насельницам монастыря. Что может быть ценнее для Бога, чем врачевание любовью?.. 14 октября, праздник Покрова Божией Матери».

Письмо от своей сестры через много лет

Александр Григорьевич, дорогой, это Вы! У нас уж давно и адрес другой – в этот практически не заглядываем. Случайно вот забрела, проверить. Взаимно Вас с Праздниками поздравляем! Слышала, что Вы до сих пор продолжаете выпускать газету. Помогите Господи.

Книга о Матушке Варваре (1930 – 8 февраля 2011) замечательная получилась, на конференции (Пюхтицких чтениях) как раз презентация была, книга достойная Матушки. Всем очень нравится.

А мы вот три года будем в феврале отмечать со дня кончины дорогой нашей Матушки. Живем потихоньку, Матушка позаботилась о нас, ещё при жизни назначила себе достойную замену, нашу сестру мать Филарету, и у нас жизнь в том же русле продолжается благодаря этому, без особых перемен, да и Матушка Филарета даже внешностью покойную игуменью

напоминает, особенно издали – порой забудешься и даже вздрогнешь: Матушка! Все это конечно хоть отчасти сгладило остроту потери. Было бы гораздо сложнее, если бы прислали кого-нибудь из России нами управлять.

Вот снежок сегодня наконец выпал, первый. А то все дожди да мрак, тучи сплошной стеной над головой, под ногами черно. А со снежком сразу посветлее стало, хоть небо и не расщедрилось, не показало своей голубизны.

Здоровья Вам, если болеете – поправляйтесь, если трудности на работе – да поможет Вам Господь силы укрепить.

Храни Вас Господь!

*С времён незапятнанных, с давней поры,
В объятых Эстонского края
На самой вершине лесистой горы
Сокрыта обитель святая.*

*В лазоревом небе плывут купола,
Кресты золотые сверкают,
Источника воды, прозрачной стекла,
Подножье её омывает.*

*Летящие годы слагались в века,
Неся испытаний немало,
Но Матери Божьей святая рука
Обитель от бед укрывала.*

*Царицы Небесной избранный удел,
Преддверье Небесного Рая,
И счастлив, кто здесь помолиться сумел,
К иконе святой припадая.*
м.Н.

Книги Александра Ракова

- 1. В ЛАДОШКЕ БОЖИЕЙ. ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА.**
М.Издательство свт.Игнатия Ставропольского, 2001.
- 2. СТРАНИЦЫ ДУШИ. ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА.**
М.Издательство свт.Игнатия Ставропольского, 2002.
- 3. ЗАВЕТНЫЕ УЗЕЛКИ. ВРЕМЯ СТРАНСТВОВАНИЯ.
ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА.**
М.Издательство свт.Игнатия Ставропольского, 2003.
- 4. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2004.
- 5. У РАСКРЫТОГО ОКНА. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2006.
- 6. НА МИЛОСТЬ ДНЯ. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2006.
- 7. ЗНАКИ ПРИПОМИНАНИЯ. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2007.
- 8. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2008.
- 9. ГОНИ, СТАРИК, СВОЮ ЛОШАДКУ. БЫЛИНКИ.**
СПб, Сатись, 2009.

- 10. О, ЖИЗНЬ, НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.**
СПб, Газета «Православный Санкт-Петербург», 2010.
- 11. СУНДУЧОК ВОСПОМИНАНИЙ. БЫЛИНКИ.**
СПб, Газета «Православный Санкт-Петербург», 2011.
- 12. ПИШУ СВОЮ СУДЬБУ ДО ТОЧКИ. БЫЛИНКИ.**
СПб, издательство писателей «Дума», 2012.
- 13. ПОЭЗИЮ ЛЮБЯТ КРАСИВЫЕ ЛЮДИ. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ КНИГ «БЫЛИНОК».**
1030 поэтов, СПб, издательство писателей «Дума», 2013.
- 14. ПОЭЗИЯ ДЕЛАЕТ ЗЕМЛЮ КРАСИВОЙ. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ ТЕТРАДЕЙ ДЛЯ «БЫЛИНОК».**
700 поэтов, СПб, издательство писателей «Дума», 2014.
- 15. ИЗБРАННЫЕ БЫЛИНКИ.**
СПб, ООО «Контраст», 2014.
- 16. НЕЗАБУДКИ.**
СПб, ООО «Контраст», 2015.
- 17. МОНАШЕСКОЕ ЦАРСТВО.**
СПб, ООО «Контраст», 2016.

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского **ВЛАДИМИРА**

ПРАВОСЛАВНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Какая польза человеку,
если он приобретет весь
мир, а душе своей
повредит?
Всмятение от: Матфея 16, 26

Газета «Православный Санкт-Петербург» — единственное всероссийское издание в граде Святого Петра. Существует с 14 апреля 1993 года по благословию Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва, †1995). Издается четыре дочерних газеты: «Соборная весть», «Правило веры», «Горница», «Чадушки», которые входят в подписку.

**Индекс всероссийской подписки
в каталоге «ПОЧТА РОССИИ» 31420**

Ваши отзывы о книге присылайте в редакцию газеты.

Адрес редакции:

1190013, Санкт-Петербург, ул. Рузовская, 31/1, лит. А, пом. 9.

Тел. (812) 335-36-22.

E-mail: pravspb@yandex.ru

aleksanrr2796@yandex.ru

www.pravpiter.ru

Отпечатано в ООО «Контраст», 192029 Санкт-Петербург,
пр. Обуховской Обороны, д.38, литера А, пом.16(6-Н)
Формат 70x108/32, объем - 8 п.л.
Заказ № 400